

Федеральное агентство
научных организаций

Российская
академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ЕВРАЗИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Материалы международной интернет-конференции
(16–20 июня 2015 года)*

ВОЛОГДА
2015

УДК 339.92
ББК 65.046.2
М43

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

М43 Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском экономическом пространстве [Текст] : материалы междунар. интернет-конференции, 16–20 июня 2015 года. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 276 с.

ISBN 978-5-93299-279-1

Редколлегия:

В.А. Ильин (отв. редактор),
К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Т.В. Ускова, Л.В. Бабич

В сборнике представлены материалы международной интернет-конференции «Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском экономическом пространстве», проходившей 16–20 июня 2015 года на интерактивной площадке в сети Интернет.

Участие в конференции приняли исследователи из России, Белоруссии, Казахстана. В работах затрагиваются вопросы активизации и повышения эффективности экономического сотрудничества регионов стран-участниц Евразийского экономического союза, расширения международного взаимодействия в научно-инновационной сфере с целью взаимного повышения конкурентоспособности стран и регионов в глобализирующемся мире, создания условий для повышения качества жизни и развития человеческого потенциала населения территорий на основе межрегиональной интеграции в ЕврАзЭС.

Сборник предназначен для ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблематикой экономического и социального развития, межрегионального и международного сотрудничества.

Тексты публикуются в авторской редакции.

**УДК 339.92
ББК 65.046.2**

Ответственный за выпуск – Л.В. Бабич

ISBN 978-5-93299-279-1

© Институт социально-экономического
развития территорий РАН, 2015

Секция 1

Опыт, проблемы и перспективы межрегионального торгово-экономического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза

Направления работы:

- ✓ тенденции, проблемы и перспективы регионального развития, формирования и реализации региональной политики России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии;
- ✓ направления и формы межрегионального сотрудничества стран-участниц Евразийского экономического союза в торгово-экономической сфере;
- ✓ место торгово-экономических связей в рамках Евразийского экономического союза во внешнеэкономических отношениях регионов;
- ✓ политико-правовые аспекты международных и межрегиональных отношений России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии в торгово-экономической сфере, состояние нормативно-правовой базы;
- ✓ организационно-экономические аспекты межрегионального сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза, проблемы в этой сфере;
- ✓ возможности и перспективы активизации и повышения эффективности межрегионального торгово-экономического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

Иванов В.А.

доктор экономических наук,
профессор, главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Россия, г. Сыктывкар)

Тенденции, возможности, проблемы и перспективы развития аграрного сектора северного региона

Россия по степени обеспечения населения медицинскими нормами питания за счет собственного производства относится к странам, не обеспечивающим продовольственную безопасность государства. За 1990–2013 гг. коэффициент продовольственной независимости имел положительную динамику лишь по зерну, овощам и бахчевым культурам. Порог продовольственной безопасности превышен по молочным и мясным продуктам. Особенно высока доля импорта сыров, масла животного, сухого молока и сливок, говядины, свинины. С учетом научно обоснованных норм потребления продуктов питания уровень продовольственной безопасности страны сейчас по молочным продуктам составляет 52%, мясным – 69%. Задача обеспечения продовольственного суверенитета страны весьма актуальна в связи с введением санкций и торгового эмбарго на импорт продукции в 2014 г. и требует приоритетного развития агропродовольственного сектора.

Успешное развитие северных и арктических территорий, обладающих различными природными ресурсами, зависит от полноценного питания с учетом приоритетов обеспечения продовольствием различных групп населения. Проведение реформ сопровождалось сокращением обеспечения населения биологически полноценными местными продуктами питания.

Целью работы является долгосрочный прогноз целевых ориентиров и обоснование приоритетов и механизмов развития аграрного сектора¹ Республики Коми.

Состояние аграрного сектора

Агропродовольственный сектор республики представлен сельхозпроизводителями, предприятиями переработки сельхозсырья и

---

¹ В узком смысле под аграрным сектором понимается собственно сельское хозяйство. В широком смысле понятие аграрного сектора отождествляется с агропромышленным комплексом (АПК) и с его ведущим подразделением – продовольственным комплексом.

обслуживающими организациями. В его составе в 2014 г. зарегистрировано 259 организаций, 370 крестьянских (фермерских) хозяйств, 92 тыс. личных подсобных хозяйств и 106 тыс. семей садоводов и огородников.

В структуре экономики региона на долю сельского хозяйства приходится 1,3% валового регионального продукта, 0,3 – инвестиций в основной капитал, 1,2% – среднегодовой численности занятых. Но при этом сельское хозяйство не только обеспечивает население свежими биологически полноценными продуктами питания, но и выполняет многообразные народнохозяйственные функции.

Для Республики Коми характерна низкая освоенность и неравномерное распределение сельхозземель по территории. Для аграрных целей используется 0,96% земельного фонда, уровень распаханности земли достигает 24%. Основные площади сельхозугодий сосредоточены в южной и центральной части региона.

В отраслевой структуре сельского хозяйства преобладает молочно-мясное скотоводство, птицеводство, свиноводство и оленеводство. Растениеводство специализируется на производстве картофеля и овощей, а также обеспечивает сочными и грубыми кормами животноводство.

Республика Коми имеет низкую долю продовольственного обеспечения за счет собственных ресурсов: по мясу и мясопродуктам – 28%, молоку и молокопродуктам – 23, яйцу и яйцепродуктам – 48, овощам – 26%. Уровень самообеспечения картофелем за 2011–2013 гг. колебался от 98 до 109%.

Ввозимая продукция составляет основу ресурсов по всем видам пользования, за исключением картофеля. Сейчас доля ввоза продуктов питания животного происхождения от размеров собственного производства существенно превышает этот показатель 1990 г. (табл. 1).

Таблица 1. Ввоз продуктов питания к объему собственного производства в Республике Коми, %

Продукция	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Мясо и мясопродукты	166	287	315	289	257	254	261
Молоко и молокопродукты	156	126	204	289	309	305	332
Яйца и яйцепродукты	6	67	60	68	78	91	110
Картофель	33	0,2	4	29	13	2	1
Овощи и бахчевые культуры	538	157	216	305	287	287	290
Источник: данные Комистата.							

Динамика изменения уровня самообеспечения населения Республики Коми продуктами питания в период рыночных реформ свидетельствует о снижении коэффициента продовольственной самообеспеченности продукцией животноводства и повышении этого показателя по продукции растениеводства. За 1990–2013 гг. уровень самообеспечения населения по мясу и мясопродуктам снизился с 32,6 до 28,1%, молоку и молокопродуктам – с 39,7 до 23,3%, яйцу – с 94,4 до 47,6%, по картофелю увеличился с 64,6 до 101,8%, овощам – с 15,7 до 25,9%.

Основной причиной снижения уровня самообеспечения продукцией животноводства является спад ее производства. За 1990–2014 гг. производство мяса сократилось в 1,9 раза, молока – 3,7, яиц – в 2,9 раза. Особенно сильное падение производства продукции наблюдалось в коллективных хозяйствах: производство молока снизилось в 5 раз, картофеля – 8,8, овощей – в 5,2 раза. В хозяйствах населения рост производства молока наблюдался до 2000 г., а мяса – до 1995 г.

Падение производства молока наблюдалось во всех муниципальных районах, а мяса – во всех, кроме Сыктывдинского. В этом муниципальном образовании производство мяса увеличилось на 31%. Это – результат устойчивого развития мясного птицеводства в ОАО «Птицефабрика Зеленецкая» с середины 1990-х гг., а также реконструкции и модернизации свиноводческого комплекса в составе птицефабрики с 2008 г. Сейчас на долю предприятия приходится более 70% производимого в республике мяса.

Наблюдается устойчивое падение производства говядины и телятины, доля мяса крупного рогатого скота снизилась с 52% в 1970 г. до 37% в 1990 г. и 18% в 2013 г., а доля мяса птицы увеличилась соответственно с 5 до 24 и 64%.

В общем производстве скота и птицы на убой в хозяйствах всех категорий в 2013 г. доля оленей составила 4%, свиней – 13, в то время как в 1970 г. эти показатели составляли соответственно 14 и 19%, в 1990 г. – 4 и 33%.

Спад производства продукции растениеводства и животноводства обусловлен сокращением посевных площадей и поголовья животных, особенно в сельхозорганизациях, где за 1990–2014 гг. посевные площади сельхозкультур уменьшились в 3,1 раза, картофеля – 16,9, овощей – 18,6, кормовых культур – в 2,6 раза. Рост посевных площадей в хозяйствах населения наблюдался до 2000 г.

Поголовье крупного рогатого скота в сельхозорганизациях сократилось со 155,2 тыс. голов в 1990 г. до 19,6 тыс. в 2014 г., в том числе коров – с 61 до 8,8, свиней – с 86,4 до 20, оленей – со 102,3 до 65, птицы – с 3608 до 1590 тыс. голов.

Наблюдается также сокращение производства продукции скотоводства, свиноводства и яичного птицеводства на душу населения. За 1990–2014 гг., при уменьшении численности населения в 1,4 раза, производство молока на одного жителя снизилось со 166 до 64 кг, говядины – с 11,2 до 3,3 кг, свинины – с 14,2 до 3 кг, яиц – с 294 до 143 шт. Производство мяса птицы за этот период возросло с 7,4 до 14,8 кг.

Спад производства в животноводстве отрицательно сказался на состоянии перерабатывающей промышленности. За 1990–2014 гг. производство цельномолочной продукции в перерасчете на молоко уменьшилось в 5,9 раза, масла – в 3,5 раза. Что касается мяса и мясопродуктов, то максимальное падение их производства в этой отрасли наблюдалось до 2000 г., затем, за счет наращивания производства мяса птицы, начались стабилизация и рост выпуска мясных продуктов. В 2014 г. выработка мяса по сравнению с 2000 г. увеличилась в 2,9 раза.

Оценки конкурентных возможностей

В качестве благоприятных условий и конкурентных возможностей аграрного сектора отметим следующие. Агроприродный (достаточное количество осадков, длинный световой день в период вегетации, значительные массивы природных кормовых угодий, в том числе пойменных лугов) и экономические (исторически освоенные территории, дороги, трудовые ресурсы) потенциалы позволяют вести эффективное картофелеводство, скотоводство, оленеводство, птицеводство.

В республике имеется достаточное количество сельхозугодий, в том числе крупных массивов пойменных лугов, природных растительных ресурсов для организации сбора и переработки дикоросов, рыбных ресурсов.

Продукция традиционных отраслей (олeneводство, рыболовство, охотничьи промыслы, сбор дикорастущих грибов и ягод) конкурентоспособна не только на региональном, но и национальном и международном рынках. Помимо мяса оленей и продуктов его переработки, огромным спросом за рубежом, прежде всего в странах Азии, пользуются панты, эндокринно-ферментное сырье и кровь оленей.

В качестве предпосылки для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы выступает индустриальный характер экономики, позволяющий направлять значительные бюджетные средства для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий.

Республика располагает возможностями для производства органической продукции, от реализации которой можно получать своего рода рентный доход. Преимущества северного сельского хозяйства для производства экологических продуктов питания успешно используют скандинавские фермеры.

Конкурентные возможности агропродовольственного сектора представлены на рис. 1.

Рис. 1. Конкурентные возможности агропродовольственного сектора Республики Коми

Основные проблемы и риски

К ключевым проблемам, ограничивающим развитие агропродовольственного сектора и самообеспечение продуктами питания, относятся следующие.

В Республике Коми по сравнению с Россией и Северо-Западным федеральным округом значительно ниже обеспеченность биологическими ресурсами за исключением поголовья оленей на душу населения. Особенно низкая обеспеченность ресурсами в арктических и Субарктических районах

республики. Здесь по сравнению с остальными территориями обеспеченность на душу населения пашней ниже в 6,2 раза, крупным рогатым скотом – 1,2, свиньями – 6,5, птицей – в 3,6 раза.

Главной экономической проблемой аграрного производства остается крайне неудовлетворительное состояние его материально-технической базы из-за резкого сокращения инвестиций. Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства снизились за 1990–2013 гг. с 5,7 до 0,3%. Это привело к резкому спаду темпов строительства и реконструкции мощностей, технического оснащения отрасли.

Растет износ основных фондов в организациях сельского хозяйства. В среднем по республике этот показатель в 2013 г. составил 49%, а в большинстве сельских районов превысил 70%.

Ухудшаются агрохимические и водно-физические свойства почвы, увеличиваются площади заболоченных и закустаренных земель в связи с разрушением осушительных систем и практически прекращением мелиоративных работ. За 1990–2014 гг. внесение минеральных удобрений в перерасчете на 100% питательных веществ на 1 га посева упало со 135 до 20 кг, органических – с 18 до 4,2 т. В 2014 г. удобрено минеральными удобрениями 23%, а органическими удобрениями – 10% посевов сельхозкультур, в 1990 г. эти показатели составили 81 и 26% соответственно. Особенно резко сократились удобрения минеральными удобрениями площади лугов и пастбищ. Если площади посевов сельхозкультур, удобренные минеральными удобрениями, в сельхозорганизациях республики уменьшились более чем в 8 раз, то удобренные площади естественных кормовых угодий – в 25 раз. В результате вынос питательных веществ с урожаем из почвы превышает их внесение.

Для аграрного сектора республики характерен низкий уровень инновационной активности при значительном научном потенциале. Доля сельскохозяйственных и агропродовольственных предприятий, являющихся наиболее динамичными потребителями новшеств, составляет лишь 10%. В большинстве аграрных предприятий и крестьянских хозяйств преобладают примитивные методы и технологии, применяются устаревшие сорта и породы скота, несовершенные формы организации труда и управления.

К числу основных факторов и условий, сдерживающих модернизацию и инновационное развитие аграрного сектора, относятся сокращение трудовых

ресурсов, нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень заработной платы, слабое развитие производственной, социальной и рыночной инфраструктуры и сельскохозяйственного консультирования.

Основные барьеры на пути технико-технологического и социально-экономического развития сельского хозяйства показаны на рис. 2.

Рис. 2. Факторы и условия, сдерживающие развитие аграрного сектора Республики Коми

К ключевым рискам, обусловленным как внешними, так и внутренними условиями, относятся:

1. Вступление России в ВТО, вызывающее падение темпов роста производства аграрной продукции, снижение уровня самообеспечения продовольствием, инвестиционной привлекательности и рентабельности аграрных хозяйствующих субъектов, банкротство сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств из-за низкой конкурентоспособности, сокращение числа рабочих мест и налоговых поступлений, снижение доходов и уровня жизни крестьян. В этих условиях особую значимость приобретает

выработка комплекса мер, прежде всего снятие ограничений господдержки по «желтой корзине», по недопущению ухудшения социально-экономической ситуации в сельском хозяйстве.

2. Влияние неблагоприятных внешних условий (санкций, мирового экономического кризиса, роста инфляции).

3. Сохранение диспаритета цен на сельхозпродукцию и промышленную продукцию.

4. Снижение финансовой поддержки, доступа к кредитным ресурсам.

5. Риски высокой концентрации крупных аграрных предприятий в городских и пригородных зонах, связанные с невозможностью производить органическую продукцию, появлением негативных эффектов воздействия на окружающую среду в городах и пригородных зонах, на здоровье потребителей пищевых продуктов.

6. Тенденция оттока квалифицированных кадров из агропродовольственной сферы.

7. Риск уменьшения трудового потенциала вследствие сокращения численности и старения сельского населения. Для снижения риска дефицита трудовых ресурсов важно развивать отрасли, определяющие качество человеческого капитала, и поднять уровень жизни крестьян.

8. Неравномерность развития сельских муниципальных районов, приведшая к значительному разрыву в показателях производства продукции, производительности труда, уровня доходов населения. Чтобы не допустить усиления резких колебаний в развитии агропродовольственного сектора, потребуется дифференциация инструментов и механизмов развития.

Цели, приоритеты и механизмы долгосрочного развития аграрного сектора

Основная стратегическая цель социально-экономического развития агропродовольственного сектора – достижение сбалансированного развития его отраслей, обеспечение высоких и устойчивых темпов роста производства продуктов питания, обеспечивающих повышение уровня и качества жизни крестьян.

Для достижения поставленных стратегических целей и задач развития агропродовольственного сектора необходимо осуществить следующие мероприятия:

1. Обеспечить темпы роста аграрной экономики, превышающие 4% в год, за счет инновационной модернизации всех экономических укладов, развития кадрового потенциала, привлечения финансовых ресурсов и повышения инвестиционной активности. Опережающее развитие должно получить молочное и мясное скотоводство.

2. Сформировать многоукладное аграрное производство, включающее крупные и средние коллективные организации, крестьянско-фермерский уклад и хозяйства населения.

3. Обеспечить высокое качество жизни крестьян.

4. Совершенствовать размещение, специализацию, кооперацию и интеграцию в АПК, обеспечивающую замкнутый цикл производства аграрной продукции, ее переработки и реализации.

5. Стимулировать внутренний спрос на агропродовольственную продукцию.

6. Создать условия для устойчивого развития сельских территорий.

7. Сформировать эффективные инструменты и механизмы стратегического развития.

Ключевым приоритетом развития является использование селекционно-генетических, технико-технологических, организационно-экономических и социально-экономических инноваций, формирующих в агропродовольственном секторе пятый и шестой технологические уклады. Инновации следует осуществлять не только в коллективных и крестьянско-фермерских хозяйствах, но и в сельских домохозяйствах, роль которых в условиях циклических экономических кризисов велика. Малые формы хозяйствования могут оказаться более восприимчивыми (по сравнению с крупными предприятиями) к использованию инноваций.

Применение указанных типов инноваций обеспечит рост инновационной активности организаций аграрного сектора республики. Доля агропродовольственных предприятий, активно использующих инновации, увеличилась с 10% в 2014 г. до 50% в 2030 г.

Для достижения ожидаемого результата потребуется значительное изменение внешних условий хозяйствования, развитие ориентированных на быструю отдачу фундаментальных исследований и важнейших прикладных разработок, расширение подготовки и переподготовки высококвалифицированных специалистов региональным образовательным

сектором, привлечение специалистов для работы по новым технологиям, стимулирование их закрепления на предприятиях, формирование сети информационно-консультационной службы для трансфера инноваций в аграрное производство.

Прогнозируя развитие аграрного сектора в Республике Коми, следует ответить на вопрос: какому социальному типу хозяйств отдать предпочтение (сельхозорганизациям, фермерским хозяйствам, хозяйствам населения)?

При решении вопроса о перспективных формах хозяйствования в северных и арктических территориях важно учитывать более выраженную склонность сельских тружеников к коллективному труду. Здесь они рассчитывают на поддержку коллектива в трудную минуту, на его помощь в ведении личного подсобного хозяйства; видят гарантированное место работы. К тому же советский период внес свою лепту в формирование сельского уклада жизни, основанного на работе крестьян в коллективных хозяйствах. Поэтому необходимо восстановить средне- и крупнотоварное сельскохозяйственное производство, которое будет интегрировано с перерабатывающей промышленностью и которое должно составить основу аграрной экономики.

В силу сокращения сельских домохозяйств, ухудшения демографической ситуации на селе, старения сельского населения и снижения в нем доли дееспособных лиц, низкой эффективности производства, базирующегося на ручном, малоквалифицированном физическом труде, не следует в качестве базы формирования продовольственного фонда основной упор делать на личные хозяйства граждан. В настоящее время абсолютное их большинство относятся к потребительскому типу. В то же время начиная с середины 1990-х гг., в хозяйствах населения сокращаются посевные площади, поголовье скота и производство продукции.

Фермерский уклад в прогнозируемый период не получит существенного развития. Становление крестьянско-фермерского хозяйства требует больших инвестиций для создания материальной базы и инфраструктуры, много времени, компетентных работников, адаптированных к условиям рынка.

Согласно прогнозу, доля сельхозорганизаций в производстве аграрной продукции увеличится с 60% в 2014 г. до 72% в 2030 г., крестьянско-фермерских хозяйств – соответственно с 4 до 8%, а хозяйств населения снизится с 36 до 20%.

Одним из приоритетов развития должно стать совершенствование специализации, кооперации и агропромышленной интеграции. В Республике Коми под воздействием природных, экономических и общественных потребностей сформировались четыре сельскохозяйственные зоны: Южная, Центральная, Северная и Крайнего Севера².

В Южной аграрной зоне, с наиболее благоприятными условиями ведения сельского хозяйства, предусматривается углубление специализации производства картофеля, молока, мяса крупного рогатого скота. В качестве дополнительных отраслей получит развитие производство овощей открытого грунта, зерна, семеноводство зерновых и многолетних трав. Часть производимой продукции будет направляться на улучшение обеспечения населения арктических и приарктических территорий республики.

Сельхозпроизводители Центральной зоны будут специализироваться на производстве молока, мяса птицы, крупного рогатого скота, свиней, яиц, картофеля, овощей открытого и закрытого грунта.

В Северной сельскохозяйственной зоне в перспективе получит развитие оленеводство, молочное скотоводство, а в качестве дополнительных отраслей – выращивание в хозяйствах населения картофеля и овощей.

Наиболее перспективными для зоны Крайнего Севера является развитие оленеводства, производства молока и яиц. В арктической зоне (городской округ Воркута) предстоит восстановить в ограниченных масштабах производство молока и тепличных овощей. Для обеспечения детей, шахтеров свежими молочными продуктами предлагается создать несколько новых сельхозорганизаций, включающих молочные фермы, цехи по переработке молока и забою крупного рогатого скота.

В зонах Крайнего Севера, Северной и Центральной весьма перспективна организация тепличных хозяйств на базе утилизации тепла, производимого компрессорными станциями по переработке природного газа, электрическими и тепловыми станциями.

Возможная специализация аграрного производства по сельскохозяйственным зонам представлена в таблице 2.

---

² В Южную зону входят муниципальные районы Койгородский и Прилузский; Центральную – Усть-Куломский, Усть-Вымский, Княжпогостский, Корткеросский, Сыктывдинский, и Сысольский муниципальные районы, а также городской округ Сыктывкар; Северную – Ижемский, Усть-Цилемский, Удорский, Троицко-Печорский, Вуктыльский, Печорский и Сосногорский муниципальные районы, городские округа Усинск и Ухта; Крайнего Севера – городские округа Воркута и Инта.

Таблица 2. Перспективная специализация аграрного производства по сельскохозяйственным зонам Республики Коми

Зона	Основная продукция	Дополнительная продукция
Южная	Молоко, мясо крупного рогатого скота, картофель	Зерно, овощи открытого грунта, семеноводство зерновых и многолетних трав
Центральная	Молоко, мясо птицы, яйцо, овощи	Картофель, мясо крупного рогатого скота, свиней
Северная	Продукция оленеводства, молоко, мясо крупного рогатого скота	Картофель и овощи в хозяйствах населения
Крайний Север	Продукция оленеводства, молоко, яйцо	Мясо крупного рогатого скота, тепличные овощи

Важно увязать совершенствование размещения и специализации аграрного производства с тесными взаимосвязями с другими сферами агропродовольственного сектора. Необходимо создать замкнутый цикл производства сельхозпродукции, ее переработки и реализации продовольствия через собственную торговую сеть. Для этого потребуются вертикально интегрированные формирования.

Учитывая, что более 22% населения республики проживает в сельской местности, особое внимание в перспективе необходимо уделить устойчивому развитию сельских территорий. Для устойчивого социально-экономического развития села необходимо решить следующие задачи:

- рационально использовать природные ресурсы;
- ускорить строительство молочных и мясных ферм, убойных пунктов, цехов по переработке молока и мяса, картофеле- и овощехранилищ с регулируемым микроклиматом, заготовительных пунктов по первичной переработке дикоросов, лекарственного сырья и рыбы;
- диверсифицировать и повысить эффективность сельской экономики;
- решить проблему занятости трудоспособного населения;
- закрепить квалифицированных работников на селе;
- стабилизировать и улучшить демографическую ситуацию на селе;
- повысить образовательный и квалификационный уровень сельского населения;
- улучшить жилищные условия сельских жителей и социально обустроить сельские поселения;
- развивать все виды транспорта;

- развивать систему жизнеобеспечения в сельских населенных пунктах, повысить качество и доступность всех видов услуг;
- сохранить и развивать традиционный образ жизни сельских жителей;
- развивать в сельской местности информационно-консультационные службы;
- укрепить доходную часть бюджета сельских муниципальных образований;
- дифференцировать меры территориального развития;
- координировать действия федеральных, региональных и местных органов власти, предпринимателей, общественных организаций и населения.

Одним из приоритетов развития агропродовольственного сектора является стимулирование внутреннего спроса на сельхозпродукцию и продовольствие. В целях активизации внутреннего спроса региональным и муниципальным органам власти, руководству аграрных хозяйствующих субъектов необходимо наладить контрактную систему, обеспечивающую приоритет при закупках продукции в региональные и муниципальные фонды местной продукции, используемой для обеспечения населения биологически полноценными продуктами питания, бесплатного питания детей и школьников и отоваривания продовольственных талонов малоимущих. Потребуется также ликвидация монополии заготовительных, посреднических и перерабатывающих структур путем перевода на кооперативную основу цикла производства, переработки и реализации продукции.

Важным приоритетом развития агропродовольственного сектора должно стать формирование эффективных инструментов и механизмов. Основным инструментом реализации долгосрочной стратегии являются государственные программы. Разработка и реализация долгосрочных целевых программ в АПК направлены на использование новых технологий в растениеводстве, животноводстве, переработке аграрной продукции, а также на развитие новых производств (глубокая переработка продукции оленеводства, рыбы, дикоросов).

В целях реализации стратегии необходимо разработать государственные программы развития агропродовольственного сектора Республики Коми до 2030 г.: «Развитие агропродовольственного и рыбного комплекса», «Развитие оленеводства», «Развитие органического сельского хозяйства», «Развитие мелиорации земель», «Программа комплексной переработки продукции

оленоводства, рыбы, дикоросов», «Программа кадрового обеспечения аграрного сектора», «Устойчивое развитие сельских территорий».

Для осуществления технико-технологического и социально-экономического развития аграрного сектора республики потребуются значительные финансовые ресурсы, включая государственные инвестиции. Поскольку частные инвесторы в условиях Севера и Арктики, в силу низкой доходности сельского хозяйства, больших сроков окупаемости вложенных средств, не заинтересованы инвестировать капитал в его развитие, особенно велика роль государства как организатора, координатора и главного участника технико-технологической модернизации отрасли и решения социальных проблем села.

Финансовая поддержка аграрного сектора Республики Коми будет осуществляться по следующим направлениям:

1. Увеличение объема финансовых ресурсов для аграрного развития сельской периферии за счет перераспределения субсидий с сельхозорганизаций, осуществляющих самоокупаемость и самофинансирование.

2. Государственная поддержка хозяйствующих субъектов, реализующих инвестиционные проекты, в форме предоставления в залог государственного имущества республики для обеспечения исполнения кредитных обязательств.

3. Господдержка в виде целевых грантов крестьянско-фермерским хозяйствам.

4. Поддержка малого предпринимательства, обеспечивающего рост занятости населения в отдаленных населенных пунктах сельской местности (развитие личных подсобных хозяйств, садоводческих некоммерческих объединений граждан, организация сбора и переработки дикоросов).

5. Предоставление субсидий на развитие рыбоводства.

6. Возмещение части затрат по кредитам.

7. Освобождение крестьян на пять лет от налогов.

8. Решить вопрос о предоставлении льготного кредита на строительство животноводческих помещений на срок до 20–25 лет, приобретение техники и оборудования на 6–8 лет.

9. Снять ограничения на господдержку сельского хозяйства по «желтой корзине».

Осуществление намеченных мероприятий позволит в 2030 г. достигнуть следующих результатов:

- повысить эффективность и конкурентоспособность агропродовольственных предприятий;
- увеличить производство аграрной продукции (в сопоставимых ценах) по сравнению с 2014 г. в 1,6 раза;
- увеличить производство картофеля в 1,4 раза – до 162 тыс. т, соответственно овощей – 2,7 раза и 52 тыс. т, мяса – 1,4 раза и 31,1 тыс. т, в том числе говядины и телятины – 3,5 раза и 10,2 тыс. т, мяса птицы – 1,1 раза и 14,6 тыс. т, свинины – 2,1 раза и 5,3 тыс. т, оленины – в 1,7 раза и 1,2 тыс. т;
- полностью обеспечить население картофелем и овощами открытого грунта местного ассортимента (кроме ранней продукции), расширить производство овощей закрытого грунта, увеличить самообеспечение мясом и мясопродукцией до 35–40%, молоком и молокопродукцией – 40–45, яйцом – до 65–70%;
- повысить долю сельхозорганизаций в производстве аграрной продукции до 72%;
- увеличить заработную плату в сельском хозяйстве в 3,5 раза к уровню 2014 г. – до 70 тыс. руб.

Иванов С.Е.

кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Особенности и взаимосвязи структурного и факторного анализа в оценке экономического роста

Производственно-экономическая деятельность предприятий, регионов и народного хозяйства в целом описывается множеством самых различных показателей, которые могут классифицироваться по отдельным направлениям и видам в части рационального и эффективного использования основных фондов и топливно-энергетических ресурсов, материалоемкости и трудоемкости производства продукции, технического развития и организации производства, повышения производительности труда и сокращения потерь рабочего времени. Однако в этой совокупности показателей наиболее важным является выпуск продукции, который представляет собой конечный результат производственной деятельности. Поэтому понятие экономического роста является обобщающим для отражения эффективности работы как предприятия, так и народного хозяйства в целом. При этом следует учесть, что чем сложнее экономическая система, тем труднее оценить совокупное воздействие факторов экономического роста на ее развитие. Данная проблема проявляет себя, например, на уровне анализа и разработки подходов к преодолению социально-экономической дифференциации регионов России, объединенных в единое экономическое пространство [1], в определении подходов к созданию эффективных региональных кластерных систем [2], а также при установлении роли и места интеллектуальных ресурсов в инновационном развитии экономики [3].

Как показывает практика, количественное измерение экономического роста в одинаковых натуральных единицах измерения не представляет особой сложности. В абсолютном измерении динамика экономического роста определяется как разность разделенных во времени показателей циклов производства. В относительном измерении динамика экономического роста определяется индексами роста выпуска продукции и прироста выпуска продукции. Однако этот способ применим только для некоторых видов продукции, допускающих измерение в физических единицах веса, длины,

объема и т.д. В общем случае даже в пределах одного предприятия, производящего несколько видов продукции, совокупный выпуск продукции в натуральном виде оказывается несоизмеримым, так как разные виды продукции несопоставимы друг с другом по качественным признакам. Поэтому при выпуске предприятием неоднородной продукции нескольких видов статистика использует стоимостной способ измерения в текущих и сопоставимых ценах, опираясь на номинальный и реальный индексы выпуска продукции.

Для одного или нескольких видов товара, производимых одним предприятием, вышеупомянутые способы расчета в какой-то мере достаточно достоверно описывают динамику экономического роста. Если же для анализа этой проблемы берутся несколько предприятий, которые к тому же вступают между собой в отношения товарного обмена, то оценка достоверности полученных выводов и с качественной, и с количественной точек зрения вызывает большие сомнения и методологические затруднения.

Во-первых, это связано с условием однородности сравниваемых групп товаров, которое невыполнимо на протяжении даже сравнительно короткого времени. В процессе производства изменяются технические характеристики производимых товаров, их качественное содержание, потребительная стоимость. Изменяется и стоимость товаров как таковая в форме затрат труда либо вследствие изменения технологии производства, либо как результат внедрения технических новшеств и повышения качества рабочей силы. Поэтому сказать, что по перечисленным параметрам метр холста, произведенный в позапрошлом веке, сопоставим с метром ткани, который выпущен на современной фабрике, было бы ошибкой. Аналогичный пример можно привести по любой отрасли, где однородный продукт, например бензин, имеет несколько видов (марок), которые статистика для сопоставимости вынуждена приводить посредством разного рода коэффициентов к некоему усредненному (условному) виду топлива.

Во-вторых, на процесс количественной оценки экономического роста в стоимостном измерении оказывают существенное влияние не только движение цен в денежной форме, но и динамика стоимости самих денег. Изменение стоимостного содержания рубля, например, по отношению к доллару США, делает несоизмеримым номинальное движение (увеличение или уменьшение) цен в рублевом эквиваленте в пространстве и времени. На территории России один и тот же продукт (например, хлеб) имеет разную цену как в разных

федеральных округах, так и в отдельных городах и поселках внутри одной и той же области, так и по времени производства. В середине 2014 г., например буханка хлеба, произведенного в г. Вологде, стоила 28 руб. при валютном курсе 36 руб. за 1 долл. США, а в середине 2015 г. та же самая буханка хлеба стоит те же 28 руб., но уже при валютном курсе 56 руб. за 1 долл. США. Следовательно, в долларовом эквиваленте цена буханки хлеба снизилась примерно в 1,5 раза, тогда как номинально она не изменилась.

В-третьих, на величину агрегатного индекса цен существенное влияние оказывает не только номенклатура, но и круг (число) сравниваемых товаров. Учесть изменение всех цен в народном хозяйстве по всем видам товаров в соответствии с их удельным весом в общем объеме производства статистике в прошлом было не под силу. Точно так же практически невозможно осуществить подобный расчет и в наше время, несмотря на высокий уровень компьютеризации расчетных операций. Хотя бы потому, что новые виды товаров постоянно вытесняют из обращения устаревшие или не пользующиеся спросом и не удовлетворяющие современным требованиям товары. Поэтому специалисты ограничиваются расчетом агрегатного индекса цен по вполне определенному кругу товаров, число которых в развитых странах принимается в соответствии с народными традициями статистического учета.

В-четвертых, определенные трудности для статистического учета возникают при оценке всех видов хозяйственной деятельности в стране, которые подразделяются на четыре сектора производства: неформальный (отсутствуют конкретные нормы, регламентирующие отношения обмена, то есть простой товарный обмен на бытовом уровне), неофициальный (разрешено все, что не запрещено законом), официальный (функционирует строго в законодательных, нормативных, инструктивных и методических рамках) и теневой (преступный). Это явление характерно для всех стран мира. Разница лишь в терминологии и специфических определениях.

И наконец, самым главным препятствием на пути осуществления расчетов подобного рода является фактор общественного разделения труда на основе кооперации производителей, то есть их участия в товарном обращении. В пределах одного предприятия, которое функционирует на принципах корпоративного производства, специализация бригад не увеличивает стоимость продукта, так как между ними нет товарного обмена. В общественном производстве специализация производителей, которые вступают друг с другом

в товарные отношения, увеличивает стоимость (цену) общественного продукта тем больше, чем больше происходит дробление отдельных производств на отдельные составляющие. И наоборот, стоимость общественного продукта уменьшается, если мелкие производства укрупняются и объединяются в пределах одного более крупного предприятия. Это явление в экономической науке известно под названием повторного счета стоимости, подразумевающего неоднократный учет одних элементов стоимости (цены) производимых по определенной технологической цепочке продуктов в стоимости (цене) конечного продукта, непосредственно поступающего в сферу производственного или личного потребления товара.

Первые три затруднения нашли в статистике приближенное решение посредством введения понятия сопоставимых цен, которые, начиная с 50-х годов XX в., стали использоваться вместо неизменных цен. Четвертое затруднение решается методом экспертных оценок и наблюдений, позволяющих косвенно учитывать рост общественного производства с учетом производства продукции в остальных, кроме официального, секторах общественного производства. Четвертое затруднение оказалось с методологической точки зрения наиболее сложным и противоречивым. При этом суть проблемы определялась не только экономико-математическим содержанием проблемы. Существенное влияние оказывали идеологические разногласия в среде экономистов, а больше всего – отсутствие однозначного решения относительно структурной взаимосвязи между общепринятыми показателями экономического роста.

Отсюда становится очевидным, что на уровне анализа структуры выпуска индивидуального продукта или общей стоимости и структуры нескольких индивидуальных продуктов можно установить лишь относительную подчиненность показателей экономического роста. Что касается количественных, а тем более качественных взаимосвязей между ними, то они могут быть выявлены лишь на основе структурного анализа экономического развития общества.

В свою очередь факторный подход к анализу процессов и явлений складывался и развивался на протяжении всей истории экономической науки. По мере своего развития факторный анализ включил в сферу своего внимания практически все структурные показатели (фондоёмкость, материалоёмкость валового общественного продукта и национального дохода и т.д.), подменив

собой совокупность средств и методов, относящихся к структурному анализу как таковому. И тем не менее только на основе структурного анализа такие показатели как органическое строение капитала и норма прибавочной стоимости раскрывают в относительном виде сущность отношения постоянного капитала или прибавочной стоимости к переменному капиталу, характеризуют тем самым состояние технического прогресса в производстве (по величине органического строения капитала) или уровень эксплуатации рабочего (по норме прибавочной стоимости).

Изменения структурных показателей по циклам производства сами по себе ни о чем не говорят и могут быть объяснены лишь с помощью факторного анализа. Например, изменение цены рабочей силы есть результат влияния трех основных факторов: производительной силы труда, интенсивности труда и продолжительности рабочего времени [4]. Таким образом, становится очевидной непосредственная связь структурного анализа с факторным анализом. Факторный анализ, в свою очередь, не имеет конкретного смысла, если не связан напрямую с анализом динамики структурных показателей. Например, если известны изменения в производительной силе, интенсивности и продолжительности труда, то сами по себе они ни о чем не говорят, если их динамика не сопровождается изменением цены рабочей силы или удельного веса фонда оплаты труда в стоимости валовой продукции.

Это разграничение между структурным и факторным анализом имеет принципиальное методологическое значение в той мере, в какой исключает возможность объяснения динамики структурных показателей за счет изменения самих структурных показателей, а динамики факторных признаков – за счет изменения самих факторов. Если структурный анализ смешивается с факторным, то возникает замкнутая цепь взаимосвязанных причин и обстоятельств ни для кого и ничего не объясняющих. Например, объясняя в одном месте финансовый кризис в стране кризисом производства, а кризис производства – неплатежеспособностью предприятий, то есть финансовым кризисом, найти действительное объяснение причин и того, и другого явления практически невозможно. Точно так же невозможно найти действительную связь между ростом материалоемкости и снижением фонда оплаты труда, если последнее ставить в прямую зависимость от первого. Во всех вышеперечисленных случаях движущей силой являются экономические интересы, обнаружение которых возможно лишь при одновременном

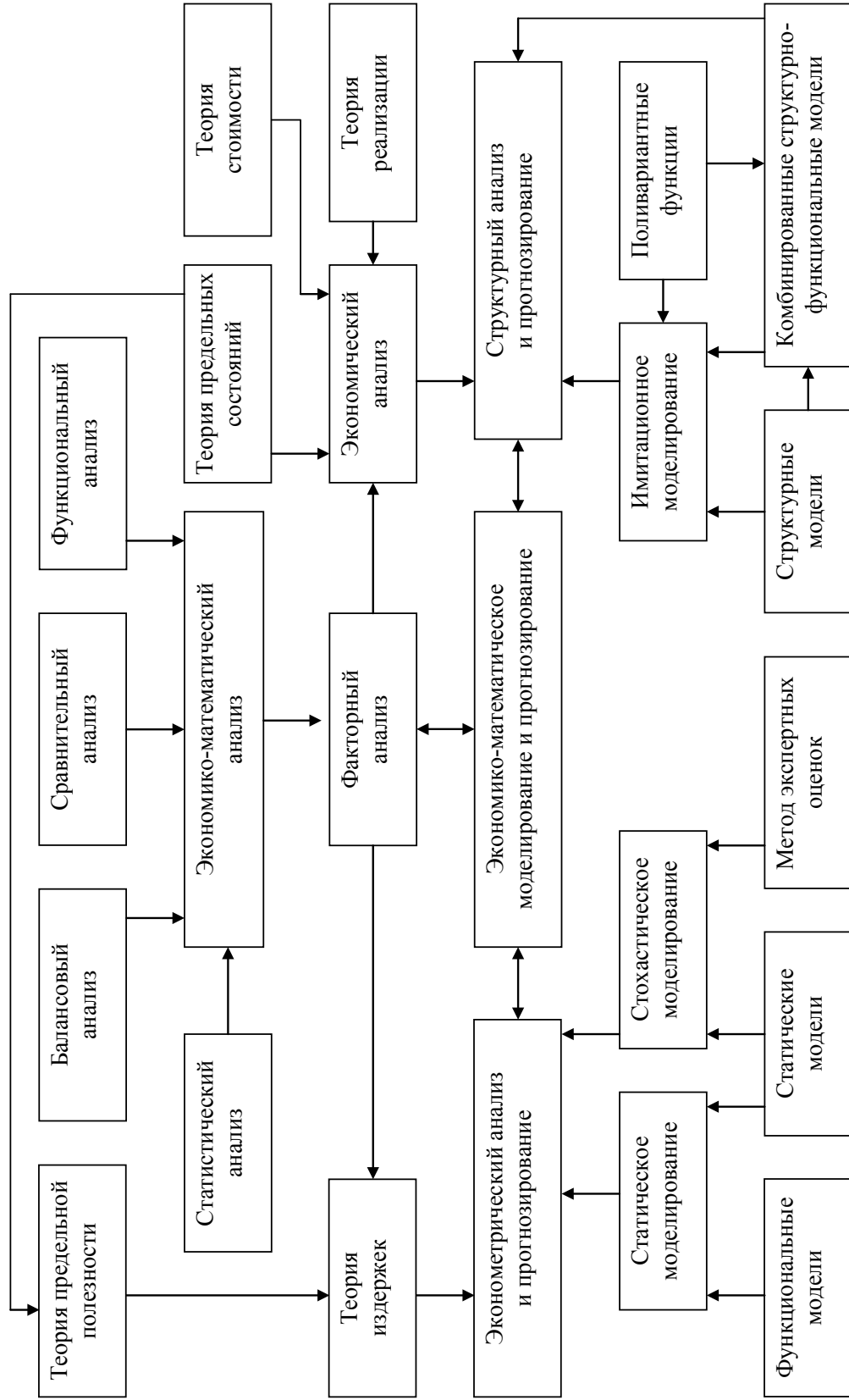
использовании приемов и методов структурного и факторного анализа, которые по своей сути являются двумя сторонами экономического анализа.

Проведенное сравнение областей использования факторного и структурного анализа позволяет установить роль и место того и другого в общей совокупности методов экономико-математического анализа, моделирования и прогнозирования, что для наглядности изображено в виде принципиальной схемы (рисунок).

Принципиальная схема на рисунке дает сравнительно полное представление о способах и методах структурного анализа и прогнозирования, каждый из которых имеет специфическое и вполне определенное содержание, на отдельно взятом направлении экономической теории и практики. Теория стоимости, например, описывает процесс образования стоимости общественного продукта в условиях той или иной общественно-экономической формации. Это само по себе предполагает определенную структуру элементов стоимости произведенной продукции и соответственно предопределяет основополагающие принципы факторного анализа, который позволяет установить прямые и косвенные, производные и функциональные связи между элементами стоимости общественного продукта.

Теория реализации позволяет установить условия распределения соответствующих частей общественного продукта между производителями и потребителями в сфере производственного и личного, государственного и социального потребления. Теория предельных состояний выявляет условия и пределы количественного изменения каждого из факторов в их неразрывной взаимосвязи между собой. Факторный анализ в сочетании с эконометрическими функциями действует на этом направлении экономического анализа довольно упрощенно. Динамика общественного производства представляется в виде отдельных составляющих, зависящих от влияния только данного и никакого иного фактора из их общей совокупности. Теория предельных состояний расширяет содержание этого подхода и рассматривает взаимодействие всех факторов вместе взятых, а не каждого из них в отдельности. Таким образом, создаются условия для многомерного и многопланового анализа экономической ситуации с разных точек зрения.

**Принципиальная схема взаимосвязи основных составляющих
экономико-математического анализа, моделирования и прогнозирования**

Основу структурных моделей составляет структурное распределение общественного продукта на отдельные элементы, взаимосвязь между которыми может быть установлена либо в абсолютной, либо в относительной форме. В первом случае устанавливаются прямые связи в виде общей суммы отдельных элементов, если речь идет о валовой стоимости произведенного продукта, или в виде частной суммы некоторых элементов из их общей совокупности, например, прибавочной стоимости по источникам образования или в натуральной форме. Во втором случае используются производные показатели в виде отношения составных элементов стоимости.

Количественный анализ каждого из показателей (факторов) общественного производства представляет собой довольно сложную задачу. Поэтому за пределами математической формализации функциональных связей между совокупностями производственных показателей используется метод экспертных оценок, который позволяет посредством логических умозаключений определять и устанавливать пределы изменения каждого из показателей в их некоторой совокупности как в статическом, так и в динамическом состоянии равновесия экономической системы. В математической форме метод экспертных оценок находит свое выражение в виде поливариантных функций, под которыми подразумевается особое свойство функции давать несколько вариантов прогноза, то есть экстраполяции заданного статистического ряда за пределами ее аппроксимации. Таким образом, в целом метод экспертных оценок, поливариантные функции и структурные модели составляют основу имитационного моделирования, которое, в свою очередь, определяет принципы, способы и методы структурного анализа как такового.

В зависимости от сущности и содержания экономических исследований, а также решаемых задач теоретического и прикладного характера используется только некоторая часть вышеизложенных способов и методов структурного анализа. При этом каждая такая конкретизация структурного анализа обладает особой методологией и специфическими свойствами в зависимости от условий производства и обращения общественного продукта, от общего состояния общественного производства, которое может находиться в состоянии подъема или кризиса, в условиях стабильной системы производственных и общественных отношений, либо в условиях реформирования экономики в целом.

Особое место в структурном анализе занимают комбинированные структурно-функциональные модели, объединяющие в себе основные признаки структурных моделей и характерные свойства поливариантных функций. Принципиальной особенностью моделей этого класса является то, что объект управления представлен совокупностью функциональных моделей «черного ящика», сформированных на основе взаимосвязанных параметров структурной модели. Поэтому принципиальной особенностью комбинированных структурно-функциональных моделей является то, что каждая из отдельно взятых поливариантных функций действует независимо друг от друга, предполагая, что механизм функционирования этой модели неизвестен. Но поскольку в процессе формирования совокупности функциональных моделей количественные взаимосвязи между ними устанавливались на основе вполне определенной структурной модели, постольку в своей совокупности функциональные модели отражают механизм функционирования структурной модели.

На основании изложенного становится очевидной необходимость комплексного использования методов факторного и структурного анализа, что позволяют наряду с общими рассматривать и частные случаи динамики общественного производства. И так как каждый из этих частных случаев с методологической точки зрения обладает собственными характерными признаками и отличительными свойствами, присущими только данной и никакой другой совокупности исходных предпосылок, то, вполне естественно, изменяется как сущность, так и содержание анализа как такового.

Литература

1. Ильин, В.А. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации / В.А. Ильин, Т.В. Ускова // Федерализм. – 2012. – № 3. – С. 7-18.
2. Ильин, В.А. Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 3 (11). – С. 14-25.
3. Ускова, Т.В. Развитие региональных кластерных систем / Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 1. – С. 92-104.
4. Маркс, К. Капитал: Т. 24 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1961. – 648 с.

Кочетова Л.М.
кандидат экономических наук, доцент,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
(Россия, г. Новосибирск)

Выставочная деятельность как отражение возможностей и перспектив международного торгового сотрудничества в рамках ЕАЭС

Интеграция – объективное условие существования современной цивилизации. Выставочная индустрия представляет собой одну из самых динамично развивающихся интеграционных отраслей рыночной инфраструктуры в мире. Выставки и ярмарки в значительной мере стимулировали развитие экономики таких государств, как США, Швейцария, Япония, Тайвань, Южная Корея, Китай (в т.ч. Гонконг).

Несмотря на сложное положение многих международных компаний, вызванное экономическим кризисом, в настоящее время острее проявляется тенденция к усилению их выставочной активности, что свидетельствует о значительной роли выставок в развитии экономики и важном средстве выживания в конкурентной борьбе.

Роль выставок в экономике, характеризующейся интеграционной и инновационно-технологической направленностью, состоит в следующем:

- выставки стимулируют структурные изменения в пользу наукоемких производств;
- выставки являются связующим звеном во взаимоотношениях между странами, регионами и международными рынками, способствуют формированию единого экономического пространства, где предусмотрена свобода перемещения товаров, услуг, технологий;
- выставки обеспечивают доступ к новым стандартам ведения бизнеса;
- международная выставка становится основополагающей инфраструктурой для развития экспортно-импортных операций и ведения бизнеса в целом;
- выставка как вид многоцелевой коммуникации имеет огромные преимущества перед их другими видами;

– выставка используется как объективно необходимый инструмент экономической политики, конкурентного продвижения территории: города, региона, страны;

– выставка имеет огромный интеграционный потенциал [1].

Евразийский экономический союз – это международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанном главами государств Беларуси, России, Казахстана, Армении и Киргизии.

Евразийский экономический союз, обладающий уникальным географическим положением (первая территория в мире – 20 229 248 км²) и весомым экономическим потенциалом (ВВП (ППС) пятый в мире – 4077,1 млрд. долл. (по данным МВФ), 4046,1 млрд. долл. (по данным ВБ), играет значимую роль в развитии международного торгового сотрудничества.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе подчеркивается, что выставочно-ярмарочная и экспозиционная деятельность будет способствовать развитию торгового потенциала ЕАЭС [3].

Выставки занимают особое место и в арсенале средств рекламы, так как создают условия для демонстрации рекламируемых изделий и предоставляют возможности для установления прямых контактов с непосредственными покупателями и потребителями. Главная направленность современных выставок – это реклама инновационных технологий, товаров и бизнес-идей, заключение контрактов на продажу образцов после окончания выставки, поставка демонстрируемого товара или заключение фьючерских сделок. Участие в международных выставках, ярмарках, форумах, конгрессах рассматривается в Договоре о Евразийском экономическом союзе в качестве инструмента повышения рекламных и имиджевых мероприятий стран-участниц ЕАЭС за рубежом [3].

Каждая выставка, как своеобразный срез конкретной рыночной ситуации, дает возможность не только осуществлять поиск соответствующих рынков, но и участвовать в выходе на эти рынки с помощью наиболее эффективных способов.

В современных реалиях выставки стали заметным и быстрорастущим сегментом рынка и, соответственно, актуальным инструментом

экономической и инвестиционной политики, значимой составляющей сферы деловых услуг, способствующей позиционированию и продвижению на внешний и внутренний рынок инновационных бизнес-процессов. Выставочный бизнес Евразийского экономического союза сегодня имеет тенденцию к объединению усилий стран-участниц для проведения экспомероприятий, а также к фокусированию на узких тематических решениях.

Всемирная выставка является знаменательным событием для человечества, предоставляющим возможность ознакомления с экономическими, научными, технологическими и культурными достижениями всего мира, является платформой для отражения исторического опыта, обмена инновационными идеями, демонстрацией сплоченности и своего рода взглядом в будущее. Выставки – проявление стремления к солидарности между народами, именно поэтому они становятся одновременно и «витриной идей, открытий, достижений и товаров», и форумами обсуждения вопросов, связанных с прогрессом человечества.

В этом отношении продолжается интеграционное взаимодействие государств Евразийского экономического союза с международным деловым и экспертным сообществом, в том числе Всемирным экономическим форумом, Всемирной выставкой «ЭКСПО–2015» [4], начавшей свою работу в Милане 1 мая 2015. Выставка «ЭКСПО–2015» продолжит свою работу до 31 октября 2015, ее девиз – «Накормить планету. Энергия для жизни». Всего в выставке принимает участие 145 стран, в их числе все страны-участницы Евразийского экономического союза представляют свои национальные достижения в специально построенных павильонах (за исключением Армении, выставляющей свою экспозицию в одном из девяти тематических залов).

Евразийский экономический союз начал активную подготовку к следующей Всемирной выставке – «ЭКСПО–2017» (ее девиз – «Энергия Будущего»), которая состоится в столице Казахстана – Астане. В соответствии с Таможенным союзом ЕАЭС, иностранные товары, перемещаемые через таможенную границу Таможенного союза и предназначенные для организации и проведения выставки «Астана ЭКСПО–2017», попадают под специальную таможенную процедуру, без уплаты таможенных пошлин, налогов, а также без применения мер нетарифного регулирования.

Организация выставки «Астана ЭКСПО–2017» существенно удешевится. Для зарубежных участников выставки облегчится прохождение таможенных процедур и документирование. Товары для выставки помещаются под специальную таможенную процедуру на срок, не превышающий шесть месяцев с окончания проведения специализированной выставки «ЭКСПО–2017» [2, с. 90].

Участие государств Евразийского экономического союза в других отраслевых выставках, форумах, конференциях, в том числе в области транспорта, авиации, металлообработки, станкостроения, сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения, металлургии, информационной безопасности, государственных закупок, конкуренции и антимонопольного регулирования, в целях изучения передового мирового опыта отдельных секторов экономики [4].

Сегодня выставки и ярмарки обеспечивают мобильность рынка, создают информационное пространство, формируют значительные финансовые потоки, являются связующим звеном между внутренними и международными рынками и способствуют привлечению инвестиций. В современном мире ежегодно проводится более одиннадцати тысяч выставок, половина из них имеет статус международных.

Выставочно-ярмарочная индустрия является сложно организованным видом предпринимательства, претерпевающим в настоящее время ряд изменений. Несмотря на попытки внедрить виртуальные всемирные выставки в Интернете, традиционные выставки сходить со сцены не собираются. В 2013 г., по данным Всемирной ассоциации выставочной индустрии UFI, было проведено около 31 тыс. выставок, в которых приняло участие 4,4 млн. экспонентов и 260 млн. посетителей [6, с. 3]. Объем международного рынка выставочных услуг составляет сегодня около 250 млрд. долларов США.

Россия, согласно рейтингу, проведенному UFI, находится на 10 месте в мире по уровню продаж выставочных площадей [7, с. 77]. Ежегодно в России проводится 2000 выставок, на которых представляют свои технологии и товары примерно 140 000 российских и 20 000 зарубежных экспонентов. Российские выставки вызывают интерес у 10 млн. посетителей [5]. Экспобизнес осуществляют примерно 500 предприятий, половина из которых являются специализированными организациями. Суммарный годовой оборот

от выставочно-ярмарочной деятельности организаций – членов Российского союза выставок и ярмарок – составил в 2012 г. 21,77 млрд. руб., в 2013 г. – 23,4 млрд. руб. [6, с. 28].

Ежегодно в Республике Беларусь проводится более 100 выставок и ярмарок различной тематики, около десяти национальных экспомероприятий проходит в странах ближнего и дальнего зарубежья. Проведением подобных экспомероприятий занимаются 20 организаций: выставочная компания «Минскэкспо», выставочное общество «Экспофорум», ЗАО «Техника и коммуникации», государственное выставочное объединение «Республиканский выставочный центр» и др.

Ведущей компанией, занимающейся организацией международных выставок в Казахстане, является МВК «Атакент-Экспо». На территории Казахстанского центра делового сотрудничества «Атакент» ежегодно проводятся 40–50 крупных национальных и международных выставок с участием иностранных фирм и компаний, охватывающих все секторы экономики: нефть и газ, энергетику и электротехнику, машиностроение, строительство, телекоммуникацию и компьютерную технологию, мебель и интерьер, здравоохранение, лес и деревообработку, транспорт, туризм, сельскохозяйственную и пищевую промышленность, текстиль, моду и др. Сейчас в Астане развернулась главная стройка площадки «ЭКСПО-2017» – инновационный городок на 174 га.

Сегодня Евразийский экономический союз формирует экспопространство, характеризующееся развитием торгового сотрудничества в условиях глобализации мировой экономики и выставочного рынка. К особенностям выставочной деятельности Евразийского экономического союза относится интеграция в различные рынки и неотделимость от других отраслей экономики.

Литература

1. Гранкина, С.В. Организация коммерческой деятельности выставочных предприятий / С.В. Гранкина. – Самара, 2011.
2. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. – М., 2014.
3. Меры по развитию экспорта // Договор о Евразийском экономическом союзе. – Ст. 41.

4. Основные направления международной деятельности Евразийского экономического союза // Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 33 от 21 апреля 2015 г.

5. Официальный сайт Всемирной ассоциации выставочной индустрии (UFI). – Режим доступа: www.ufi.org.

6. Серeda, О.В. Формирование интегрированной модели маркетинга выставочных услуг: дисс. канд. эконом. наук: 08.00.05 / О.В. Серeda. – М., 2015.

7. Симонов, К.В. Современный экспобизнес. Условия предпринимательства и управленческие технологии / К.В. Симонов. – М.: ИНФРА-М, 2014.

Куратова Э.С.
доктор экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Россия, г. Сыктывкар)

Динамика и формирование товарообменных процессов северных территорий

Актуальность исследований динамики и формирования товарообменных процессов северных территорий базируется на необходимости регулирования общих параметров общественного воспроизводства. Позитивные структурные сдвиги в товарообмене, сбалансированность товарных и денежных потоков, перелив ресурсов в наиболее востребованные, динамично развивающиеся отрасли хозяйства обеспечивают высокую экономическую эффективность воспроизводства и социальное развитие общества. Управление воспроизводственными процессами связано с умелыми действиями в области ценообразования, налогов, бюджетов, внебюджетных фондов, кредитной и денежной политики, программного управления. В последние десятилетия прогнозирование спроса на перевозки стало особенно сложным в связи с усилением тенденции формирования вертикально интегрированных промышленных компаний и переходом центров планирования хозяйственной деятельности организаций за пределы северных территорий. Ранее применявшаяся система формирования транспортно-экономических балансов предполагала их создание на основе финансовых и материальных ресурсов государства.

Проводимые радикальные экономические реформы значительно изменили систему формирования транспортно-экономических балансов, структуру и объемы перевозимых грузов. Так, в Республике Коми за 2007–2011 гг. средняя дальность грузовых перевозок на железнодорожном транспорте возросла на 102,6 км или на 15%, при этом существенного изменения в размещении производительных сил в эти годы практически не произошло. Средняя дальность речных перевозок в связи с обмелением рек, сокращением дноуглубительных работ и ухудшением водных путей

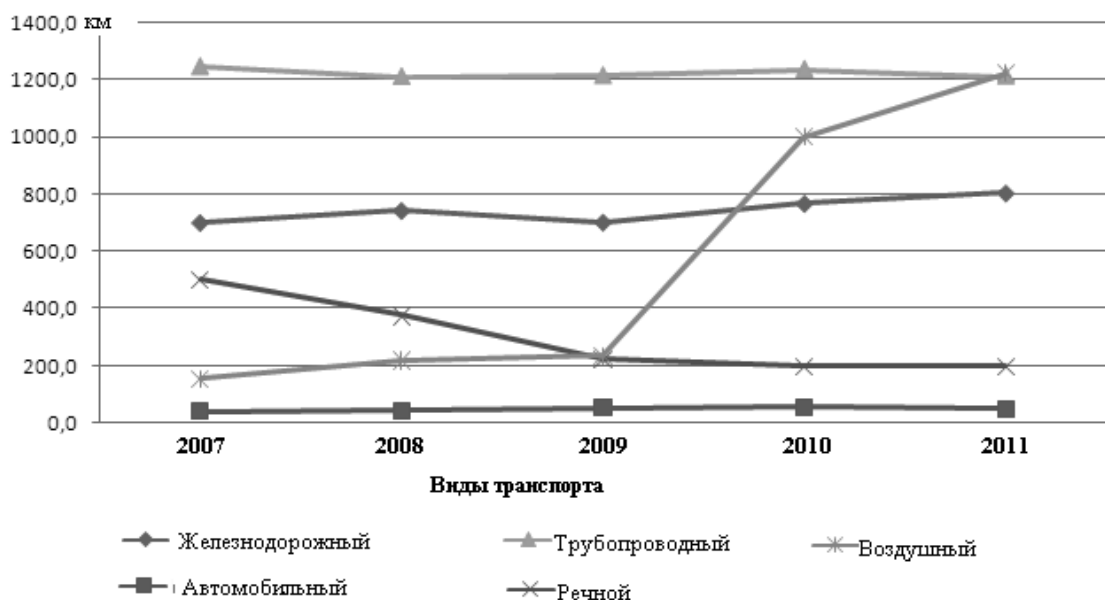
сообщения с 500 уменьшилась до 200 км, воздушных – с закрытием местных аэропортов и местных воздушных сообщений увеличилась с 153,8 до 1222,2 км (табл. 1).

Транспортную сеть составляют 2,3 тыс. км железных дорог (из них 1,7 тыс. км общего пользования), 4,1 тыс. км речных судоходных путей (Печорского – 2,5 тыс. км и Вычегодского бассейнов – 0,6 тыс. км) и 10,5 тыс. км автомобильных дорог (в том числе 6,8 тыс. км общего пользования).

Таблица 1. Динамика средней дальности перевозок грузов по видам транспорта Республики Коми, км

Год	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Транспорт – всего	881,4	885,3	923,0	962,1	946,4
в том числе:					
Железнодорожный	701,4	743,3	702,9	768,1	804,0
Автомобильный*	40,9	43,9	51,4	54,3	50,4
Трубопроводный**	1246,2	1211,0	1215,1	1237,0	1213,6
внутренний водный	500,0	375,0	222,2	200,0	200,0
воздушный	153,8	217,4	235,3	1000,0	1222,2

*За 2007–2008 годы по организациям всех видов деятельности (включая малые) с учетом оценки объемов работы, выполненной индивидуальными предпринимателями и оценки объемов перевозок грузов, осуществляемых автомобильным транспортом без лицензий (неформальная деятельность), с 2009 г. без микропредприятий и параметров неформальной деятельности.
 **Без учета газового конденсата.

Динамика средней дальности перевозок грузов по видам транспорта Республики Коми

Как показано на рисунке, дальние (межрегиональные) перевозки осуществляются железнодорожным и трубопроводным транспортом. Потоки массовых грузов идут по железнодорожной магистрали Воркута–Котлас. Железнодорожные линии Микунь–Кослан–Вендинга, Сосногорск–Троицко-Печорск и Сыня–Усинск малоинтенсивные, тупиковые. Железнодорожная сеть общего пользования находится в ведении Северной железной дороги – филиала ОАО «Российские железные дороги».

Система сети магистрального транспорта газа по территории Республики Коми состоит из четырех очередей магистральных газопроводов (протяженностью 7300 км), газопроводов-отводов (1200 км) и конденсаторов (545 км). Осуществляет транспорт газа ООО «Газпром – трансгаз Ухта» – структурное подразделение ОАО «Газпром». Система магистральных нефтепроводов «Уса–Ухта» и «Ухта–Ярославль» общей протяженностью 1540 км находится в ведении ОАО «Северные магистральные нефтепроводы».

Единственный железнодорожный выход, имеющий направление с северо-востока на юго-запад (Воркута–Котлас–Коноша), на многие десятилетия определил направление и объемы межрегиональных и внешнеторговых перевозок и сегодня является главным фактором, сдерживающим развитие северных территорий – узким местом. Это привело к изолированным, ограниченным по объемам спроса рынкам товарообмена, сокращению возможностей для расширения географии реализации товаров и оказало значительное влияние на динамику и устойчивость развития экономики. Так, основными внешнеторговыми партнерами остаются западные страны Беларусь, Финляндия, Нидерланды, Польша, Германия и Украина. Внешняя торговля Республики Коми сегодня характеризуется сокращением стоимости экспорта продукции на 16% (2012 г.). Экспорт сохраняет сырьевую направленность (нефть, сжиженный газ, каменный уголь). Импорт ориентирован на ввоз производственного оборудования и транспорта. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. экспорт в государства-участники СНГ снизился на 38%.

Макроэкономический анализ товарного и территориального рынков осуществлен в разрезе субъектов Северо-Западного Федерального округа (СЗФО) России (табл. 2).

**Таблица 2. Динамика отправления грузов железнодорожным транспортом
общего пользования, млн. т ***

Республики, области	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Карелия	19,3	20,8	22,3	18,7	20,2	23,7
Коми	23,3	21,1	18,7	17,5	20,7	19,9
Архангельская	15,0	14,6	12,9	10,3	11,8	12,3
Вологодская	18,3	19,6	18,6	14,2	17,6	18,9
Калининградская	2,0	2,1	2,4	2,0	3,2	3,7
Ленинградская	40,1	41,0	39,7	32,0	35,9	36,9
Мурманская	27,2	27,8	25,2	23,9	28,2	28,2
Новгородская	6,4	6,1	6,2	5,2	5,6	5,9
Псковская	2,8	1,8	1,3	0,8	3,8	5,5
г. Санкт-Петербург	7,0	7,7	7,6	5,2	6,3	7,5
Северо-Западный федеральный округ	161,4	162,6	154,9	129,8	153,3	162,5

* По данным ОАО «РЖД».

Наиболее «весомые» по грузопотокам и постоянно доминирующие субъекты СЗФО – это Ленинградская и Мурманская области, в общих грузопотоках составляющие более 40% (табл. 3). Основную нагрузку на транспортную сеть осуществляют Ленинградская, Мурманская и Вологодская области, а также республики Карелия и Коми, сосредотачивающие 78,5% перевозимых грузов.

**Таблица 3. Динамика структуры отправления грузов железнодорожным
транспортом общего пользования в разрезе субъектов СЗФО, %**

Республики, области	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Карелия	12,0	12,8	14,4	14,4	13,2	14,6
Коми	14,4	13,0	12,1	13,5	13,5	12,2
Архангельская	9,3	9,0	8,3	7,9	7,7	7,6
Вологодская	11,3	12,1	12,0	10,9	11,5	11,6
Калининградская	1,2	1,3	1,5	1,5	2,1	2,3
Ленинградская	24,8	25,2	25,6	24,7	23,4	22,7
Мурманская	16,9	17,1	16,3	18,4	18,4	17,4
Новгородская	4,0	3,8	4,0	4,0	3,7	3,6
Псковская	1,7	1,1	0,8	0,6	2,5	3,4
г. Санкт-Петербург	4,3	4,7	4,9	4,0	4,1	4,6
Северо-Западный федеральный округ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Основу межрегиональных и внутренних грузопотоков (табл. 4) составляет продукция стратегически важных отраслей, среди которых угольная, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая, лесная, добыча и переработка природных ресурсов, производство минерально-строительных материалов, обеспечивающих функционирование территориально-хозяйственных комплексов и непосредственно влияющих на экономику северных территорий.

Структура внутренних перевозок субъектов СЗФО показывает не сложившийся к настоящему времени уровень «замкнутости» их экономик и тем самым уровень потребности в магистральном железнодорожном транспорте. Самыми «замкнутыми» являются г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, в структуре перевозок которых внутренние грузопотоки составляют значительную долю (табл. 5).

Данные структуры перевозок грузов по направлениям их транспортировки свидетельствуют о тесных экономических связях г. Санкт-Петербург, Ленинградской и Вологодской областей и незначительных между Карелией, Коми и Архангельской областью, обусловленных неэффективными, круглыми перевозками, отсутствием прямого железнодорожного выхода.

Таблица 4. Межрегиональный и внутренний товарооборот по основным видам продукции производственно-технического назначения (за исключением Псковской области) субъектов СЗФО, 2011 г.*

Вывоз, республики, области	Ввоз, республики, области									
	Карелия	Коми	Архангельская	Вологодская	Калининградская	Ленинградская	Мурманская	Новгородская	Псковская	г. Санкт-Петербург
Карелия										
Дел. древесина, тыс. пл. м ³	-	-	11,7	9,2	29,2	186,6	-	61	-	5,8
Рыба, т	-	-	-	-	-	-	1520	-	-	1424,2
Коми										
Уголь, тыс. т	187,1	2960,5	1438,2	4273,3	-	6,8	311,5	1,0	6,6	-
Автобензин, тыс. т	9,0	146,5	58,2	103,9	1,2	72,4	17,1	1,1	0,6	43,5
Дизопливо, тыс. т	7,4	538,0	92,6	56,0	1,9	6,7	22,6	3,0	4,3	32,8
Бумага, т	-	4659,6	999,0	440,0	59,0	646,0	264,0	-	-	23928
Архангельская										
Рыба, т	-	-	42777	-	1959	1,1	23632	-	-	573,3
Дел. древесина, тыс. пл. м ³	225,3	-	5440,0	141,0	-	22,7	-	25	-	0,3
Целлюлоза, тыс. т	-	23,8	5	0,5	4,5	30,4	-	0,7	-	9,7
Вологодская										
Прокат, тыс. т	8,9	2,2	23,7	261,2	1,7	39,1	14,4	18	2,8	579,9
Дел. древесина, тыс. пл. м ³	441,5	45,1	699,0	2666,7	-	362,2	-	41	-	173,7
Калининградская										
Бумага, тыс. т	-	-	-	-	-	2808	-	-	-	5617,8
Рыба, т	-	-	1599,0	-	-	-	4325	-	18	67450
Ленинградская										
Автобензин, тыс. т	8,2	2,3	13,8	12,9	61,1	286,3	35	102	127	660,2
Дизтопливо, тыс. т	20,7	9,1	17,8	9,4	61,7	444,0	37	124	136	612,1
Цемент, тыс. т	38,9	31,4	18,7	90,6	-	330,4	25	72	41	1952

Мурманская										
Рыба, тыс. т	-	-	-	-	-	-	299	-	-	-
Новгородская										
Щебень, тыс. м ³	-	-	-	-	-	2,0	-	112	-	21,0
Псковская										
Мясо, т	-	-	-	49,8	-	15,6	-	241		10030,1
Колбаса, т	279,2	-	-	121,6	-	396,4	-	2183		49925,1
Масло животное, т	17,0	-	-	-	-	8,4	-	21,0		396,3
Сыры, т	55,0	-	-	-	101,0	5,0	-	159		4250,5
г. Санкт-Петербург										
Прокат, т	117,1	69,2	654,1	5587,1	38,0	2560	70,9	12,7	416	561619
Керамика, шт.	1251	1107	1107	1635,0	-	2261	3896	2261	1635	48580,0
Лакокрасочные, т	2164	769,8	1144	1928,6	527	294,8	835,9	674	952	49728,6
* Статистический сборник «Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели». – Сыктывкар, 2012 г.; Внутренний товарооборот по основным грузам показан в ячейках пересечения вывоза-ввоза.										

Таблица 5. Структура межрегионального и внутреннего товарообмена по основными видам продукции субъектов СЗФО, 2011 г.

Вывоз	Ввоз в республики и области									
	Карелия	Коми	Архангельская	Вологодская	Калининградская	Ленинградская	Мурманская	Новгородская	Псковская	г. Санкт-Петербург
Карелия										
Дел. древесина			3,9	3,0	9,6	61,5		20		1,9
Рыба							52			48
Коми										
Уголь	2,0	32,2	15,7	46,5		0,1	3,4		0,1	
Автобензин	2,0	32,3	12,8	22,9	0,3	16,0	3,8	0,2	0,1	9,6
Дизтопливо	1,0	70,3	12,1	7,3	0,2	0,9	3,0	0,4	0,6	4,3
Бумага		15,0	3,2	1,4	0,2	2,1	0,9			77,2
Архангельская										
Рыба			62		2,8		34			0,8
Дел. древесина	3,8		92,9	2,4		0,4		0,4		
Целлюлоза		31,9	6,7	0,7	6,0	40,8		0,9		13
Вологодская										
Прокат	0,9	0,2	2,5	27,4	0,2	4,1	1,5	1,9	0,3	60,9
Дел. древесина	10,0	1,0	15,8	60,2		8,2		0,9		3,9
Калининградская										
Бумага						33,3				66,7
Рыба			2,2				5,9		0,0	91,9
Ленинградская										
Автобензин	0,6	0,2	1,1	1,0	4,7	21,9	2,7	7,8	9,7	50,4
Дизтопливо	1,4	0,6	1,2	0,6	4,2	30,2	2,5	8,4	9,2	41,6
Цемент	1,5	1,2	0,7	3,5		12,7	1,0	2,8	1,6	75,1
г. Санкт-Петербург										
Прокат			0,1	1,0		0,4			0,1	98,3
Керамика	2,0	1,7	1,7	2,6		3,5	6,1	3,5	2,6	76,2
Лакокрасочные	3,7	1,3	1,9	3,3	0,9	0,5	1,4	1,1	1,6	84,3

В течение 2011 г. динамика продаж на оптовом рынке Республики Коми была преимущественно отрицательной, а за последние пять лет товарооборот в республике сократился на 6% при средних данных по стране

в 2007–2011 гг. рост на 26%, в 2002–2006 – на 78%. Негативное влияние на динамику товарооборота оказало снижение спроса и объемы перепродаж нефти и угля.

Темпы развития топливно-энергетического комплекса Республики Коми оказывают основное влияние на общую динамику промышленного производства Республики Коми. Данные таблицы 6 свидетельствуют о постоянных, установившихся из года в год объемах поставок угля по регионам-потребителям СЗФО и Тюменской области. При существующей магистральной сети путей сообщения ограниченный спрос со стороны внешних (не только субъектов СЗФО) и внутреннего рынков на уголь определяют низкие темпы развития и перспективы угольной отрасли.

Таблица 6. Динамика поставок угля Республики Коми по основным регионам-потребителям России, тыс. тонн

Субъекты	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Карелия	337,2	293,6	290,8	332,8	325,9	319,2
Коми	2068,8	2629,0	2281,0	2873,3	2746,0	2777,6
Архангельская	861,4	1321,5	1142,6	1459,8	1394,2	1652,7
Вологодская	455,1	4055,1	4839,0	3843,3	3814,2	4365,5
Мурманская	272,6	180,6	235,0	289,0	416,4	318,3
Московская	0,3	56,3	95,4	23,1	188,1	357,7
Пермский край	-	62,1	39,1	81,6	-	39,0
Свердловская	0,3	-	-	-	-	-
Челябинская	-	747,0	16,3	-	-	375,8
Тюменская	4,3	33,8	34,3	36,5	31,1	37,0
Россия	10462	10881	10298	10043	9085	10766
Экспорт	591	1336,2	1150,1	473,0	624,4	1580,6
Всего	11053	12217	11448	10516	9709	12347

Угольная промышленность республики представлена двумя угледобывающими компаниями ОАО «Воркутауголь» (5 шахт и 1 разрез) и ОАО «Шахта «Интауголь» (шахта «Интинская»). Суммарная производственная мощность по добыче – 14,4 млн. тонн угля в год, в том числе для коксования – 10,9 млн. тонн, их запасы позволяют работать на уровне установленной мощности в течение 15–20 лет.

Нефтеперерабатывающими организациями за 2011 г. было отгружено потребителям республики 30% от всех поставок автомобильного бензина (в 2010 г. – 28%), 40% дизельного топлива (46%) и 9% топочного мазута (16%). Среди регионов СЗФО наиболее значительные объемы автомобильного бензина были отгружены в Вологодскую (22,9% от

общих поставок), Ленинградскую (16%) и Архангельскую области (12,8%). В 2011 г. существенно возросли экспортные поставки нефтепродуктов: дизельного топлива в 2,5 раза, топочного мазута в 1,8 раза. Развитие нефтепереработки в республике обусловлено наличием внутреннего рынка сбыта нефтепродуктов (табл. 7 и 8).

Основным предприятием нефтеперерабатывающей промышленности является ООО «ЛУКОЙЛ-Ухтанефтепереработка». Предприятие специализируется на выпуске автомобильных бензинов, дизельного топлива, авиационного керосина, мазута, битумов, вакуумного газойля и других видов продукции. Производственная мощность действующих установок по первичной переработке нефти составляет 5,0 млн. тонн в год. Глубина переработки нефти составляет 82%. В августе 2011 года Компанией ООО «Енисей» (г. Усинск) введен комплекс по подготовке и переработке нефти и газа производительностью 1 млн. тонн сырой нефти в год. Предприятие выпускает бензин, дизельное топливо, мазут.

Горнорудная промышленность республики представлена горнодобывающими предприятиями: ОАО «Боксит Тимана» – добыча бокситовой руды на территории Княжпогостского района; Интинский филиал «Марганец Коми» – добыча марганцевой руды на территории Интинского района (месторождение временно законсервировано).

Таблица 7. Динамика поставок автомобильного бензина Республики Коми по основным регионам-потребителям России, тыс. тонн

Субъекты	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Карелия	7,5	4,5	0,6	2,6	4,7	14,3
Коми	116,7	149,3	156,4	162,5	129,3	128,5
Архангельская	73,0	27,7	10,3	17,9	20,7	37,2
Вологодская	25,0	44,0	69,1	97,9	164,3	121,6
Мурманская	10,2	4,9	3,0	3,5	4,7	8,8
г. Санкт-Петербург	1,9	0,7	-	3,1	36,1	38,5
Ленинградская	48,7	36,9	8,9	8,8	22,4	80,7
Кировская	-	2,4	-	0,2	1,4	11,7
Пермский край	-	-	-	0,4	1,3	0,1
Свердловская	0,1	-	-	-	0,1	-
Тюменская	17,3	7,4	4,5	0,1	4,3	5,6
Россия	340,9	297,5	259,0	319,5	407,1	454,7
Экспорт	-	27,7	120,5	2,0	-	-
Всего	340,9	325,2	379,5	321,5	407,1	454,7

ЗАО «Кожимское разведочно-добычное предприятие» – добыча жильного кварца и производство концентрата на территории Интинского района. Баритовые концентраты в небольших количествах востребованы на территории Республики Коми (Усинск, Инта, Печора, Ухта). Внутренний спрос на остальную продукцию отсутствует, внешний требует экономического обоснования.

Республика Коми является поставщиком в регионы РФ продукции лесопромышленного комплекса (лесоматериалы обработанные, древесноволокнистые плиты, древесностружечные плиты, фанера клееная, бумага и картон). Ведущее предприятие целлюлозно-бумажного производства – ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК» – крупнейшее в России. В структуру комбината входят: собственное древесно-подготовительное производство, целлюлозный завод, вырабатывающий около 580 тыс. тонн целлюлозы в год, цеха по производству бумаги и картона, ТЭЦ и комплекс очистных сооружений.

Таблица 8. Динамика поставок дизельного топлива Республики Коми по основным регионам-потребителям России, тыс. тонн

Субъекты	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Карелия	4,3	2,6	7,3	3,0	12,7	9,7
Коми	304,6	451,7	403,5	433,4	401,2	509,9
Архангельская	198,8	99,3	67,4	51,1	31,7	72,0
Вологодская	26,8	37,0	57,7	87,7	60,0	78,8
Мурманская	2,6	1,0	6,2	5,9	29,3	37,8
г. Санкт-Петербург	0,1	0,5	4,1	1,6	38,0	24,3
Ленинградская	11,9	6,2	6,5	0,6	16,3	9,5
Новгородская	1,4	1,2	-	0,1	3,1	3,4
Московская	-	-	10,4	-	7,9	20,7
Ярославская	0,1	0,1	0,1	0,1	1,0	14,5
Пермский край	-	-	-	-	0,2	8,9
Свердловская	-	-	-	0,1	0,4	0,06
Челябинская	-	-	-	0,2	0,2	0,06
Тюменская	9,8	11,0	9,3	15,6	6,3	71,0
Россия	589,3	619,6	630,0	649,8	699,7	900,0
Экспорт	334,0	351,0	523,4	398,6	453,7	195,8
Всего	923,3	970,6	1153,4	1048,4	1153,4	1095,8

Основные виды продукции: офисная и офсетная бумага, газетная бумага, картон для плоских слоев гофрированного картона «топ-лайнер» и «крафт-лайнер». Реализуемый проект модернизации и расширения мощностей целлюлозно-бумажного производства ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК» «СТЕП» стал самым масштабным инвестиционным

проектом в целлюлозно-бумажной промышленности России за последние 30 лет. Общий объем инвестиций составил более 21 млрд. рублей. Доля экспорта в общем объеме производства бумажной продукции – 29,7%. Среднегодовой объем производства бумаги в 2006–2011 годах составил более 550 тыс. тонн.

Таким образом:

1. Предложен методологический подход к комплексной оценке товарообменных процессов на основе балансов производства и спроса на продукцию, транспортно-экономических балансов по основной, грузообразующей номенклатуре продукции с учетом изменений в размещении производительных сил, направлений железных дорог, трубопроводов и других путей сообщения.

2. Проведен анализ товарного и территориального рынков по основной, грузообразующей номенклатуре продукции, а также направлениям функционирующей магистральной транспортной сети.

3. Выявлены снижение темпов спроса со стороны внешних и внутренних рынков на основную промышленную продукцию и низкий уровень «замкнутости» экономик северных территорий.

4. Показано, что единственный железнодорожный выход, имеющий направление с северо-востока на юго-запад (Воркута–Котлас–Коноша), является узким местом, который сдерживает темпы развития спроса на продукцию, приводит к изолированным рынкам товарообмена, сокращает возможности для расширения зоны спроса, оказывает значительное влияние на динамику и устойчивость развития экономики.

Прогнозирование спроса на перевозки грузов стало сложным, но остается весьма необходимым для обоснования новых и спрямляющих направлений железнодорожного строительства, как отрасли фондоёмкой с длительными сроками окупаемости капитала.

Лукин Е.В.
кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

**Межрегиональное торгово-экономическое сотрудничество
России в рамках ЕАЭС как инструмент повышения
экономической безопасности**

Страны и их регионы не могут развиваться изолированно – современная модель экономического развития требует от них тесного сотрудничества друг с другом. Необходимость развития межрегиональных связей подтверждается воспроизводственным подходом к управлению экономикой, согласно которому объем и структура произведенного в регионе продукта не идентична ресурсам воспроизводства, реализованным и использованным в данном регионе. Экономические ресурсы регионального воспроизводственного процесса формируются за счет внутрирегиональных и межрегиональных связей и в каждый момент времени ограничены. Кроме того, национальный доход, потребляемый в регионе, не находится в прямой зависимости от объема произведенного в нем чистого продукта. Это определяет зависимость регионов от межрегиональной экономической интеграции и устойчивости рыночных отношений.

С точки зрения обеспечения экономической безопасности понятие устойчивости является определяющим. В этой связи рассмотрим структуру поставок продукции, произведенной Вологодской областью, по каналам реализации. Вологодская область – экспортоориентированный регион. Около трети производимой продукции идет на экспорт, в другие регионы России – около половины. Такая большая доля экспортных поставок ставит экономику области в сильную зависимость от стабильности мировых рынков. Динамика ВРП и экспорта области имеют сильную корреляцию (рис. 1).

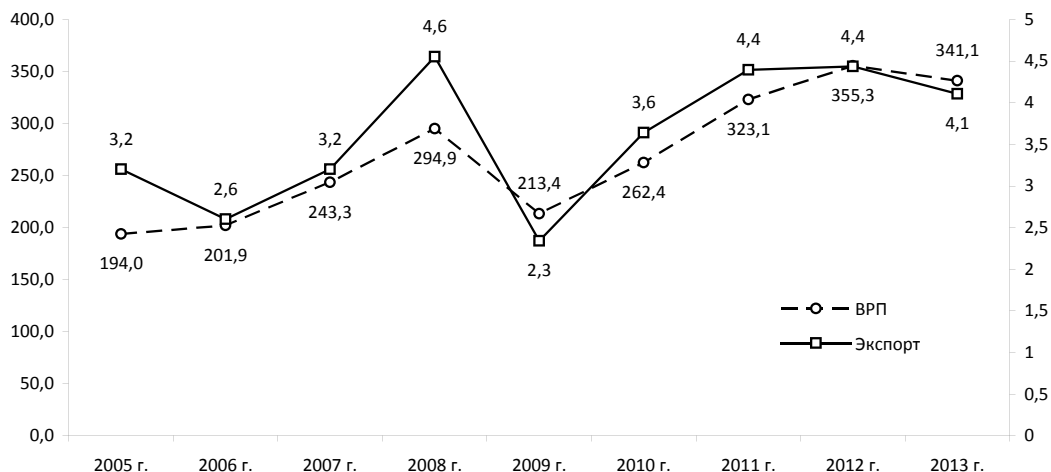

Рис. 1. ВРП и экспорт Вологодской области в 2005–2013 годах

На рисунке 2 приведена динамика темпа роста цен на холоднокатаный лист на мировом и российском рынках в 2008–2012 годах. Из рисунка видно, что на мировом рынке падение цен в период кризиса было более значительным, чем на российском. Кроме того, цены на российском рынке быстрее достигли докризисного уровня.

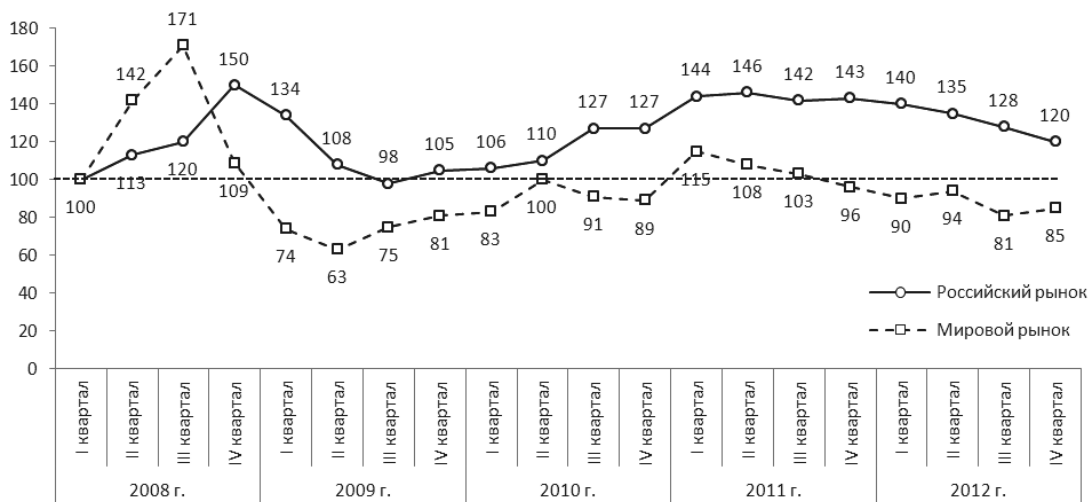

Рис. 2. Темп роста цены на холоднокатаный лист на мировом и российском рынках в 2008–2012 годах, % к I кварталу 2008 года

Резкое падение цен на мировом рынке привело к падению прибыли «Северстали» и, как следствие, к снижению поступлений в бюджет налога на прибыль (в целом снижение поступлений от налога на прибыль в 2009 г.

составило 75%, что привело к падению налоговых доходов областного бюджета на 46%).

В этой связи развитие и расширение внутреннего рынка – первоочередная задача для повышения экономической безопасности региона и страны в целом. На наш взгляд, у нынешнего руководства страны есть понимание данной проблемы.

До 1999 года регионы России устанавливали экономические связи самостоятельно (рис. 3). Правительства республик, краев и областей подписывали двусторонние договоры о сотрудничестве, и такого типа межрегиональные взаимодействия связывали регионы друг с другом.

После 2000 года к расширению внутреннего рынка стали подходить более централизованно. В целях обеспечения реализации Президентом РФ своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений были организованы федеральные округа. Экономические функции федеральных округов свелись к решению вопросов стратегической координации регионального развития, инвестиционной деятельности и межрегиональных связей.

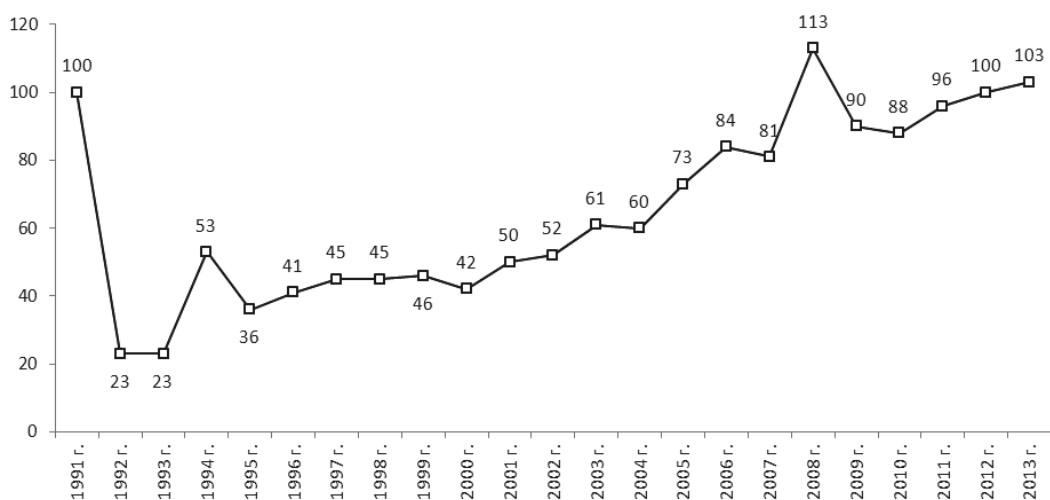

Рис. 3. Динамика вывоза товаров организациями-производителями, организациями оптовой торговли из субъектов РФ, % к 1991 году

В 2007 году начал формироваться Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. В 2012 году началась ратификация соглашений о зоне свободной торговли между Беларусью, Украиной и Россией. Процесс интеграции на постсоветском пространстве идет полным ходом.

Смысл современных интеграционных процессов в этом свете проступает вполне явственно: формирование достаточно мощных экономических группировок, способных быть эффективными в международной конкуренции, и построение экономик, обеспечивающих за счет замкнутости воспроизводственного контура устойчивость и независимость в этой конкурентной борьбе.

Развитие межрегиональных торгово-экономических отношений способствует самосохранению крупной экономической системы, усиливает интеграционные процессы и формирует экономические предпосылки для образования единого экономического, а затем и политического пространства государства. Поэтому с точки зрения национальной безопасности это представляется исключительно важным.

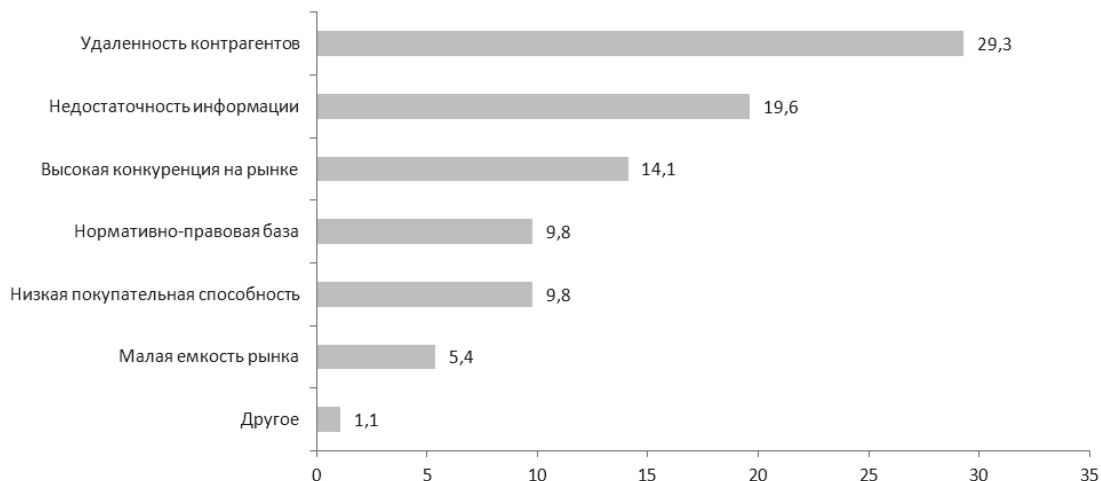
ИСЭРТ РАН проводит ежегодный опрос руководителей средних и крупных промышленных предприятий области. В опросе 2014 года приняло участие почти 100 руководителей. О взаимодействии с партнерами России по Таможенному союзу – Белоруссией и Казахстаном – заявили 46% респондентов, причем основная масса контактов вологодских обрабатывающих производств приходится именно на предприятия Беларуси.

Традиционно главным направлением сотрудничества предприятий является реализация продукции (40%) и обеспечение сырьем (42%; рис. 4). К сожалению, другие перспективные направления сотрудничества (обмен технологиями, инвестиционная деятельность, образование и повышение квалификации) либо осуществляются с минимальным успехом, либо вовсе не осуществляются.

Рис. 4. Направления сотрудничества промышленных предприятий Вологодской области с предприятиями/организациями ЕАЭС, % к итогу

Развитию подобного рода отношений препятствует множество факторов: удаленность контрагентов (29%), высокая конкуренция на рынке (14%) и недостаточная информация об экономических возможностях производителей (20%; рис. 5).

Рис. 5. Препятствия развитию торгово-экономических отношений между предприятиями ЕАЭС, % к итогу

Для развития межрегиональных торгово-экономических отношений органам власти следует принять следующие меры:

- создать единый государственный информационный портал в сфере межрегионального сотрудничества (41%);

- создать систему продвижения продукции на рынки других товаров (выставочно-ярмарочная деятельность, презентационные мероприятия, продвижение региональных брендов и торговых марок и т.д.; 40%);
- осуществлять инвестиционную поддержку межрегиональных проектов (30%);
- организовать межрегиональные институты развития инвестиционной направленности (инвестиционные, страховые, венчурные фонды, совместные инжиниринговые центры, межрегиональные банки развития; 27%);
- организовать проведение мероприятий в целях налаживания деловых контактов (25%);
- создать специализированные структуры в системе органов власти, ответственные за развитие и координацию межрегиональных связей (16%);
- организовать проведение обучающих семинаров по вопросам межрегионального сотрудничества (8%).

Выполнение соответствующих рекомендаций будет способствовать развитию торгово-экономических отношений в рамках ЕАЭС, формированию достаточно мощной экономической группировки и повышению экономической безопасности.

Литература

1. Межрегиональное сотрудничество как фактор интеграционных процессов России и Республики Беларусь [Текст] / Т.В. Ускова, С.М. Дедков, Т.Г. Смирнова, Р.Ю. Селименков, В.Я. Асанович. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 176 с.
2. Межрегиональный товарообмен Вологодской области: стат. сборник [Текст] / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 98 с.
3. Путин, В.В. О наших экономических задачах [Текст] / В.В. Путин // Ведомости. – 2012. – 30 янв. – № 15 (3029).
4. Смирнова, Т.Г. Проблемы восстановительного роста обрабатывающей промышленности экспортоориентированного региона (по материалам опроса промышленных предприятий Вологодской области) [Текст] / Т.Г. Смирнова, Е.В. Лукин // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 4. – С. 162-173.
5. Смирнова, Т.Г. Роль экономического взаимодействия территорий в развитии промышленности (на примере Вологодской области) [Текст] / Т.Г. Смирнова, Е.В. Лукин // Проблемы развития территории. – 2011. – № 2 (54). – С. 14-24.
6. Ускова, Т.В. Межрегиональное взаимодействие как фактор роста экономики: препринт [Текст] / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 76 с.

Межевич Н.М.
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт проблем региональной экономики РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург)

**Некоторые факторы эволюции экономического пространства
и их влияние на развитие агломерационных связей
в российско-белорусском приграничье***

Эволюция экономического пространства, прошедшая в течение последних двух десятилетий, привела к формированию новой конфигурации приграничного взаимодействия вдоль российско-белорусской границы. Конкретные характеристики приграничного экономического пространства складываются под влиянием множества факторов, к наиболее значимым из которых можно отнести:

1. Генезис, масштаб и общие перспективы политических отношений между соседствующими странами, рассматриваемые в рамках политологических и политико-географических подходов.

2. Системные признаки и набор исторических признаков границы (уровень барьерности, соотношение этнических и политических границ, конфликтогенность границы, возраст и устойчивость границы). Научные подходы исторической географии и лимнологии.

3. Эволюция экономического пространства соседствующих стран, генезис экономических связей, влияние глобализационных процессов на экономику Союзного государства.

4. Градиент различий в экономическом пространстве соседствующих регионов, определяющий гомогенность/гетерогенность экономического пространства.

Если рассматривать пространственное взаимодействие России и Беларуси, то здесь имеются особые отличительные черты, определяющие специфику данного взаимодействия. Так, народы России и Беларуси особо близки друг другу с точки зрения этнического происхождения, общей истории, культурного наследия, отсутствия языковых барьеров, наличия

---

* Работа выполнена в рамках Международного конкурса РГНФ – Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Интеграционный потенциал малых и средних городов Беларуси и России: оценка и механизм реализации в условиях евразийской интеграции», 2014–2015 гг.

большого числа родственных связей. Граница между Россией и Беларусью в этническом плане условна. Белорусский этнос и язык широко представлены в соседствующих областях России. Исторически низкая барьерность, позволяющая свободное пересечение условной границы, существует с момента консолидации славянских племен в этносы.

С одной стороны, подобный тип взаимодействий создает условия для беспрепятственной кооперации и развития приграничного сотрудничества. Однако следует отметить, что в зоне евразийской интеграции градиент различий в качестве экономического пространства, стоимости факторов производства, потребительских свойствах товаров и т.д. не столь значителен, как, например, на границе России со странами Европейского союза, а экономическое пространство более однородно, при этом уровень экономического развития приграничных территорий довольно низок. В таких условиях приграничное сотрудничество не так явно выражено и не имеет такого разнообразия форм.

От практики евразийской интеграции маловероятно ожидать взрывного роста малых городов вдоль границы (как произошло, например, с г. Лаппеенранта, Финляндия). В подобной ситуации ключевыми становятся стратегические ориентиры: повышение устойчивости экономики интеграционного блока, производственная кооперация, повышение конкурентоспособности продукции, расширение рынков сбыта. Тем не менее, при наличии экономических предпосылок и политических решений, подкрепленных целенаправленными усилиями, на российско-белорусском порубежье возможно формирование отдельных локальных интеграционных зон.

Рассмотрим экономические предпосылки для формирования интеграционных зон между Россией и Беларусью с точки зрения теории. Так, например, новая экономическая география концентрируется на анализе пространственных факторов развития.

Одним из основных предметов ее внимания становятся крупные города – агломерации и их влияние на пространственное развитие территорий. Для интеграционных процессов между Россией и Беларусью изучение роли агломераций представляется весьма актуальным. Такие крупные города, как Москва, Минск, Санкт-Петербург, Смоленск, Могилев, Псков, Витебск,

Брянск, Гомель, оказывают несомненное влияние на интеграционные процессы, протекающие в приграничье.

В процессе формирования агломераций, наряду с наличием формальных административно-территориальных границ, социальное и экономическое пространство города динамично расширяется и вбирает в себя пространство пригородных зон. В процессе роста агломерации происходит «сращивание» экономики города и прилегающей пригородной зоны посредством создания соответствующих инфраструктур для поддержания взаимоотношений между хозяйственными субъектами, налаживания кооперационных связей, формирования транспортной и коммуникационной инфраструктуры.

Агломерационные эффекты в теории новой экономической географии являются одним из основных направлений исследований. Суть агломерационных процессов заключается в росте и географическом распространении экономической активности за пределы формальных границ городов. Агломерационный эффект возникает вследствие роста экономической концентрации и формирует так называемый агломерационный ареал, характеризующийся высокой степенью взаимосвязей города и окружающих его малых поселений и при этом неким единством свойств социального и экономического пространства.

В Докладе о мировом развитии 2009 года, подготовленном под эгидой ООН, приводятся три параметра, характеризующие территориальные изменения, способствующие экономическому росту некоторых городов и регионов, все эти параметры могут быть отнесены к агломерационным процессам:

- рост плотности, отражающийся в росте городов;
- сокращение расстояний, перемещение трудовой силы и фирм к местам высокой экономической концентрации;
- повышение проницаемости экономических границ, выход на мировые рынки, использование преимуществ масштабного производства и специализации.

Вследствие изменения характеристик пространства, житель пригородной зоны для удовлетворения своих потребностей (приобретение товаров и услуг, профессиональная реализация, получение образования, организация досуга) рассматривает не пространство своего поселения, а

пространство агломерации в целом. Хозяйствующие субъекты, например, также в условиях единства социального и экономического пространства рассматривают дополнительные экономии от размещения производства в удаленных от центра зонах (ставка аренды). Это, несомненно, формирует условия для развития малых городов – спутников агломераций.

Если говорить о приграничной зоне России и Беларуси, то в качестве агломераций, находящихся в приграничной зоне и оказывающих трансграничное влияние на развитие малых городов в приграничной зоне, можно выделить со стороны Беларуси Витебск и Гомель, а со стороны России Смоленск. Могилев не вошел в данную категорию, так как его трансграничное влияние неоднозначно.

Размышления о трансграничном влиянии агломераций отсылают нас к еще одному общему выводу новой экономической географии о существенной роли взаимодействия, эффектов соседства, о так называемых «эффектах перелива» (spillover), распространении экономического роста от города на прилегающие территории, этот эффект наблюдается не только в крупных городах, но и в соседствующих странах и регионах.

Периферийные регионы могут ожидать эффекты от агломерационных процессов в крупных городах благодаря участию страны в международной экономической интеграции. Именно этот аспект наиболее важен для осмысления интеграционных процессов в трансграничном аспекте и их роли для развития малых городов.

Вторым важным аспектом, осмысление которого необходимо для выделения интеграционных зон, – это роль коммуникационных коридоров, прежде всего коридоров транспортных. Транспортные коридоры представляют собой исторически сложившиеся устойчивые направления перемещения грузовых и пассажирских потоков и исторически соединяют крупные региональные центры, а также знаковые территории, обладающие особой экономической аттрактивностью. Оставшиеся территории, расположенные в удалении от транспортных коридоров и не имеющие достаточного экономического потенциала для саморазвития, неизбежно превращаются в периферийные территории, характеризующиеся значительно более низким «экономическим тонусом», испытывающие проблему оттока населения в более развитые экономические центры.

Влияние транспортных коридоров весьма наглядно демонстрируется на примере приграничных зон России и Беларуси, таких малых городов, как Невель, Орша, Рудня и другие. Транспортные коридоры являются своеобразными коммуникационными каналами, связующими элементами для экономических пространств различных регионов, они несут импульсы экономического развития в населенные пункты и территории, входящие в зону влияния таких маршрутов, создавая предпосылки для развития экономического потенциала вовлеченных городов и территорий. При этом наибольшую роль для изменения свойств экономического пространства играют автодороги. Если речь идет об удаленных периферийных территориях, то с развитием транспортного сообщения производители товаров получают возможность расширить географию сбыта товаров. Стимулы к развитию получает сектор малого бизнеса, связанный с обслуживанием транспортного (возможно, транзитного) потока (АЗС, автосервис, общепит). Также с повышением транспортной доступности возрастает поток туристов, растет степень attractiveness туристских объектов, развивается соответствующий сектор малого бизнеса. В рассматриваемом регионе такие возможности есть и частично реализуются.

К сожалению, для большинства малых регионов остается актуальной проблема включенности в коммуникационные каналы, обеспеченность соответствующей транспортной инфраструктурой.

Включение региона в мирохозяйственные связи дает импульс экономическому развитию, повышает связность экономического пространства. Регион включается в систему международных транспортных регионов, повышается его инвестиционная привлекательность, создаются предпосылки для реализации его экономического потенциала, повышается качество жизни. Включенность в мирохозяйственные связи снижает степень периферийности региона в мировом и национальном масштабе.

При этом следует говорить не просто о внешнеторговой деятельности, которая может заключаться лишь в экспорте сырья, без значительного мультипликативного эффекта для развития территории, а о комплексном системном взаимодействии, затрагивающем различные отрасли, стимулирующем развитие новых товаров и услуг, повышение качества жизни населения.

Расположение в удаленности от транспортных коридоров – международных, федеральных, региональных транспортных маршрутов – значительно повышает степень выраженности такого свойства экономического пространства, как периферийность.

Что касается малых городов, то включенность в систему международных автомагистралей является одной из характеристик, отражающих включенность региона в систему мирохозяйственных связей, что в свою очередь создает предпосылки для снижения степени периферийности региона.

В современном мире физическое расстояние уже не является определяющей величиной при анализе пространственного развития, ее место прочно заняла такая категория, как «экономическое расстояние», выражаемое не в физическом расстоянии (км), а во временных и денежных издержках, необходимых для преодоления расстояния (временной и денежный эквивалент). То есть принципиальное значение для изменения экономического расстояния играет транспортная доступность, понимаемая как «характер (свойство) удаленности/близости какого-либо экономико-географического объекта (города, поселения, экономического центра, промышленного предприятия, жилого квартала, района города, места, любой точки территории) по отношению к транспортной магистрали (линии) и/или транспортному узлу». С точки зрения экономического расстояния точка, находящаяся на удалении более чем 300 км, может быть более доступна, чем географическая точка, удаленная на 100 км. К сожалению, на российско-белорусском пограничье это типичная ситуация.

Ключевым фактором, определяющим транспортную доступность, помимо близости к транспортным магистралям является состояние транспортной инфраструктуры. Транспортная инфраструктура является основной для формирования системы обменов как для внутреннего экономического пространства, так и для взаимодействия с внешними экономическими пространствами. Именно транспортная инфраструктура обеспечивает так называемую «связность» пространств различных стран и имеет особую значимость, в нашем случае – белорусско-российского пограничья.

С экономической точки зрения пространственная схема транспортной инфраструктуры является основой для формирования системы

транспортировки грузов, что в свою очередь влияет на стоимость транспортных услуг и в итоге на конечную стоимость продукции. В конечном счете эффективность построения транспортных цепочек, во многом зависящая от технических возможностей и состояния транспортной инфраструктуры, отражается на конкурентоспособности товаров.

Кроме того, транспортная инфраструктура имеет важное социальное значение, обеспечивая возможности для мобильности населения, гарантии доступности медицинских и других услуг, каналы для распространения социальных инноваций. Социальный аспект имеет критическое значение для многих территорий, в первую очередь малых городов и поселений, значительно удаленных от основных экономических центров. На сегодня близость к экономическим центрам развития является критическим фактором пространственного развития регионов, во многом определяющим перспективы развития отдельных территорий.

Особого внимания заслуживают приграничные парные малые города. В международной и российской практике есть примеры успешной кооперации и тесного взаимодействия таких пар, вплоть до образования еврорегионов. Парные города можно расценивать как параллельно размещенные по обе стороны границы в незначительном удалении друг от друга, имеющие устойчивые коммуникационные связи. Для границы Россия–Беларусь к таким городам можно отнести парные города: Сураж–Костюковичи, Рудня–Лиозно, Велиж–Сураж. При целенаправленных усилиях эти парные города могли бы приобрести дополнительные возможности развития через усиление взаимодействия. Парность крупных городов – областных центров Могилева и Витебска – с центрами субъектов Федерации (Смоленск и Брянск) также очевидна, но здесь нельзя не учитывать большие расстояния между указанными городами.

Таким образом, базовые характеристики экономического пространства в приграничных районах России и Беларуси создают достаточные предпосылки для интеграции систем расселения.

Микушева Т.Ю.
кандидат экономических наук, доцент,
Институт социально-экономических и
энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Россия, г. Сыктывкар)

Состояние и перспективы межрегионального сотрудничества северного региона Российской Федерации в Евразийском экономическом пространстве

В современном мире наблюдается большой интерес к экономической интеграции государств. Происходят параллельные процессы экономического объединения стран. Одни вызваны глобализацией производства, потребления, обращения, другие – стремлением стран увеличить эффективность национальных экономик за счет факторов, возникающих в результате усиления внешнеторговых, производственных, научно-технических, технологических связей, которые, развиваясь и расширяясь, обеспечивают постепенное сращивание национальных экономик.

Россия, Республика Беларусь, Казахстан, Армения, пройдя различные формы региональной интеграции, в 2014 г. создали Евразийский экономический союз. Региональная интеграция дает положительный эффект, когда в ней принимают участие организации различного масштаба, разных территорий стран-участниц.

Республика Коми относится к группе регионов Российской Федерации с высокой экспортностью хозяйства. Ведущим элементом внешнеэкономической деятельности Республики Коми являются внешнеторговые операции. Структура экспорта Республики Коми отражает топливно-сырьевую специализацию развития промышленности. Основными видами экспортной продукции являются минеральные продукты. Доля этой группы в товарной структуре экспорта республики в 2013 г., по данным Комистата, составила 83% [1]. Другая составляющая – древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 15%. Доля экспорта остальных видов товаров незначительна.

Внешнеторговые операции организации республики осуществляют примерно со 100 странами мира. Вместе с тем достаточно заметными

являются внешнеторговые связи с государствами – членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Таблица 1. **Внешнеторговый оборот стран-участниц ЕАЭС и Республики Коми,**
млн. долларов США

	Внешнеторговый оборот									
	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Удельный вес в общем объеме внешнеторгового оборота республики, %	4%	7,5	6%	10,5	9,9	28,3	20	12	6,5	0,7
Всего	49,8	82,8	80,2	146,9	167,3	430,9	342,4	373,8	163,5	27,9
в том числе										
Армения	-	0,4	0,5	1,2	0,3	0,5	0,5	0,6	0,3	-
Беларусь	44,7	53,3	44,0	95,8	116,6	376,5	274,8	366,2	163,2	27,9
Казахстан	4,2	26,6	32,4	46,0	45,8	50,0	62,6	-	-	-

Данные таблицы 1 говорят о достаточно высокой роли стран-участниц Союза во внешнеторговом обороте республики, в отдельные годы доля стран во внешней торговле составляла примерно треть общего объема внешнеторгового оборота, и связано это было с созданием Таможенного союза между странами.

Основные потоки во внешнеторговой деятельности относятся к экспортным операциям. Структура экспорта в страны-участницы ЕАЭС мало отличается от общей структуры. В 2012 г. экспорт нефти и нефтепродуктов составил примерно 80% от общего объема экспорта, на долю древесины, изделий из древесины, бумаги и картоны приходилось примерно 13,6%. Небольшая (около 2%), но постоянная доля в экспорте принадлежит текстильным изделиям технического значения (табл. 2).

Таблица 2. **Экспорт Республики Коми по странам-участницам ЕАЭС,**
млн. долларов США

Показатель	Экспорт									
	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Удельный вес в общем объеме экспорта республики, %	2,4	7,9	6,2	11,4	11,5	36,0	24,4	11,4	5,9	0,66
Всего	27,5	68,5	62,8	132,3	149,8	417,7	326,2	351,5	132,5	23,8
Армения		0,4	0,5	1,2	0,3	0,5	0,5	0,6	0,3	-
Беларусь	23,6	41,6	30,1	85,1	104,0	368,2	264,4	350,9	132,2	23,8
Казахстан	3,9	26,5	32,2	46,0	45,5	49,0	61,3	-	-	-

Организации Республики Коми в основном импортируют машины и оборудование, продукты химии, изделия из древесины, металлы. Импортные

операции чаще всего осуществляют субъекты хозяйствования с иностранными инвестициями либо коммерческие организации, получившие кредит под импорт оборудования или вспомогательных средств. Импорт потребительского характера в Республику Коми поступает через центральные регионы страны. Объем импорта из стран участниц ЕАЭС небольшой и редко превышает 10% общего объема импортных операций (табл. 3). В 2012 г. доля продуктов химии составила около 50%, машин и оборудования – 12%. В 2013 г. – соответственно 25 и 43%. Основным участником внешнеторговых операций из стран-участниц ЕАЭС для организаций Республики Коми является Республика Беларусь.

Таблица 3. **Импорт стран-участниц ЕАЭС в Республику Коми, млн. долларов США**

Показатель	Импорт									
	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Удельный вес в общем объеме импорта, %	13,5	5	7,4	4,5	3,3	2,6	4,7	5,7	11,6	1,4
Всего	21,4	11,8	14,1	10,7	12,9	9,3	11,7	15,5	31,0	4,1
Армения	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Беларусь	21,1	11,7	13,9	10,7	12,6	8,3	10,4	15,3	31,0	4,1
Казахстан	0,3	0,1	0,2	0,0	0,3	1,0	1,3	-	-	-

Анализ внешнеторговой деятельности субъектов хозяйствования Республики Коми, проведенный автором в 2002 г., и современная ситуация в сфере внешнеторговых операций показывают, что более чем за десять лет положение не изменилось [3]. Товарная структура экспорта остается малодифференцированной. Экспортные товаропотоки концентрируются в группе стран Западной Европы, это относится прежде всего к экспорту сырой нефти, нефтепродуктов. Даже поставки в страны СНГ и Восточной Европы иногда являются промежуточными, а потребитель находится в Западной Европе. Происходящие изменения в географии экспортных поставок подтверждают влияние на экспорт двух факторов – платежеспособности покупателя и эффективности экспортных сделок. География импортных операций также смещается в страны Западной Европы. Вызвано это в основном необходимостью приобретения высокотехнологичных товаров (машин, оборудования), что не всегда могут предложить организации стран-участниц ЕАЭС. Внешнеторговые связи в рамках экономического союза осуществляют крупные производители, малые и средние организации не участвуют в интеграционном процессе.

Евразийский экономический союз предполагает свободное движение как товаров и услуг, так и капитала и рабочей силы. Для осуществления

инвестиционного процесса организации Республики Коми все активнее привлекают иностранные инвестиции. В 2013 г. было вложено иностранных инвестиций на сумму 331 млн. долларов США инвестиций, что составило примерно 6,5% от общего объема инвестиций в основной капитал Республики Коми. Инвестиционная привлекательность Республики Коми для иностранных инвесторов определяется структурой экономики. Если раньше наиболее интересными были организации топливно-энергетического комплекса, то в настоящее время инвестиции поступают в форме кредитов, полученных от зарубежных совладельцев, либо торговых кредитов. Незрелость финансового сектора России вынуждала субъектов хозяйствования Республики Коми брать кредиты в зарубежных банках, поскольку кредиты российской банковской системы дороже, сроки кредитования меньше. Иностранные инвестиции поступают в Республику Коми в основном из стран Западной Европы, страны-участницы ЕАЭС отсутствуют на карте потоков иностранного капитала в республику.

Незначительное участие иностранного капитала в экономике Республики Коми и России объясняется тем, что, начиная с 70-х гг. прошлого столетия, направления движения капитала в мировом хозяйстве изменились. Раньше капитал перемещался из развитых стран в развивающиеся. Направление вывоза капитала определялось поиском дешевых факторов производства: природных ресурсов, труда. В последние десятилетия основные потоки капитала идут из развитых стран в развитые [4]. Направление потоков капитала сейчас в высокой степени регулируется емкостью и развитостью потребительского рынка. Республика Коми, характеризующаяся неёмким, неразвитым потребительским рынком, не представляет значительного интереса как регион вложения иностранного капитала.

Одной из форм перемещения иностранного капитала является создание предприятий с иностранными инвестициями (табл. 4).

Таблица 4. Число организаций с участием иностранного капитала стран-участниц ЕАЭС в Республике Коми, ед.

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Всего	75	111	119	111
Число организаций с иностранным капиталом стран-участниц ЕАЭС	4	10	6	4
Армения	-	-	-	-
Беларусь	3	9	4	2
Казахстан	1	1	2	2

Наиболее активно процесс создания совместных предприятий в Республике Коми протекал в 1992–1993 гг. В последние годы значительно снизилось количество организаций, создаваемых с иностранными инвестициями. Вызвано это прежде всего тем, что предприятия с иностранным участием столкнулись с экономическими проблемами, актуальными и для российских субъектов хозяйствования. Предприятия с иностранными инвестициями наиболее активно создавались в Республике Коми в период 2000–2011 гг. создавались учредителями, зарегистрированными на Кипре. Удельный вес организаций с кипрским капиталом составил в этот период примерно 30%; как правило, учредителями являлись российские предприниматели, капитал которых был переведен в офшорную зону Кипра. В Республике Коми работают субъекты хозяйствования с иностранным капиталом, созданные организациями стран участниц ЕАЭС (Республика Беларусь и Казахстан). Количество таких субъектов хозяйствования невелико, сумма взносов в уставной капитал крайне мала. Однако деятельность организаций была заметна в экономике Республики Коми, прежде всего это относится к совместному предприятию, занимавшемуся поставкой и техническим обслуживанием автомобилей Минского автомобильного завода.

В настоящее время для Республики Коми миграция является важным направлением решения задачи нехватки трудовых ресурсов в условиях невысокой рождаемости, быстрого старения населения и большого числа, выезжающих на постоянное место жительства в другие регионы страны.

Международная миграция незначительна, её оборот составляет около 1% в общем миграционном обороте [2]. Основные потоки международной миграции Республики Коми осуществляются между Украиной и Узбекистаном (табл. 5).

Таблица 5. **Международная миграция между странами-членами ЕАЭС и Республикой Коми, чел.**

Показатель	Число прибывших в Республику Коми		Число выбывших из Республики Коми		Миграционный прирост, убыль	
	2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
Удельный вес в общем объеме международной миграции, %	13,3	13,3	15,9	18,4	10,2	9,1
Миграция всего	202	231	130	142	72	89
Армения	98	122	29	43	69	79
Беларусь	73	74	91	79	-18	-5
Казахстан	31	35	10	20	21	15

Республика Беларусь, обладающая развитой инфраструктурой и комфортными природными условиями, является важным направлением выезда граждан Республики Коми.

Республика Коми в международном разделении труда выступает как экспортер сырьевых товаров. За десятилетия экономических преобразований такие факторы, как внешнеторговая деятельность республиканских организаций, иностранные инвестиции в Республику Коми, не стали решающими факторами структурных преобразований экономики республики в пользу отраслей переработки, не позволили поднять на другую, более высокую ступень уровень развития производительных сил.

В экономической интеграции большая ставка делается на привлечение иностранного капитала во всех формах для решения проблем структурной перестройки экономики. Мировой опыт свидетельствует о том, что в слаборазвитых, с сырьевым характером развития, странах иностранные инвестиции часто приводят к повторению и усугублению круга экономических проблем. Отсюда следует, что в достижении цели сбалансированного и устойчивого регионального развития иностранный капитал, как правило, не может играть главную роль. Необходимо делать ставку на то, чтобы он был лишь дополняющим фактором в развитии экономики, а приоритет национального и регионального правительств должен состоять в мобилизации всех внутренних ресурсов на развитие инфраструктуры, образования, поддержку инноваций и малого бизнеса, а также в осуществлении необходимых структурных преобразований экономики, улучшении делового климата, подъеме предпринимательской активности и местных инициатив. На этой основе можно добиться и более высокого качества иностранных инвестиций, когда инвестор использует не только сырье и дешевую рабочую силу низкой квалификации, а местные предприниматели могут выступить инициаторами в поисках и привлечении иностранных инвесторов либо быть достойными партнерами или конкурентами. В таком случае можно добиться широкого участия субъектов хозяйствования различных отраслей и масштабов деятельности в интеграционном процессе Евразийского экономического союза.

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность Республики Коми. Статистический бюллетень. – Сыктывкар: Изд. Комистата, 2013. – 46 с.
2. Миграция населения Республики Коми за 2013 г. Статистический бюллетень. – Сыктывкар: Изд. Комистата, 2014. – 85 с.
3. Микушева, Т.Ю. Теория и практика внешнеэкономической деятельности региона (опыт Республики Коми) / Т.Ю. Микушева. – Сыктывкар, 2002. – 148 с. (Коми научный центр УрО РАН).
4. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – Blackwell Publishers Ltd, 1996. – P. 556.

Новоселов А.С.
доктор экономических наук, профессор,
зав. отделом, Институт экономики и организации
промышленного производства Сибирского отделения РАН
(Россия, г. Новосибирск)

Маршалова А.С.
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики и организации
промышленного производства
Сибирского отделения РАН
(Россия, г. Новосибирск)

Приграничное положение как фактор повышения конкурентоспособности территории России и Казахстана

Проблема конкурентоспособности является важнейшим стратегическим понятием, которое лежит в основе принятия управленческих решений любой общественно-экономической системы, включая не только хозяйственные организации, но и государство и всю совокупность его территориально-административных образований. Если конкурентоспособность хозяйственных объектов определяется высокой востребованностью производимых ими товаров и услуг, то конкурентоспособность территории определяется ее способностью привлекать бизнес и население. Конкурентоспособность является результатом эффективного использования имеющихся объективных преимуществ и создания условий для их появления и усиления.

В последние десятилетия Китай показал блестящий пример использования приграничного положения для повышения конкурентоспособности своих территорий, примыкающих к России, и резкого подъема уровня их социально-экономического развития. Благодаря большому неудовлетворенному спросу на потребительские товары в странах СНГ, в Китае активно развивалась легкая промышленность, на приграничных территориях появились современные промышленно-логистические центры и настоящие оазисы современной цивилизации. Китай извлек максимум выгоды из состояния потребительского рынка в странах СНГ.

Очевидно, что Российская Федерация и Республика Казахстан не могут повторять путь Китая, и в этом нет необходимости. Зато есть объективная

потребность и реальная возможность усилить свои позиции в мирохозяйственной системе за счет эффективного взаимодействия и использования взаимодополняющих ресурсов каждой из сторон. При этом приграничным территориям принадлежит особая роль, т.к. дружественная государственная политика обеих стран в сочетании с конкретным сотрудничеством соседних территорий в экономической и социальной сфере может обеспечить прочную взаимовыгодную экономическую интеграцию, которая обеспечит рост и высокое качество жизни населения этих стран.

В настоящее время возможности приграничного взаимодействия Республики Казахстан и Российской Федерации в интересах населения, проживающего на соседних территориях, используются недостаточно, несмотря на то, что со стороны высших руководителей Казахстана и России предпринимаются активные действия, направленные на усиление всестороннего сотрудничества этих стран. Деятельность Таможенного союза пяти стран – России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии – направлена на усиление экономического потенциала стран-участниц этого союза за счет интеграции экономик, расширения рыночного пространства. На приграничных территориях появляются дополнительные возможности для развития малого и среднего предпринимательства. С учётом того, что малый и средний бизнес, особенно в агропромышленном секторе экономики, находятся в числе приоритетных направлений российской экономической политики, отметим, что их развитие может получить государственную поддержку, в том числе и финансовую.

Многочисленные долгосрочные прогнозы развития мировой экономики позволяют выделить приоритетные проблемы, решение которых должно стать основой государственной стратегии стран, претендующих на достойное место в мировой системе экономики. Среди многих проблем самыми главными являются:

- интенсивный переход на инновационный путь развития;
- рост индекса развития человеческого потенциала страны;
- продовольственное обеспечение населения.

Эти ключевые проблемы интегрируют в себе всю совокупность задач, от решения которых зависит благополучие страны и достойная жизнь ее граждан.

Если рассматривать приграничное взаимодействие с позиций решения стратегических задач развития одного из субъектов Российской Федерации – Новосибирской области, то можно сказать, что с учетом ресурсного потенциала и долгосрочной стратегии развития области, разработанной на период до 2025 года, направлениями сотрудничества, в которых могут быть заинтересованы соседние территории двух государств, являются следующие:

- На базе научно-образовательного потенциала г. Новосибирска, в первую очередь институтов Сибирского отделения Российской академии наук, в Академгородке формируется технопарк. Цель его создания – продвижение новейших научных разработок в экономику и ускорение перехода на инновационный путь развития не только промышленных предприятий, но и сельского хозяйства и всех инфраструктурных отраслей. Поскольку соседние с Новосибирской областью территории Казахстана находятся примерно в одинаковых природно-климатических условиях, особый интерес для обеих стран могут представлять инновации в сельском хозяйстве (районированные высокоурожайные сорта растений, средства защиты от вредителей и т.д.). Эффективное развитие сельского хозяйства в условиях роста дефицита продовольственных ресурсов, безусловно, является фактором повышения конкурентоспособности территорий.

- Индекс развития человеческого потенциала рассчитывается на основе таких трех главных параметров, в совокупности характеризующих качество населения страны, как продолжительность жизни, уровень образования и среднедушевые доходы. Высокий уровень развития в г. Новосибирске сферы высшего образования, наличие Сибирского отделения Российской академии медицинских наук создают благоприятные предпосылки для более тесного сотрудничества в сфере образования и оказания медицинских услуг.

- Во многих развитых странах одним из наиболее высокодоходных бизнесов являются рекреация и туризм. Эта ниша и в Республике Казахстан, и в Российской Федерации пока свободна, но она начинает интенсивно заполняться (в Республике Алтай годовой объем туристов достиг 600 тыс. человек). Возможна разработка совместных туров с использованием национального колорита, исторических памятников, конного туризма и пр.

- Целесообразно создание региональных современных транспортно-логистических центров, которые обслуживали бы большой ареал,

включающий Казахстан, республики Средней Азии и восточную часть России.

- Безграничным является взаимодействие в сфере культуры и спорта, которое больше, чем что-либо, может способствовать укреплению дружбы и сотрудничества между государствами, духовному сближению народов. Учитывая территориальную близость, нетрудно организовывать дни культуры, обмен школьными экскурсиями, регулярные спортивные соревнования, обмен выставками и т.д.

Таким образом, развитие приграничного сотрудничества не требует специальных решений со стороны президентов стран. Дело обстоит гораздо сложнее: необходимо, чтобы местные сообщества прониклись пониманием, что такое сотрудничество взаимовыгодно и его развитие ведет к повышению уровня и качества жизни территорий. Но такое понимание не возникает на пустом месте само по себе. Для этого необходимо, чтобы руководители территорий понимали, что сфера действия конкуренции давно переместилась в регионы; что приграничное положение с дружественной страной является дополнительным фактором конкурентного преимущества; что приграничное взаимодействие – это не стихийный процесс, оно должно быть организовано, и для этого требуется большая работа.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Перспективы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве / С.Ю. Глазьев, В.А. Вашанов // Современные производительные силы. – 2014. – № 1. – С. 38-50.

2. Иноземцев, В.Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве / В.Л. Иноземцев // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 71-82.

3. Никитенко, П.Г. Конкурентоспособность Беларуси, России и Украины в мировом сообществе / П.Г. Никитенко, Л.А. Платонова. – Минск, 2011. – 295 с.

4. Ковалева, Г.Д. Муниципальное управление в организации приграничного сотрудничества в Сибирском федеральном округе / Г.Д. Ковалева // Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 319-340.

5. Примаков, Е.М. Вызовы и альтернативы многомерного мира: роль России / Е.М. Примаков. – М.: МГУ, 2014. – 320 с.

Рослякова Н.
младший научный сотрудник,
Институт проблем региональной экономики РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Оценка экономических эффектов от интеграции для городов российско-белорусского приграничья*

В литературе посвященной вопросам исследования интеграционных процессов широко освещены направления интеграции. В экономическом направлении происходят региональные и международные перераспределения производств, расширение рынков сбыта продукции. В направлении институтов вырабатываются законодательные нормы, формальные и неформальные правила ведения деятельности в рамках интегрированных структур. Более того, на пересечении происходит кристаллизация тех структур (формальные объединения предприятий, сетевые взаимодействия, агломерации, кластеры) и правил, в рамках которых ведется хозяйственная деятельность.

Россия и Беларусь являются самыми близкими соседями, объединенными общим языком, историей, культурой, религией. Высокая степень гомогенности двух стран всегда располагала к тесному сотрудничеству. И сейчас, в условиях евразийской интеграции процессы экономической интеграции протекают много быстрее, чем с любым другим соседом Российской Федерации. Российско-белорусское приграничье образуют Псковская, Смоленская, Брянская области с российской стороны и Витебская, Могилевская и Гомельская области с белорусской. Пограничные пункты пропуска между Россией и Беларусью отсутствуют, что является свидетельством отсутствия любых барьеров для взаимодействия и делает транспортные и, в общем, транзакционные издержки пересечения границы наиболее низкими. Более того, в рамках Союзного государства были реализованы программы («Обустройство границ», «Программа обустройства внешней границы Союзного государства на период 2002–2005 гг., с продлением срока ее реализации на 2006 г.»), посвященные выработке

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований: «Интеграционный потенциал малых и средних городов Беларуси и России: оценка и механизм реализации в условиях евразийской интеграции» 2015 год.

единой пограничной политики[†]. Прямое транспортное сообщение может осуществляться по всем магистралям, пересекающим границу. Российско-белорусскую границу пересекают: 7 железнодорожных магистралей; 10 автомобильных магистралей. Также данную границу пересекают основные автомобильное и железнодорожное плечи трансконтинентального коридора Транссиб (TS) и ответвления Паневропейского коридора № 9 (PE9).

Протяженность границы России и Белоруссии составляет 1283 км. И образует широкую зону, взаимодействие в которой максимально упрощено, и которая выходит в центральные, самые населенные территории России, в т.ч. к двум столичным городам Москве и Санкт-Петербургу.

Согласно с исследованием Н.П. Рыжовой только концепция Новой экономической географии (НЭГ) рассматривает внутреннее пространство государства, поэтому логично искать ответы используя методологию, допущения и выводы НЭГ [2, с. 31]. При оценке пространственно-динамических эффектов интеграции появляется возможность в явном виде наблюдать последствия интеграции для отдельных регионов.

Эффекты интеграции в приграничных регионах выражают взаимовлияние внешнеэкономических факторов и факторов национальной пространственной организации экономики. В рамках НЭГ были обоснованы и эмпирически доказаны три вида эффектов, проявляющихся на региональном уровне. Эффект локализации выражается в изменении специализации экономической деятельности приграничных регионов и в росте доли приграничных регионов в общей численности занятых в промышленности. Два фактора создают условия для такой смены специализации – торговые и инвестиционные потоки. Другим эффектом является эффект урбанизации, который выражается в росте числа фирм в приграничных регионах и как следствие в росте городов (и по численности, и по масштабу экономической деятельности). Третий возможный эффект – эффект изменения стоимости труда. Перенос экономической активности из центральных регионов в приграничье, вследствие усиления экономической интеграции, может способствовать росту заработных плат в приграничных регионах.

[†] Рослякова Н.А. Основные тенденции интеграционных процессов Республики Беларусь и России в контексте евразийской интеграции // Вестник экономической интеграции. – 2014. – № 7 (76). – С. 146-152. (в соавторстве с Межевичем Н.М.)

На данных 2005–2013 гг. предполагается оценка эффектов интеграции, которые могли проявиться в приграничных регионах после открытия границы в 2006 г. Если анализировать торговые и инвестиционные потоки, то первым важным выводом можно указать, то, что они действительно увеличились в рассматриваемых регионах в исследуемый период (табл. 1).

Таблица 1. Динамика инвестиций в основной капитал в регионах российско-белорусского приграничья в 2005–2013 годы*,
в млрд. бел. руб. и млн. рус. руб.

Области	Единица измер.	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Прирост, раз
Витебская	в млрд. бел. руб.	1601,4	1971,0	2625,1	3946,5	4731,6	5700,7	8924,5	13677,1	21464,8	13,4
Гомельская		2369,1	3374,2	4047,1	5582,3	7223,9	8175,2	13587,5	21605,0	33055,2	14,0
Могилевская		1278,4	1998,1	2649,4	3484,8	4029,4	5602,5	11414,3	16904,7	17478,6	13,7
Брянская	в млрд. рус. руб.	8496,0	12462,0	21010,0	24518,0	27240,0	41989,0	48014,0	46551,0	60798,0	7,2
Смоленская		14371,0	16029,0	25178,0	37030,0	35991,0	48833,0	56872,0	56435,0	55869,0	3,9
Псковская		5547,0	7603,0	13679,0	16394,0	12878,0	16695,0	24882,0	33664,0	27227,0	4,9

* Подготовлено автором на основе статистических сборников «Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели». Т. 1, 2014 и 2013 гг.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2014 гг.

Из таблицы 1 видно увеличение инвестиций. Однако примечательно то, что уровень роста для российских и белорусских регионов значительно отличается. Инвестиции в белорусских регионах выросли в 14 раз, тогда как с российской стороны рост много ниже. Еще один примечательный момент, касающийся соотношения величины инвестиций в исследуемые регионы в соотношение с общегосударственными инвестициями. Очевидно, что в Российской Федерации имеются намного более приоритетные регионы, которые привлекают к себе существенные денежные потоки. Брянская, Смоленская и Псковская области же занимают ничтожную долю в объеме общероссийских инвестиций. Однако три исследуемых белорусских региона составляют половину субъектов Республики Беларусь, занимают 53% площади государства и 40% общей численности населения. Поэтому целесообразно сравнить общегосударственные инвестиции с уровнем инвестиций приграничных регионов (рис. 1).

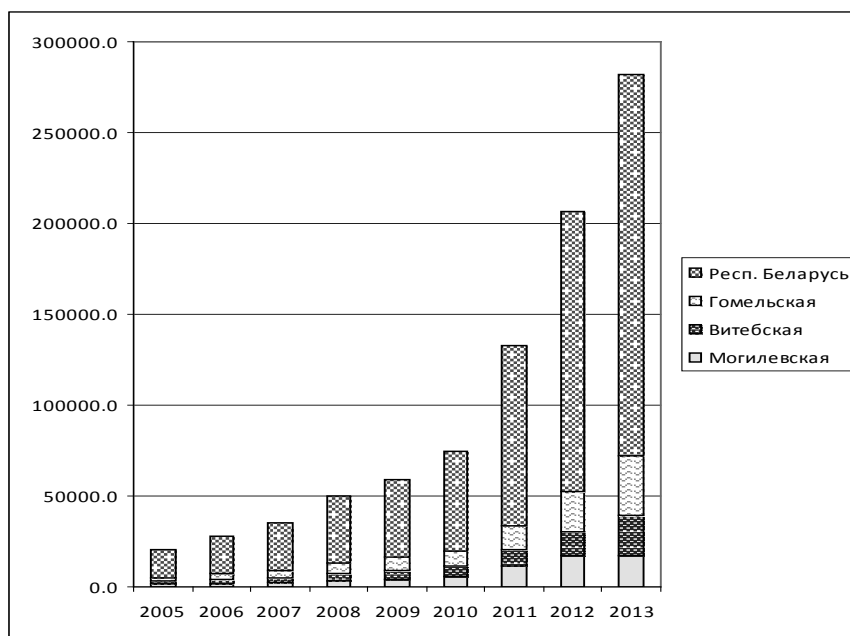

Рис. 1. Динамика и соотношение инвестиций в целом по Республике Беларусь и граничащих с Российской Федерацией областей, млрд. бел. руб.

Очевидно, с 2005 г. приоритеты инвестирования в Республике Беларусь сместились существенно. Если в 2005 г. исследуемые области занимали около половины инвестиций, то к 2010 г. уже только 35%. А с 2011 г. начался ускоренный рост инвестирования в стране, однако он в меньшей степени касается регионов на границе с Российской Федерацией. В результате в 2013 г. доля регионов в общем объеме составляет уже 30%.

Переходя к анализу влияния, которое мог вызвать рост инвестиций, рассмотрим сальдо торгового баланса для шести пограничных областей. Стоит отметить, что для обеих стран статистика по внешнеэкономической деятельности собирается в текущих ценах в долларовом измерителе, поэтому данные являются сопоставимыми и могут рассматриваться и сравниваться. Пограничные регионы весьма отличаются по масштабам внешнеторговой деятельности. В российских регионах суммы экспортных и импортных операций не превосходят 1 млрд. долл. (а для Псковской области измеряются лишь десятками миллионов), тогда как для белорусских регионов потоки исчисляются миллиардами (рис. 2 и 3).

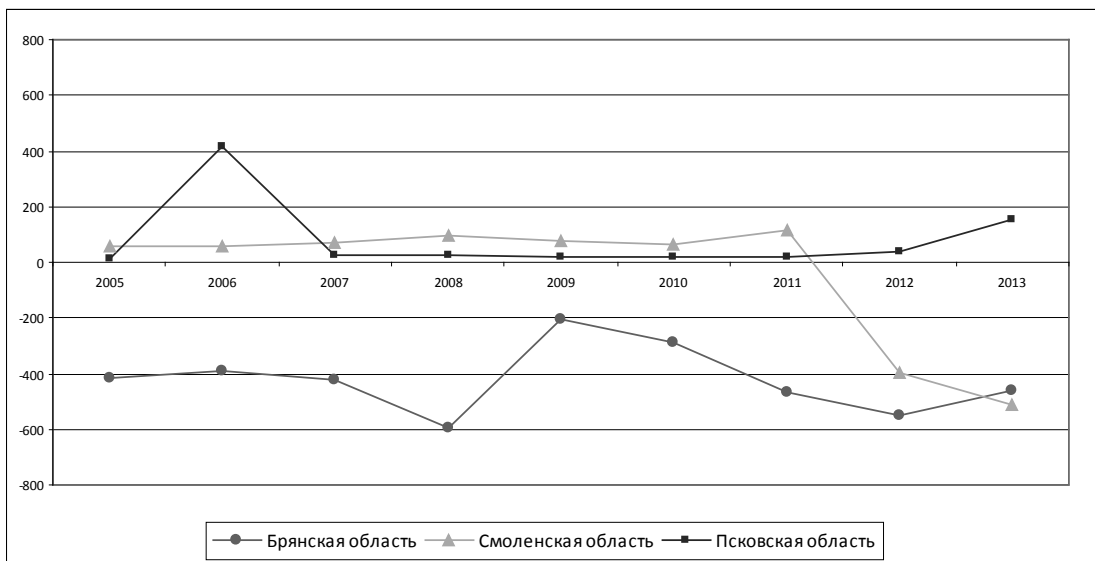

Рис. 2. Сальдо торгового баланса в 2005–2013 гг. для российских приграничных регионов, млн. долл. США

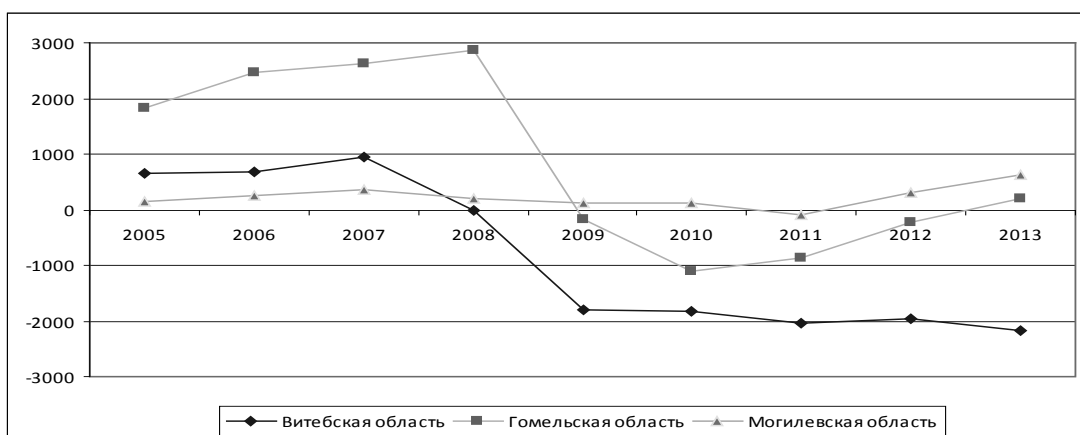

Рис. 3. Сальдо торгового баланса в 2005–2013 гг. для белорусских приграничных регионов, млн. долл. США

Сальдированные данные по внешней торговле целесообразно рассматривать для пар регионов: Могилевская и Смоленская области (данный поток ориентирован на взаимодействие с Москвой); Витебская и Псковская области (данный поток ориентирован на Санкт-Петербург и Северо-Запад); Гомельская и Брянская области. В паре Гомель–Брянск однозначны роли Гомеля как экспортера продукции, а Брянска – как ее импортера. Наблюдается большое кризисное сокращение экспорта в 2008–2009 гг. из Гомельской области, которое положительно сказывается на торговом балансе Брянской области. По мере преодоления кризиса тенденция возвращается на прежнюю траекторию.

В паре Витебск–Псков видны моментные проявления эффекта связанного со снятием границы. В Псковской области в 2006 г. наблюдается скачкообразный рост экспорта. В целом за рассматриваемый период Псковская область в крайне малой степени была включена во внешнеторговые отношения. При этом у парного региона (Витебской области) в 2008–2009 гг. наблюдается спад экспорта, который, однако, усиливается по мере прохождения кризисного периода. Это может быть связано с тем, что регион в кризисный период наладил взаимодействие с более масштабным (как следствие, имеющим меньшие издержки) и более технологичным рынком Санкт-Петербурга. То есть, здесь можно предполагать, что «центр тяжести» технологических и экономических связей Витебской области намного дальше от границы, и, следовательно, интеграционные процессы и формы также не должны локализоваться в приграничных территориях.

Третья пара Могилев – Смоленск отличаются наибольшей стабильностью на протяжении 2005–2010 гг. обе области имели небольшое положительное сальдо. Очевидно, что масштабный импортный поток в Могилевскую область поглощает скромный экспортный поток из Смоленской области. При этом также понятно, что основную массу импорта Могилевской области формирует (экспорта поглощает) мощнейший московский промышленный центр. Аналогично с парой Витебск–Псков, интеграционные возможности Могилевской области выходят далеко за пределы Смоленской области. Замечание: с 2012–2013 гг. наблюдается усиление экспортной специализации Могилева и импортной специализации Смоленска (можно связать с подписанием регионального соглашения о развитии торгово-экономических отношений) [1].

Подобного рода изменения во взаимодействии двух стран и торговых потоках ведут к отраслевым сдвигам в российских регионах (табл. 2).

Таблица 2. Динамика отраслевой специализации в российских регионах в 2005–2013 гг.*

Области	Рост доли отрасли	Сокращение доли отрасли
Брянская	Строительство	Сельское хозяйство; оптовая и розничная торговля; транспорт
Смоленская	Операции с недвижимостью	Сельское хозяйство; обрабатывающая промышленность; транспорт
Псковская	Операции с недвижимостью; строительство	Сельское хозяйство; оптовая и розничная торговля; транспорт
* Подготовлено автором на основе статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели». 2006–2014 гг.		

Примечательно, что для Брянской и Псковской областей доли обрабатывающей промышленности в структуре экономики остаются стабильно высокими. Наблюдается четкая динамика к сокращению сельскохозяйственного производства, поскольку регионы ориентируются на импорт данной продукции из Беларуси. Примечательно сокращение транспортной отрасли, поскольку видно сокращение торговли. Можно сказать, что торговая отрасль в регионах концентрируется в достаточно крупных городах, которые выполняют функцию транспортно-распределительных центров².

Перейдем к анализу возможного урбанизационного эффекта, который также мог иметь место после создания единого пространства России и Беларуси. Для этого проанализируем число новых фирм, которое было зарегистрировано в пограничных областях (табл. 3).

Таблица 3. Число вновь созданных организаций в 2006–2013 гг. (без субъектов малого и микропредпринимательства), ед.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	5636	5293	4912	4352	4244	4477	4031	2589
Брянская область	81	52	65	54	50	75	71	44
Смоленская область	55	36	50	41	36	38	33	20
Псковская область	34	24	25	29	21	27	34	12
Республика Беларусь	4498	16003	15196	13700	8732	5313	8705	10230
Витебская область	332	1747	1955	1228	768	355	554	1047
Гомельская область	606	2433	1550	1432	621	663	627	687
Могилевская область	338	1705	1470	1485	601	325	291	978

Очевидно, что процессы создания новых фирм более интенсивно идут в Беларуси. Причем обращает внимание скачок в количестве регистраций в 2007 г. в белорусском приграничье. Данный скачок связан с полным снятием границы, следовательно, с сокращением денежных и временных издержек на взаимодействие с российскими регионами.

Соотнося рост числа фирм с ростом численности работников (рис. 4) нельзя утверждать, что происходит изменение численности занятых в Беларуси (все изменения в рамках 1%). Можно выдвинуть предположение, что открытие границы вызвало необходимость создания новых компаний для оптимизации бизнеса по налоговым режимам в рамках уже сложившихся производств и трудовых отношений. Тем не менее, это является свидетельством того, что снятие границы потребовало некоторых изменений

² Рослякова Н.А. Исследование транспортных полигонов РФ // Друкерровский вестник. – 2014. – №4. – С. 86-95.

на уровне организационного устройства. То есть, интеграция в данной плоскости проявилась на уровне формальных институциональных изменений. Если говорить о российской стороне, то налицо сокращение численности работников. И это стоит скорее связывать с сокращением доли трудоемких отраслей, таких как сельское хозяйство и транспорт (см. табл. 2). Глядя на общую численность населения, для всех регионов наблюдается отток населения, который в России носит более серьезный характер. Только 5% малых и средних городов с российской стороны имеют прирост. С белорусской стороны прирост наблюдается с 25% малых и средних городов. Можно утверждать, что с белорусской стороны наблюдается перераспределение населения по приграничной территории, тогда как с российской виден отток в центральные районы страны.

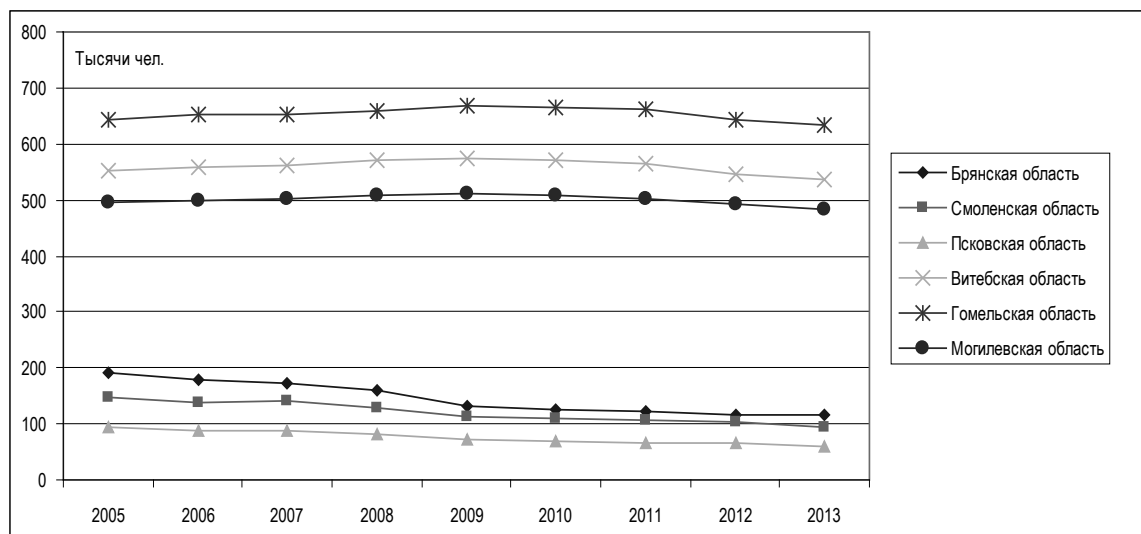

Рис. 4. Динамика численности работников в 2005–2013 гг. для российско-белорусских пограничных регионов, тыс. чел.

Попытаемся проанализировать эффекты, связанные с заработными платами. В теории утверждается, что рост численности городов вследствие интеграционных процессов может вести к росту заработной платы по сравнению с центральными не приграничными регионами. Поскольку в рассматриваемых регионах эффект урбанизации не проявился в полной мере есть вероятность, что и эффект роста заработных плат так же не проявится.

Для Республики Беларусь прирост номинальных заработных плат составил 10,9 раза, тогда как для приграничных Витебской, Гомельской и

Могилевской областей – 12,5 раза; 12,5 и 12,7 раза соответственно. То есть, видно небольшое превышение в росте заработных плат, что можно считать проявлением эффекта интеграции. Для российских областей ситуация иная. Рост номинальной заработной платы значительно ниже, в среднем по России он составляет 3,6 раза. В Смоленской и Псковской областях это рост ниже – 3,3 и 3,2 раза соответственно. В Брянской области рост чуть выше среднероссийского – 3,9 раза.

В заключение можно сказать, что Республика Беларусь более активно включилась в интеграционные процессы и сумела получить некоторые положительные эффекты. Усилив экспортную специализацию, Могилевская и Гомельская области смогли завоевать новые отрасли и рынки, не только в ближайшем приграничье. Произошла институциональная переориентация под новые условия. В конечном итоге это вылилось в более быстрый рост заработных плат в регионе.

Литература

1. Романова, И. Смоленск и Могилев подписали соглашение о сотрудничестве / И. Романова // Комсомольская правда. – 2012. – 3 июля. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/1189155/> (дата обращения: 21 мая 2015 г.);
2. Рыжова, Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов / Н.П. Рыжова; отв. ред. акад. РАН П.А. Минакир. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. – 352 с.

Сережкина К.И.
магистр, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, г. Орел)

Огнева В.В.
научный руководитель, доктор политических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, г. Орел)

**Приграничные связи субъектов как актуальное направление
внешнеполитической деятельности Российской Федерации
(на примере Брянской области)**

Для современного периода развития Российской Федерации характерно интенсивное сотрудничество с иностранными государствами. Участие в деятельности международных организаций, межгосударственных объединений, осуществление многосторонних экономических, культурных, научно-технических связей с государствами, другими субъектами мировой политики достигается, в том числе, путем приграничного сотрудничества. Ввиду исторических, экономических, геополитических и культурных особенностей каждый из приграничных регионов по-своему развивает и укрепляет приграничные связи. Проблематика приграничных регионов содержит в себе многие противоречия, характерные для современного этапа развития. Среди них – противоречия между культурной унификацией в рамках глобализма и национальной культурной идентичностью; богатыми (центральными) и бедными (периферийными) странами и районами стран; политическими центрами, стремящимися укрепить или сохранить властную вертикаль, и подчиненными им территориями, желающими расширения своих прав и полномочий в расширении приграничных связей; недостаточной нормативной составляющей приграничного сотрудничества.

Термин «приграничное сотрудничество», как известно, закреплен в многочисленных международных нормативных актах¹. В соответствии с

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2011 № 1757-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года»; Распоряжение Правительства РФ от 05.09.2011 № 1538-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года» // СЗ РФ. 19.09.2011. № 38. Ст. 5400; Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2010 № 1120-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии

Концепцией приграничного сотрудничества в Российской Федерации, под приграничным сотрудничеством понимается: «согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами»². Приграничное сотрудничество – важная область, посредством которой проявляется необходимость реализации национальных интересов Российской Федерации. Приграничное сотрудничество можно считать важной областью развития приграничных регионов.

Анализ нормативных источников приграничного сотрудничества дает повод говорить о том, что законодательная база приграничного сотрудничества Российской Федерации была основана и закреплена на основе постсоветского правопорядка. Основными ключевыми документами выступили соглашения и договоры: межправительственные договоры и соглашения с Казахстаном, Украиной, Беларусью и другими³; Соглашение об основных принципах приграничного сотрудничества государств – участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях⁴.

Объем полномочий субъектов Российской Федерации в сфере международного и приграничного сотрудничества закрепляется

социально-экономического развития Сибири до 2020 года» // СЗ РФ. 16.08.2010. № 33. Ст. 4444; Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2008 № 1309-р «О Концепции реализации государственной политики в сфере обустройства государственной границы Российской Федерации» // СЗ РФ. 22.09.2008. № 38. Ст. 4334; Постановление Правительства РФ от 16.04.2004 № 215 (ред. от 11.11.2006, с изм. от 03.03.2007) «Об упорядочении состава координационных, совещательных, иных органов и групп, образованных Правительством Российской Федерации» // СЗ РФ. 26.04.2004. № 17. Ст. 1658.

² Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 19.02.2001. № 8. Ст. 764.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о сотрудничестве приграничных областей Российской Федерации и Украины от 27 января 1995 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о приграничном сотрудничестве регионов Российской Федерации и Республики Казахстан на 1999–2007 гг. от 24.09.1999 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 11. С. 35–40.

⁴ Соглашение об основных принципах приграничного сотрудничества государств-участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года // Собрание законодательства РФ. 23 апреля 2001 г. № 17. Ст. 1648.

соответствующими нормативными актами. Конституция Российской Федерации не предусматривает исключительность компетенций субъектов Федерации, определяя их только по остаточному принципу. Это означает то, что при всей полноте государственной власти, отдельные субъекты вправе, но с соглашения федеральных органов, относить любые вопросы, находящиеся в их ведении, к ведению Федерации. Формулировка комментируемой статьи об обладании субъектами Федерации всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Федерации и полномочий по предметам совместного ведения с субъектами провозглашает презумпцию их полномочий, компетенции их органов государственной власти в тех областях, которые составляют их собственный, исключительный предмет регулирования, управления, организации и принятия решений. По своему статусу заключенные субъектами Федерации соглашения, независимо от формы, наименования и содержания, не являются международными договорами, право заключения которых принадлежит только России как суверенному государству и субъекту международного права⁵.

Рассматривая нормативно-правовую базу, регламентирующую приграничное сотрудничество, ряд авторов⁶ ссылаются на ее недостаточную разработанность. Так, ключевой, но не заверченный по настоящее время шаг в создании российской законодательной базы приграничья – принятие Концепции и Закона о приграничном сотрудничестве в РФ. Концепция утверждена распоряжением Правительства⁷, а в 2003 г. дополнена перечнем мероприятий. В ней определены цели, принципы и приоритеты деятельности федеральных органов власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций в сфере приграничного сотрудничества. На основе Концепции был создан проект закона о приграничном сотрудничестве, который в настоящее время так и не принят. Принятие данного закона позволило бы решить стратегически важные вопросы приграничного сотрудничества, а именно:

---

⁵ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. – М.: Новая правовая культура, 2009. – С. 167.

⁶ Михеева Л.Ю., Нудненко Л.А. К вопросу о концепции Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 2. – С. 35-41; Евченко Н.Н. Приграничное сотрудничество России: законодательная база и направления совершенствования // Региональная экономика. Юг России. – 2012. – № 13. – С. 18-25.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 8. – Ст. 764.

развитие экономических, культурных, гуманитарных связей приграничных регионов; укрепление приграничных отношений между государствами-соседями; повышение уровня жизни населения приграничных районов за счет крепких социально-экономических связей. Рассматривая приграничное сотрудничество Брянской области, следует обратить внимание на то, что данный субъект Федерации имеет уникальное географическое положение, т.к. граничит сразу с двумя государствами – Республикой Беларусь и Республикой Украина. Основной формой сотрудничества является создание еврорегиона «Днепр». Главной целью еврорегиона выступает содействие социально-экономическому развитию, научному и культурному сотрудничеству приграничных территорий Черниговской, Гомельской и Брянской областей. Основными направлениями сотрудничества являются: всестороннее экономическое развитие; региональное развитие; коммуникации, транспорт, связь; образование, охрана здоровья, спорт и туризм; охрана и улучшение состояния окружающей среды; ликвидация чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий; содействие расширению контактов между жителями приграничных территорий, развитию сотрудничества между учреждениями, организациями и субъектами хозяйственной деятельности.

После событий в Киеве 2014 года основные направления приграничного сотрудничества свернуты, пограничье приобрело признаки конфликтности и высокой барьерности. Бифуркации в траектории приграничного сотрудничества наблюдались и в отдельные предшествующие периоды – в конце 1990-х и в середине 2000-х годов. Однако нынешний этап российско-украинских отношений характеризуется максимальной «заморозкой». Восстановление предыдущих объемов приграничного сотрудничества прогнозировать сложно. Однако на предыдущей базе сотрудничества быстрая позитивная динамика такого восстановления невозможна в силу геополитических причин. Необходимо разработать новый подход к сотрудничеству в терминах эволюции и партнерства встречных интеграций⁸. Приграничное сотрудничество стало важной особенностью

---

⁸ Кирюхин А.М. Динамика российско-украинского приграничного сотрудничества в условиях встречных интеграций // Межрегиональное и приграничное сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 7-11 апр. 2014 г. / под общ. ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород; Харьков : ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2014. – С. 58.

современных международных связей регионов, поскольку именно на границе непосредственно пересекаются многие жизненно важные проблемы государств, включая внешнеполитические, экономические, гуманитарные контакты, а также проблемы безопасности⁹, от которых в немалой степени зависит как региональная стабильность, так и стабильность обстановки в самом государстве.

Приграничное сотрудничество помогает решать отдельные вопросы межгосударственных отношений, в том числе такие, по которым затруднительно или пока невозможно принимать решение на более высоком уровне. Субъекты Федерации могут и должны играть весомую роль в реализации российского внешнеполитического курса, т.к. приграничное сотрудничество во многом способствует продвижению имиджа за рубежом. Практика показывает, что региональный компонент позволяет существенно обогатить отношения России с зарубежными странами, обусловленные продолжительным историческим опытом. Это, прежде всего, выход мелких и средних предприятий на внешние рынки к странам с небольшими, но крепкими экономиками. Таким образом, в развитии приграничного сотрудничества в Российской Федерации в целом назрела необходимость не только совершенствования нормативно-правовой базы, но и выработки механизма правового регулирования взаимодействия сопредельных территорий на уровне муниципальных образований и территориальных корпораций, а также поиска путей восстановления прежних и укрепления новых связей приграничных регионов. Это может быть достигнуто только при повышении роли приграничного сотрудничества и усилении внимания к проблемам приграничных субъектов Российской Федерации. Для решения указанных проблем на приграничной территории необходимо активизировать деятельность соответствующих органов государственного управления, отвечающих за приграничные связи. Требуется совершенствование бюджетных и других инструментов региональной политики Российской Федерации, координация конкретных бюджетных, налоговых, таможенных, пограничных и иных мероприятий, обеспечивающих развитие приграничных территорий Российской Федерации. Дальнейшему развитию приграничных

---

⁹ Цыбаков Д.Л. Военно-политическая конфликтогенность постсоветского пространства // Международная жизнь. – 2014. – № 12. – С. 118-124.

связей должны способствовать стабильность и предсказуемость политического курса и социально-экономического развития Российской Федерации.

Литература

1. Евченко, Н.Н. Приграничное сотрудничество России: законодательная база и направления совершенствования / Н.Н. Евченко // Региональная экономика. Юг России. – 2012. – № 13. – С. 18-25.

2. Ирхин, И.А. Стратегические направления развития приграничного сотрудничества регионов России в условиях глобализации: автореферат дисс. / И.А. Ирхин. – Р/нД, 2008.

3. Кирюхин, А.М. Динамика российско-украинского приграничного сотрудничества в условиях встречных интеграций / А.М. Кирюхин // Межрегиональное и приграничное сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 7-11 апр. 2014 г. / под общ. ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород; Харьков : ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2014. – С. 58.

4. Михеева, Л.Ю. К вопросу о концепции Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» / Л.Ю. Михеева, Л.А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 2. – С. 35-41.

5. Цыбаков, Д.Л. Военно-политическая конфликтогенность постсоветского пространства / Д.Л. Цыбаков // Международная жизнь. – 2014. – № 12. – С. 118-124.

Шерова С.Х.
магистрант,
Новосибирский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

Анализ инвестиций в Россию и страны БРИКС на фоне изменяющихся глобальных инвестиционных тенденций

Анализ инвестиционных тенденций играет важную роль в стратегическом планировании и прогнозировании перспектив экономического роста. В работе представлен анализ основных тенденций движения прямых иностранных инвестиций. В анализе использовались данные о глобальных потоках прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Unctad World Investment Report с 2005 по 2014 год. Средний показатель потока ПИИ за этот период составил 1433 млрд. долл.

В 2010 году мировая экономика вышла из кризиса и постепенно наращивала темпы роста. Именно этот год был взят для анализа основных тенденций.

Так, в 2010 году глобальный поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в среднем увеличился незначительно (на 5%) и достиг 1,24 трлн. долларов. В региональном разрезе картина динамики инвестиций гораздо более пестрая.

В Африку в 2010 г. поступило ПИИ на 55 млрд. долл., что на 8% меньше показателя предыдущего года. Основные инвестиции были направлены в первичный сектор, особенно в нефтяную промышленность.

Инвестиции в Восточную Азию, Юго-Восточную Азию и Южную Азию росли высоким темпом и в целом в 2010 году выросли на 24%, достигнув 300 млрд. долларов.

Немного меньше оказался темп роста инвестиций в Китай. Ввоз инвестиций в Китай, являющийся крупнейшим получателем ПИИ в развивающемся мире, вырос на 11% – до 106 млрд. долларов. Это объясняется постоянным ростом зарплат и издержек производства. В Китае замедлилось размещение трудоемких производств, а ПИИ продолжали переориентироваться на высокотехнологичные отрасли промышленности и услуг.

В то же время страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии становятся активными инвесторами: так, в 2010 году вывоз ПИИ из этих стран увеличился на 20% и достиг 232 млрд. долларов.

В последние годы в увеличивающемся вывозе ПИИ из развивающихся стран Азии прослеживаются новые тенденции и более значительная отраслевая диверсификация. В добывающих отраслях появились новые инвесторы, включая такие конгломераты, как СИТИК (Китай) и «Релаенс групп» (Индия), и фонды национального благосостояния, такие как Китайская инвестиционная корпорация и «Темасек холдингс» (Сингапур).

На притоке ПИИ в Западную Азию в 2010 году все еще продолжал негативно сказываться глобальный экономический кризис: их ввоз сократился на 12%.

Приток ПИИ в страны с переходной экономикой в 2010 году несколько уменьшился. Иностранных инвесторов продолжает привлекать динамично растущий потребительский рынок Российской Федерации, где приток инвестиций вырос на 13% и достиг 41 млрд. долларов.

ТНК, базирующиеся в странах с переходной экономикой и в развивающихся странах, все активнее выходят на рынки друг друга. Например, доля развивающихся принимающих стран в новых инвестиционных проектах ТНК стран с переходной экономикой в 2010 году выросла до 60% (по сравнению с всего лишь 28% в 2004 году), а объем вывоза ПИИ из развивающихся стран в страны с переходной экономикой за последнее десятилетие увеличился более чем в пять раз.

Наиболее важными странами, на которые ориентируются инвесторы из развивающихся стран, являются Казахстан и Российская Федерация, а наиболее популярными точками назначения ПИИ из стран с переходной экономикой являются Китай и Турция.

В то же время в после кризисные годы приток инвестиций в Соединенные Штаты продемонстрировал коренной перелом и увеличился более чем на 40%.

Начиная с 2012 года отмечается сокращение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) – на 18% в 2012 году (до 1,35 трлн. долларов). Экономическая неустойчивость и политическая неопределенность в ряде крупных стран заставили инвесторов проявлять осторожность.

Приток ПИИ в развивающиеся страны оказался намного устойчивее, чем их приток в развитые страны, и в 2012 году, несмотря на его небольшое сокращение (на 4%) до 703 млрд. долл., уступил только рекордному уровню предыдущего года (табл. 1). Он составил рекордных 52% глобального притока ПИИ, впервые превысив приток в развитые страны на 142 млрд. долларов. Мировой рейтинг крупнейших получателей ПИИ также отражает изменения структуры инвестиционных потоков: из 20 крупнейших получателей 9 – развивающиеся страны.

Страны БРИКС (Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китай и Южная Африка) оставались главными источниками ПИИ среди стран-инвесторов с поступательно растущей экономикой. Потоки из этих пяти стран выросли с 7 млрд. долл. в 2000 году до 145 млрд. долл. в 2012 году и составили 10% их глобального объема.

Приток ПИИ в развитые страны сократился на 32% – до 561 млрд. долл., уровня почти десятилетней давности. Падение ввоза наблюдалось в таких группах стран, как Европа и Северная Америка, а также в Австралии и Новой Зеландии. На долю одного только Европейского союза пришлось почти две трети снижения глобальных ПИИ.

Ввоз ПИИ в страны с переходной экономикой сократился на 9% в 2012 году до 87 млрд. долларов. В Юго-Восточной Европе он упал практически вдвое, главным образом из-за снижения инвестиций традиционных стран-инвесторов из Европейского союза, которые столкнулись с экономическими проблемами в своих странах. В Содружестве Независимых Государств, включая Российскую Федерацию, приток ПИИ сократился на 7%, однако иностранных инвесторов по-прежнему привлекают растущие потребительские рынки и богатые запасы природных ресурсов региона.

Вывоз ПИИ из стран с переходной экономикой в 2012 году сократился на 24% – до 55 млрд. долларов. В этом вывозе ПИИ из региона продолжила доминировать Российская Федерация, на долю которой пришлось 92% от общего объема. Хотя ТНК, базирующиеся в странах, богатых природными ресурсами, продолжили свою экспансию за рубежом, крупнейшие приобретения в 2012 году отмечались в финансовой отрасли.

В 2013 году мировой объем ПИИ начал увеличиваться и составил 1,45 трлн. долларов, что на 9% больше уровня предыдущего года.

Крупнейшими получателями ПИИ в 2013 году по-прежнему являлись развивающиеся страны. Приток ПИИ в эти страны составил 778 млрд. долларов, или 54% мировых потоков. 39% мировых потоков ПИИ пришлось на долю развитых стран. ПИИ в страны с переходной экономикой достигли 108 млрд. долларов.

Отток ПИИ из развивающихся стран и стран с переходной экономикой достиг 553 млрд. долларов. Этот объём был достигнут за счёт активного приобретения филиалов компаний развитых стран ТНК развивающихся стран.

Приток ПИИ в развитые страны составил 566 млрд. долларов, а их вывоз сохранился на уровне 857 млрд. долларов.

Увеличение ПИИ в страны с переходной экономикой составило 28% по сравнению с уровнем 2012 года и достигло 108 млрд. долларов. При этом вывоз ПИИ из этого региона увеличился на 84% и составил 99 млрд. долларов.

Развивающиеся страны опережают по объёму ввоза ПИИ развитые более чем на 200 млрд. долл. второй год подряд.

30% мировых потоков ПИИ, или 426 млрд. долларов в 2013 году пришлось на развивающиеся страны Азии.

Китай занял второе место среди крупнейших получателей инвестиций в мире, приток инвестиций в страну достиг 124 млрд. долл. в 2013 г. Резкое увеличение вывоза ПИИ из страны (на 15%) наблюдалось в том же году и составило 101 млрд. долл. Прогнозируется дальнейшее превышение вывоза инвестиций из страны над их ввозом в ближайшие годы.

В Содружестве Независимых Государств (СНГ) ввоз инвестиций в 2013 г. увеличился на 28% вследствие существенного роста ПИИ в Российской Федерации.

Темпы роста притока ПИИ в странах с переходной экономикой за последние десять лет были самыми высокими в мире. Главными инвесторами региона выступали страны ЕС. Инвестиции в основном направлялись в сектора природных ресурсов и потребительские сектора. Аналогичным образом основная часть совокупного объёма ПИИ, вывезенных из стран с переходной экономикой, главным образом из Российской Федерации, приходится на страны ЕС. Инвесторы проявляют интерес к стратегическим активам на рынках ЕС, включая последующие производственно-сбытовые

звенья в энергетическом секторе и обрабатывающие производства с высокой добавленной стоимостью.

В Европейском союзе ввоз ПИИ составил 246 млрд. долл., что на 14% больше показателей предыдущего года. Резко возрос приток инвестиций в Германии, а во Франции и Великобритании приток сократился.

В Северной Америке приток инвестиций возрос до 250 млрд. долл., при этом в Соединенных Штатах, являющихся крупнейшим получателем инвестиций в мире, приток ПИИ увеличился на 17% – до 188 млрд. долларов.

Вывоз ПИИ из развитых стран составил в 2013 году 857 млрд. долл., т.е. фактически сохранился на уровне предыдущего года.

Как ввоз, так и вывоз ПИИ по-прежнему едва соответствуют половине от их пикового значения, отмеченного в 2007 году. На развитые страны приходится 39% совокупного притока ПИИ в мире и 61% мирового вывоза ПИИ.

В докладе о мировых инвестициях Конференции ООН по торговле и развитию ЮНКТАД за 2015 год говорится о том, что под влиянием слабости глобальной экономики, неопределенности политики и геополитических рисков в 2014 году объемы глобальных прямых иностранных инвестиций по сравнению с 2013 годом снизились на 8% – до 1,26 трлн. долларов.

Как говорится в докладе, Китай стал страной, куда были вложены наибольшие объемы прямых иностранных инвестиций, которые составили примерно 128 млрд. долларов, что на 3% выше показателя 2013 года.

Согласно предварительным данным, содержащимся в докладе ЮНКТАД, в 2014 году объем прямых иностранных инвестиций в развитые экономики снизился на 14% по сравнению с 2013 годом и составил примерно 425 млрд. долларов. В частности, объем привлеченных США прямых иностранных инвестиций сократился до 86 млрд. долларов, что составило лишь треть показателя 2013 года. Таким образом, США заняли лишь третье место в мировом рейтинге притока прямых иностранных инвестиций.

В сравнении приток прямых иностранных инвестиций в развивающиеся экономики в 2014 году сохранил динамику и превысил 700 млрд. долларов, что составило примерно 56% общего объема глобальных прямых иностранных инвестиций, побив тем самым исторический рекорд. По мнению ЮНКТАД, это объясняется тем, что объем инвестиций, привлеченных развивающимися экономиками Азии, куда по сравнению с

другими регионами мира поступает больше всего прямых иностранных инвестиции, продолжает расти.

В то же время из-за региональных конфликтов и западных санкций в отношении России, которые препятствовали иностранным инвестициям, в 2014 году приток прямых иностранных инвестиций в экономические субъекты с переходной экономикой снизился на 51% и составил лишь 45 млрд. долларов. Объем прямых иностранных инвестиций в Россию, предположительно, сократился на 70% – до 19 млрд. долларов.

Относительно перспектив глобальных прямых иностранных инвестиций ЮНКТАД отмечает, что в 2015 году мировая экономика останется слабой, вялость потребительского спроса ограничит экономический рост, а резкие колебания на финансовых рынках и геополитическая нестабильность сдержат инвестиции.

Страны БРИКС в потоках прямых иностранных инвестиций

В состав БРИКС входят пять крупнейших стран разных континентов, среди них: Китай и Индия, Бразилия, ЮАР и Россия.

Каждая из этих стран имеет свои особенности, привлекательные для инвесторов.

Бразилия располагает хорошим инвестиционным климатом в сельскохозяйственном секторе, дешёвой рабочей силой и развитой транспортной инфраструктурой.

По мнению инвесторов, основным фактором привлекательности России является растущий внутренний рынок. Позитивное влияние оказывают также такие факторы, как доступная рабочая сила, развивающаяся логистическая сеть и возможности для роста производительности действующих предприятий.

Индия притягательна для иностранных инвесторов благодаря крупному внутреннему рынку, большому потенциалу роста, доступности квалифицированной рабочей силы и относительно стабильному законодательству.

Китай является мировым лидером по инвестиционной привлекательности. Помимо огромного внутреннего рынка и высоких темпов роста существуют и другие конкретные причины инвестиционной привлекательности данной страны. К ним относятся: развитие инфраструктуры, доступность ресурсов (природных и трудовых),

производительность и навыки рабочей силы, развитие в бизнесе цепочки создания стоимости. Значительную роль играет доступность дешевых и квалифицированных работников, способных создавать, производить и поставлять на мировой рынок конкурентоспособную продукцию.

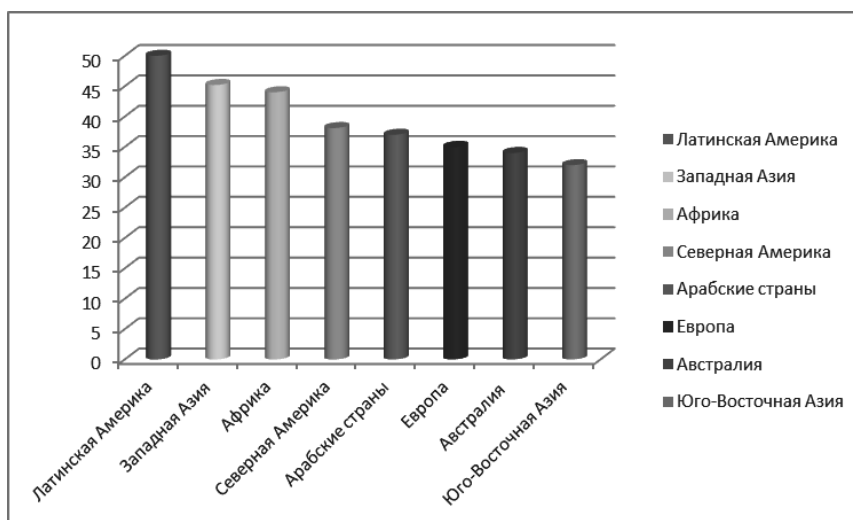
ЮАР уступает по привлекательности всем остальным странам БРИКС. Тем не менее, на региональном уровне Южно-Африканская Республика выступает значительным центром притяжения прямых иностранных инвестиций. Эта страна обладает важными факторами привлекательности – богата природными ресурсами, имеет относительно квалифицированную рабочую силу и является одним из наиболее крупных в Африке внутренних рынков.

С учетом сложившихся тенденций можно прогнозировать на ближайшие несколько лет динамику инвестиционной привлекательности стран БРИКС. Лидерами останутся Китай и Индия.

За шестилетний период – с 2005 по 2010 г. – общий мировой поток ПИИ превысил 8,5 трлн. долл. Из этого объема в страны БРИКС поступило 14% инвестиций, в то время как из стран БРИКС в другие страны было направлено 7% ПИИ. Следовательно, пятерка названных государств в большей степени играет роль принимающей инвестиции стороны, нежели их источника. Лидером по притоку в БРИКС выступает Китай, на который приходится 6% мирового притока ПИИ или половина притока в БРИКС. В оттоке Китай делит лидерство с Россией – на каждую из стран приходится по 3% мирового оттока.

В Китае по состоянию на 2010 г. накопленные входящие ПИИ достигли 2401,6 млрд. долл.

По некоторым оценкам, накопленные на конец 2010 г. конечные инвестиции Китая за рубежом составили около 315 млрд. долл. Из них на Латинскую Америку приходится более 50 млрд. долл., Западную Азию – 45,2 млрд. долл., Африку – 44 млрд., Северную Америку – 38,1 млрд., Арабские страны – 37 млрд., Европу – 34 млрд., Австралию – 34 млрд. и Юго-Восточную Азию – 32 млрд. долл. (рисунок).

Накопленные инвестиции Китая за рубежом, 2010 г., млрд. долл.

В географической структуре притока ПИИ в Индию лидирующую позицию занимают США, хотя их доля падает. В 2009 г. число проектов ПИИ с участием американского капитала было равно 223, или 30% от общего числа проектов ПИИ в Индии (в 2003 г. – 45%).

Соединенное Королевство выступает вторым крупнейшим инвестором с точки зрения числа проектов (87) и третьим – с точки зрения количества создаваемых рабочих мест. Основные сферы инвестиционной деятельности фирм Великобритании – бизнес-услуги, обрабатывающая промышленность, торговля и маркетинг. Третью строчку в списке крупнейших инвесторов занимает Германия, на которую в 2009 г. пришлось 75 проектов ПИИ.

Россия

Более 60% всех инвестиционных проектов в России реализовывались с помощью инвестиций из США и Западной Европы.

По данным Росстата, накопленные прямые инвестиции России за рубежом (т.е. ЗПИ) на конец 2010 г. составили 56,8 млрд. долл.

Структура российских ЗПИ по видам экономической деятельности отличается преобладанием всего трех позиций: оптовая торговля – 43,6%, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – 18,4%, производство кокса и нефтепродуктов – 18%. Из этих данных можно заключить, что основными мотивами зарубежного инвестирования российских компаний являются доступ к рынкам и доступ к ресурсам и в существенно меньшей степени – доступ к технологиям.

В последние годы инвестиционная привлекательность стран БРИКС растет, абсолютно (Бразилия, Индия, в меньшей степени Россия) или относительно (Китай). Это связано как с меньшей вовлеченностью альянса в кризисные явления мировой экономики, так и наличием у них важных факторов экономического роста, которые остаются привлекательными для многих инвесторов. Важнейшие из этих факторов – крупные внутренние рынки, квалифицированная и недорогая рабочая сила, богатые природные ресурсы.

Страны альянса в целом являются нетто-получателями ПИИ, хотя и объем их собственных прямых зарубежных инвестиций довольно значителен. В некоторых случаях приток почти равен оттоку (Россия).

Взаимодействие со странами БРИКС отвечает задачам модернизации российской экономики, диверсификации внешнеэкономических связей России, и прежде всего усиления ее азиатского вектора. РФ заинтересована как в развитии двустороннего экономического сотрудничества с отдельными государствами группировки, так и в углублении многосторонних связей в рамках сообщества в целом.

Страны богаты минеральными ресурсами. Россия – крупнейший в мире экспортер нефти и газа, Индия – железной руды, алмазов, золота, тория. Китай располагает большими запасами угля, меди, алюминия, молибдена, марганца; Бразилия – железной и марганцевой руды, бокситов, никеля, урановой руды, вольфрама, золота, циркония, тория; есть данные о разведанных в стране значительных запасах нефти.

В условиях постоянно возрастающей (несмотря на появление ресурсосберегающих технологий) роли ресурсов в современном мире, вес и значение БРИКС как объединения стран, обладающих богатейшими ресурсами, объективно будет возрастать.

Китай является бесспорным лидером по внешнеторговой активности в рамках сообщества. На его долю в 2012 г. приходилось около двух третей совокупного товарооборота стран БРИКС. Второе место по этому показателю занимала Россия (14%), далее следовали Индия (13%) и Бразилия (8%). Наименьшую долю в совокупном внешнеторговом обороте, как и в совокупном ВВП БРИКС, демонстрировала ЮАР (3%).

Россия имеет средний уровень валового накопления (соотношение инвестиций в основной капитал и ВВП) среди стран БРИКС, который заметно уступает уровню лидеров – Китая и Индии.

Литература

1. Doing Business 2012: Doing business in a more transparent world (A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation).
2. UNCTAD World Investment Report 2011.
3. Растущие возможности: исследование инвестиционной привлекательности России // Эрнст энд Янг. – 2011.
4. Салицкий, А.И. КНР: экспорт капитала продолжается / А.И. Салицкий, И.Р. Томберг // Новое Восточное обозрение: Интернет-журнал. – 2011. – 07 окт.

Секция 2

Взаимодействие в сфере науки и инноваций – фактор повышения конкурентоспособности регионов в рамках Евразийского экономического союза

Направления работы:

- ✓ научный и инновационный потенциал России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии в региональном аспекте;
- ✓ основные направления научной и инновационной деятельности в регионах;
- ✓ потребности государства и бизнеса в регионах в результатах научной и инновационной деятельности;
- ✓ возможности и перспективы дальнейшей интеграции научно-инновационного пространства Евразийского экономического союза;
- ✓ возможности и перспективы консолидации усилий регионов стран-участниц Евразийского экономического союза по развитию инфраструктуры экономики знаний;
- ✓ стимулирование и развитие международной и межрегиональной академической мобильности в рамках Евразийского экономического союза для повышения научного потенциала территорий.

Айешева Г.А.,
кандидат экономических наук, доцент,
Западно-Казахстанский аграрно-технический
университет им. Жангир хана
(Казахстан, г. Уральск)

Потенциал и перспективы инновационного сотрудничества стран Евразийского экономического союза

Сегодня главная цель индустриально-инновационного развития – обеспечить диверсификацию и повышение конкурентоспособности экономики Казахстана в долгосрочном периоде с усилением ее социальной эффективности. Достижение данной цели идет за счет реализации крупных инвестиционных проектов, стимулирования малого и среднего бизнеса. При этом главным инструментом мониторинга и управления всем процессом стала разработка Карты индустриализации, позволяющая отслеживать этапы реализации индустриальных проектов.

В результате за годы реализации Программы индустриализации в республике была проделана следующая основная работа: открыты более 600 новых производств, благодаря которым структура экономики страны стала качественно меняться. Индустриализация создала все условия для роста базовых отраслей промышленности. Кроме того, заметно возросла производительность труда в стране: только в обрабатывающей промышленности данный показатель вырос на треть.

В 2013 году 1774 хозяйствующих субъекта в Казахстане имели инновации (в 2012 г. – 1622 предприятия). Инновационная активность предприятий по продуктовым, процессным, организационным и маркетинговым инновациям составила 8,0%, а по продуктовым и процессным инновациям 4,8%. Объем инновационной продукции по сравнению с 2012 годом увеличился на 52,6% и составил 578 263,1 млн. тенге. Объем инновационной продукции поставленной на экспорт составил 150 204,9 млн. тенге.

За 2013 год затраты на продуктовые и процессные инновации увеличились на 32,7% по сравнению с 2012 годом и составили 431 993,8 млн. тенге (в 2012 г. – 325 639,3 млн. тенге). При этом затраты из собственных

средств предприятий составили 285 044,4 млн. тенге, что составляет 66,0% от общих затрат на реализацию инновационной деятельности.

Уровень активности в области инноваций в Республике Казахстан приведен в таблице 1.

Каковы законодательные меры по стимулированию инновационной деятельности бизнеса в Казахстане? Здесь одним из важных событий в инновационной сфере стало принятие в 2012 г. качественно нового Закона «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности». В частности, Закон наряду с другими нововведениями расширил и законодательно закрепил перечень мер государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности.

Таблица 1. **Уровень активности в области инноваций в Республике Казахстан, %**

Область	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Республика Казахстан	4,0	4,3	5,7	7,6	8,0
Акмолинская	1,2	0,7	1,0	5,8	7,1
Актюбинская	4,0	6,1	8,5	5,9	6,5
Алматинская	1,4	0,9	4,6	8,8	9,5
Атырауская	2,9	3,7	6,6	4,8	5,1
Восточно-Казахстанская	5,9	6,4	8,1	6,8	5,6
Жамбылская	4,4	7,8	10,2	9,7	10,2
Западно-Казахстанская	4,5	4,6	12,7	9,5	5,3
Карагандинская	6,2	7,0	7,2	8,5	7,6
Костанайская	1,5	2,6	4,8	14,1	11,8
Кызылординская	1,5	6,1	8,0	12,8	12,0
Мангистауская	1,4	1,1	1,1	1,6	2,4
Павлодарская	3,8	5,1	5,4	5,5	6,4
Северо-Казахстанская	2,6	2,4	2,4	11,0	10,9
Южно-Казахстанская	2,2	3,4	7,0	5,4	6,4
г. Астана	2,1	2,6	4,1	7,5	11,1
г. Алматы	6,7	5,4	5,7	7,3	8,0

В настоящее время в стране представлена широкая линейка инструментов государственной поддержки инноваций. Среди них – предоставление инновационных грантов, т.е. возмещение за счет государства средств инноваторам, прошедшим отбор, на реализацию своих инновационных идей.

С 2011 г. было начато формирование сети региональных офисов коммерциализации. Предоставление услуг по коммерциализации технологий представляет собой процесс, связанный с практическим использованием результатов научных исследований и разработок с целью вывода их на рынок для получения коммерческого эффекта. Так Центр коммерциализации технологий АО «НАТР» осуществлял развитие основной деятельности 7 технопарков и 21 офиса коммерциализации в вузах и НИИ. Но в настоящее

время офисы коммерциализации остались без необходимой финансово-методической поддержки. Для максимально эффективного использования коммерческого потенциала результатов научно-технической деятельности ВУЗов необходима дальнейшая поддержка работы Офисов коммерциализации на профессиональном уровне. Предстоит большая работа по внедрению комплексной системы по правовой охране и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, по управлению интеллектуальной собственностью (оценке интеллектуальной собственности при внедрении научных исследований, при внесении ее в уставный капитал, выработке стратегии коммерциализации, продвижению и организации производств с использованием интеллектуальной собственности).

Предоставление услуг отраслевых конструкторских бюро способствует освоению новых видов продукции. Сейчас в Казахстане действуют конструкторские бюро нефтегазового, сельскохозяйственного, транспортного машиностроения, горно-металлургического оборудования.

Не менее важным направлением является развитие венчурного и проектного финансирования. Инвестиционная политика венчурных фондов направлена на поиск и привлечение инновационных проектов в перспективные отрасли экономики. На данный момент в Казахстане функционируют 6 венчурных фондов.

Впервые были внедрены меры налогового стимулирования вклада компаний и недропользователей в НИОКР. Среди них – вычеты из налогооблагаемой базы расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в размере 50% и прямой налог на недропользователей в размере 1% от совокупного годового дохода на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Наличие таких инструментов поддержки свидетельствует о нацеленности государства в пользу предпринимателей. Можно надеяться, что использование бизнесом предоставленных инструментов поможет претворить в реальность инновационные идеи, тем самым обеспечивая рост нашей экономики. В целом налогообложение является в Казахстане одним из наиболее благоприятных среди евразийских стран. Небольшие доработки по мотивации потребителей инноваций значительно стимулируют рост технологических контрактов, трансферт технологий и финансирование

НИОКР. Принятые меры по защите малого и среднего бизнеса от несанкционированных проверок фискальных органов, либерализация системы дают результаты, однако попытки фискальных органов восполнить недоимки из-за преференций в бюджет штрафными санкциями привели к неприкрытой значительной эскалации коррупции в фискальных органах. Действующее налогообложение является не эффективным без комплексных прямых методов стимулирования инноваторов и мотивации потребителей инноваций.

Сегодня особенно актуальными для нас являются такие вопросы, как: развитие инновационного сотрудничества между странами-участницами Евразийского экономического союза. Будет ли этот процесс активизироваться, принимая во внимание создание Евразийского экономического пространства и вступление наших стран в ВТО?

Сотрудничество между Казахстаном, Россией, Белоруссией, Арменией и Киргизией складывалось исторически и имеет достаточно долгие и прочные связи. К примеру, в последние годы Казахстан активно сотрудничает с Россией в части инновационного развития. Казахстанская сторона проявляет высокую заинтересованность в изучении опыта страны по построению инновационной экономики и привлечении российских новых технологий в экономику государства.

В рамках развития двусторонних отношений между Казахстаном и Россией ежегодно проводятся приграничные форумы межрегионального сотрудничества с участием глав государств. На них обсуждаются вопросы развития экономики, торговли, развития науки и высоких технологий.

Создание Таможенного союза, а затем Евразийского экономического союза, как известно, привело к расширению рынка для товаров, работ и услуг, в т.ч. высокотехнологичных и инновационных. Вместе с тем стоит отметить, что вступление во Всемирную торговую организацию будет сопровождаться усилением конкуренции. Это положительно скажется на развитии наших предприятий, т.к. конкурентная борьба с зарубежными товаропроизводителями станет главным стимулом для внедрения инноваций с целью поддержания своей конкурентоспособности. Здесь консолидация научных и производственных сил стран в инновационном направлении будет как никогда необходима. Активное сотрудничество позволит обеспечить

конкурентоспособность национальных экономик на мировой арене, усилить научно-технологические связи производства конечной продукции.

Большие надежды эксперты возлагают на совместную реализацию Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 г. Программа направлена на создание условий для повышения глобальной конкурентоспособности экономик наших государств, их трансформации в социально ориентированную экономику, а также эффективное взаимодействие национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве. Это позволит мобилизовать научно-технический потенциал стран и обеспечить межгосударственную кооперацию в инновационной сфере Казахстана и России.

Индустриализация должна быть не просто самоцелью, ее главная задача – выпускать продукцию, которая будет востребована в Казахстане, в странах Евразийского экономического союза и за его пределами.

Евразийский экономический союз, открывает для Казахстана новые возможности, дает огромный стимул для производства конкурентной сельхозпродукции, создания новых сортов, селекции, совершенствования технологий хранения, упаковки.

Но при этом, учитывая, что Казахстан – страна, отдаленная от основных рынков сбыта и почти не имеющая выхода к морским портам, особое внимание необходимо уделять вопросам предоставления более благоприятных условий доступа казахстанских экспортеров к транспортной инфраструктуре. Это позволит сократить транспортные издержки и, соответственно, повысить конкурентоспособность казахстанской продукции на рынке Евразийского экономического союза.

Сегодня создаются совместные исследовательские и инжиниринговые центры с ведущими международными научно-исследовательскими организациями. В частности, начиная с 2010 года в Восточно-Казахстанской области развивается отраслевой центр металлургии, созданы отраслевые центры в нефтегазовой отрасли и в агропромышленном комплексе. Кроме того, в стране создан Методологический центр коммерциализации инновационных проектов в системе уполномоченного государственного органа в данной сфере.

Принимая во внимание, что развитие науки является основой для инноваций, необходим новый научный системный подход к ее развитию путем ориентации на потребности бизнеса. Необходима активизация инновационной деятельности в образовательных учреждениях, а также научно-технологического сопровождения инновационной деятельности, интеграция науки, образования и производства. Анализ успешного зарубежного опыта свидетельствует, что одним из основных условий эффективной системы генерации инноваций является вовлечение в данный процесс высших учебных заведений. Научное сообщество стран Евразийского экономического союза, понимая это, должны активно налаживать между собой контакты, как по обмену опытом, обучению студентов и повышению квалификации кадров, так и по сотрудничеству с производителями.

К примеру, казахстанские специалисты заинтересованы в изучении лучших предложений и разработок по развитию возобновляемых источников энергии, повышению их экономической эффективности, установлению между казахстанскими и зарубежными техническими экспертами непрерывного обмена информацией.

Такая заинтересованность обоснована высоким потенциалом Казахстана по развитию различных видов энергии. Исследования, проведенные в рамках совместного с Программой развития ООН проекта по ветроэнергетике, показали наличие хорошего ветрового климата и условий для строительства ВЭС в Южной, Западной, Северной и в Центральной зонах Казахстана, что позволяет развивать мощности ВЭС до тысяч мегаватт. Ветроэнергетический потенциал Казахстана оценивается в 929 млрд. кВт.ч. электроэнергии в год. Потенциал солнечной энергии в южных районах страны достигает 2500–3000 солнечных часов в год. Это позволяет использовать солнечные нагреватели воды (СНВ) и солнечные батареи, в частности, портативные фотоэлектрические системы. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме производства электрической энергии в Казахстане составляет 0,5%. При этом в сфере энергетики доля использования альтернативных источников энергии к 2020 году должна составить более 3% в общем объеме энергопотребления.

Кроме того, как известно Казахстан проведет Всемирную специализированную Выставку «ЕХРО–2017» с тематикой «Энергия будущего» в столице Республики Казахстан городе Астане в 2017 году с целью масштабного обсуждения одной из глобальных проблем человечества: истощение энергоисточников, поиск и развитие альтернативных источников энергии.

Таким образом, научно-технологическая интеграция в новых экономических условиях евразийского экономического союза становится важнейшим фактором создания конкурентоспособной на внешних рынках продукции.

Алферьев Д.А.
инженер-исследователь,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Теоретико-методологические подходы к изучению инновационной деятельности промышленных предприятий

Инновационная деятельность является основополагающим фактором развития современной экономики во всем мире. Проблемам инноваций посвящены многие отечественные и зарубежные публикации. Экономика, построенная на научных достижениях и высоких технологиях, может обеспечить конкурентоспособность Российской Федерации на мировой арене.

В современной литературе отмечается резкая активизация в мире инновационных процессов. Данное явление обуславливает появление на рынке новых товаров и услуг, а также качественно новых и современных способов их производства. В странах ОЭСР за последнее десятилетие XX века доля высокотехнологичных товаров в экспорте произведенной продукции составила 20–25%, что в два раза больше значений предыдущих показателей [10]. В инновационном строительстве Россия пока не преуспела. Согласно исследованию «Конкурируя за будущее сегодня: новая инновационная политика для России», проводимому в 2010 году Общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» в рейтинге инновационных государств Российская Федерация находится на 38-м месте из 50 возможных, уступая странам Прибалтики, Чехии и Турции [12].

Но если проанализировать современные исследования в этой сфере, то ситуация продвигается в позитивном направлении. Так международная школа INSEAD, Корнельский университет (Cornell University) и Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization, WIPO) в своем аналитическом докладе «Глобальный индекс инноваций 2014» установили, что Россия из 143 стран занимает 49 место, что на 13 позиций выше, чем в предыдущем году [2]. Данное явление обусловлено тем, что небольшими темпами развивается бизнес и условия его

ведения, осваиваются новые знания фундаментальных и прикладных наук, их результаты внедряются в производство, увеличивается уровень человеческого капитала.

Различные подходы к инновационной деятельности, их трактовке привели к созданию отдельной науки – инноватики. Методология данной сферы требует от исследователя четкого понимания многих терминов и определений. В первую очередь следует проанализировать такие понятия как «инновация», «инновационный процесс» и «инновационная деятельность».

Под инновациями понимают конечный результат, полученный в ходе проведения нововведений. Он может быть выражен в виде продукта, успешно внедренного на рынок, процесса до этого не использовавшегося в организации или нового подхода к социальным проблемам [3]. В основе данного подхода лежит воплощение в жизнь качественно новых идей. Такой подход характерен для большинства российских ученых [4].

На наш взгляд подобная концепция является слишком широкой в своем толковании и требует дополнительных уточнений. Для наилучшего понимания инновационной деятельности целесообразно обратиться к основоположникам теории инноваций.

Й. Шумпетер помимо такого свойства инновации как новизна выделил в ее сущности некий положительный эффект [3], способствующий развитию экономики. Он указывал на его значимость и необходимость, особенно во времена экономического спада. Подобные идеи также были присущи еще одному крупнейшему отечественному ученому Н.Д. Кондратьеву [5]. Согласно его теории циклов на смену кризисов, происходящих в различных сферах общественной жизни, приходит время экономического подъема, который обусловлен научно-техническим прогрессом.

Наряду с этим выделяют следующие свойства, присущие инновациям и отличающие их от обыденных изменений [3]:

- научно-технический характер;
- коммерческая основа;
- преимущественно являются результатом промышленности.

Похожее объяснение определения «инновация» изложено у В.П. Кузнецова и Н.С. Андрияшиной [9], но они не учитывают научный характер инновационной деятельности. Данная составляющая указывает на

то, что в основе инновационной деятельности заложены знания, формирующиеся в различных областях науки и техники [6]. Наиболее подробно данное свойство объясняется в теории больших циклов Н.Д. Кондратьева [16].

Довольно специфичным из представленных свойств является коммерческая реализуемость. Она обусловлена не только тем, что инновация должна быть выражена в форме источника дохода, ее появление закономерно потребностям людей, возникающих у них на разных этапах своего развития.

Следует отметить, что представители неоклассической школы инноваций [16], такие как Б. Твисс, М. Калецки, Г. Менш, так же как и их предшественники, разделяют мнение, что появление инноваций способствует экономическому росту. Но они подчеркивают, что большая их часть берет начало в промышленных отраслях.

Для наилучшего понимания сущности инноваций их разграничивают и систематизируют в различные группы. Следует отметить, что существует несколько подходов к классификации инноваций [3].

Например, выделяют инновации по степени или уровню новизны:

1) радикальные – являющиеся на данном этапе развития общества или какой-либо организации качественно новыми и уникальными. Подобные инновации считаются по своей природе наиболее эффективными. Их появление происходит в промежуток времени 40–50 лет [3];

2) улучшающие – вносящие в конструкцию какого-либо объекта или технологии качественно новые элементы, без изменения основного функционального назначения;

3) модификационные – оптимизирующие и рационализирующие деятельность объекта.

Также, инновации выделяют в зависимости от сущности конечного результата инновационной деятельности:

1) объектные (продуктовые) – представлены в виде технологий и нового оборудования, изготавливаемого продукта;

2) процессные (организационно-управленческие) – новые методы управления, планирования, принятия решений.

Данный подход описывается в литературе как двухполярный. Его основоположником является М.С. Очаковский [16]. При моделировании их инновационных процессов необходимо учесть их характерные черты.

Отдельной специфической группой являются социальные инновации [3]. Их характерной чертой выделяют то, что подобный конечный результат направлен не на получение дополнительного дохода, а способствует улучшению общественного благосостояния.

Данные подходы в классификации инноваций, по мнению автора, наиболее точно характеризуют их сущность, но существуют и другие группировки. В таблице 1 представлены еще некоторые возможные классификаторы, которые наиболее точно и подробно позволяют оценить инновационную деятельность. Также следует отметить то, что в зависимости от целей и задач, поставленных перед исследователем возможны еще какие-либо группировки.

Классификация инноваций [5]

Классификационный признак	Классификационные группы инноваций
Масштаб (охват) инновационной деятельности	Мировые, трансконтинентальные, транснациональные, региональные, крупные, средние, малые
Результативность инноваций	Высокая, низкая, стабильная
В зависимости от сферы деятельности	Экономическая, социальная, экологическая и др., интегральная

Для понимания сущности инновационной деятельности немаловажными являются следующие понятия [3].

Изобретение – техническое решение практической проблемы в различных областях хозяйственной деятельности.

Открытие – установление ранее не известных закономерностей, открывающих перед исследователями новые границы познания.

Рациональное предложение – новое решение каких-либо проблем для конкретных организаций, но использующееся ранее на других предприятиях.

Становление инновации берет начало в какой-либо идеи или задумке. С момента зарождения инновационного проекта до его реализации должен пройти длительный путь, включающий в себя различные этапы и действия. Данное явление называется инновационным процессом [3].

Таким образом, инновационный процесс – это процедура реализации новаторской идеи, воплощенная в виде экономического или социального (экологического) эффекта.

Данный процесс имеет несколько различных стадий [15]. Они включают в себя фундаментальные и прикладные исследования, конструкторские разработки, маркетинг, производство и сбыт. Эти этапы

могут быть расширены в зависимости от степени детализации инновационного процесса.

При моделировании процедуры реализации инноваций существуют несколько подходов к их осуществлению. Рой Росвелл [15] выделяет следующие направления:

1. Линейно-последовательный подход, ориентированный на технологические возможности организаций, был присущ в середине 1950-1960-х гг.

2. Следующее поколение инновационных процессов по Росвеллу, также как и предыдущее, представляет из себя линейно-последовательную модель, но ориентиром в данном случае становятся потребности потребителей (конец 1960-х – начало 1970-х гг.).

3. Далее Росвелл говорит о сопряженной модели, которая является комбинацией первых двух. Время ее становления начало 1970-х – середина 1980-х гг.

4. И наконец, концепция, которая закрепились с середины 1980-х гг. по настоящее время – японская модель инновационного процесса. Ее характерным отличием является то, что многие этапы инновационной деятельности могут проходить параллельно друг другу. Подобный подход позволяет значительно сократить время реализации идеи до конечного продукта [8].

5. Также выделяют еще одну модель инновационного процесса, становление которой должно произойти в будущем. Ее отличительной особенностью является широкое применение математического аппарата. Оно связано с активным развитием электронно-вычислительной техники [15].

Независимо от того, какого подхода по отношению к инновационному процессу придерживается инноватор, каждый из них будет включать в себя определенные основные этапы реализации инновационного проекта.

1. Процедура реализации инноваций в конечный результат начинается с научно-исследовательских работ (НИР) При их проведении происходит выдвижение и обоснование новаторских идей, а также предлагаются пути по их материализации на основании научных открытий и достижений. В проработке данного этапа могут участвовать академические учреждения, вузы, а также организации промышленности [15], занимающиеся научно-техническими разработками. Данные участники в

своем штате рабочих должны иметь высококвалифицированный и высокообразованный персонал. Следует отметить, что данные работы финансируются преимущественно из государственных бюджетных средств на безвозвратной основе и входят в перечень государственных заданий и программ.

Большую роль на начальном этапе инновационного процесса играют фундаментальные исследования (ФИ) [7]. В какой-то мере они являются предпосылкой для дальнейших научно-исследовательских работ, т.е. выступают неким «генератором» идей. Их сущность выражается в открытии качественно новых, неизвестных до этого закономерностей. Исполнителями подобных работ в первую очередь выступают сотрудники вузов и научно-технических центров.

2. На следующем этапе выполняются опытно-конструкторские (ОКР) и проектно-конструкторские работы. В своей структуре они так же, как и инновационный процесс, имеют различные стадии. В их перечень включают разработки аванпроектов, эскизно-техническое проектирование, выпуск сопутствующей документации и изготовление опытных образцов. Данная стадия также как и предыдущие, может быть выполнена в лабораториях высших учебных заведений, так и в производственных подразделениях промышленных предприятий.

Ее отличительным моментом является порядок инвестирования. С целью сокращения издержек инвестор проводит данную процедуру в два этапа. На первой стадии им осуществляется финансирование, связанное с разработкой аванпроектов и эскизно-техническим проектированием. Если на этом этапе проект удовлетворяет заданным требованиям, то инвестором принимается решение о дальнейшем его финансировании. Следует отметить, что данные две стадии соотносятся друг к другу как 1:2,5 [15]. Это обусловлено тем, что если инновационный проект окажется не перспективным, то затраты в целом будут менее убыточными.

ОКР являются последней стадией научных исследований и выступают неким мостиком между лабораторными испытаниями и промышленным производством.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) принято объединять в группу прикладных исследований. В целом их можно охарактеризовать как поиск и отбор научных знаний необходимых

для реализации запланированных инноваций, а также для проведения ряда экспериментов, подтверждающих фундаментальные научные догмы. Эти исследования имеют высокую вероятность получения отрицательных исходов. Это явление связано с неопределенностью и вероятностным характером полученного на выходе результата.

3. Третьим этапом является процесс коммерциализации. В его состав включают: запуск в производство, выход на рынок, а дальше согласно фазам жизненного цикла товара: расширение рынка сбыта (диффузия), замедление темпов роста (зрелость продукта) и спад получаемых доходов. На этом этапе инвестиционные вложения больше тех, что были затрачены на научные исследования в 6–8 раз [15]. Также высок риск того, что новый продукт не будет принят потребителем. В связи с этим, основным источником инвестиций выступают собственные средства организаций, находящиеся в специальных фондах, а также заемные средства, такие как банковские кредиты.

Если организации осуществляющей инновационную деятельность удастся тем самым создать качественно новый востребованный общественностью продукт, который не имеет аналогов за рубежом и способен заменить импортируемые товары, в данном случае частичное финансирование берет на себя государство.

За производством инноваций следует их использование конечным потребителем. Параллельно с этим осуществляется обслуживание данной продукции, ее усовершенствование, дальнейшее распространение и экологические пути утилизации. Все это происходит, как уже было отмечено раньше, на основании стадий жизненного цикла товаров [1].

Таким образом, согласно основным этапам инновационного процесса, данную процедуру можно охарактеризовать как последовательность различного рода работ. Во-первых, научных исследований, в состав которых входят: фундаментальные исследования и прикладные (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы). Во-вторых, процесс коммерциализации, включающий производство продукта, созданного на основе инноваций, его внедрение на рынок и дальнейшее распространение.

Организации за время своей жизнедеятельности реализуют несколько инновационных проектов, для каждого из которых характерен свой

инновационный процесс. Совокупность данных процессов называется инновационной деятельностью предприятий.

Инновационная деятельность в целом характеризуется взаимодействием множества участников рынка, целью, которых является реализация инноваций.

При осуществлении инновационной деятельности принято различать ее объект и субъекты [14]. Объектом инновационной деятельности выступают технические проекты и технологии осуществления организациями различных инновационных процессов.

Субъектами инновационной деятельности являются юридические лица независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, а также физические лица, в том числе и иностранные граждане. В первую очередь [11], примерами могут служить научные учреждения, такие как: исследовательские институты, вузы, научные центры. Еще одними ключевыми участниками инновационной деятельности являются предприятия промышленности. Также субъектами могут выступать и конкретные люди (предприниматели, изобретатели и т.д.), занимающиеся данным явлением в частном порядке.

К основным видам инновационной деятельности относят следующие явления [11]:

- научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР);
- технологические, производственные, промышленные испытания и работы;
- сертификация и стандартизация инноваций, приобретение патентов и лицензий;
- инвестиционная деятельность (капитальные вложения в инновации);
- маркетинговая деятельность рынков сбыта реализации конечных результатов инновационной деятельности;
- внедрение результатов научной деятельности на рынок;
- распространение результатов научных исследований для получения наибольшего положительного экономического эффекта.

В основе данной типологизации лежат различные этапы инновационного процесса. Рассмотрев основные теоретические моменты инновационной деятельности, следует также разобрать ее структуру.

Основными элементами в ней являются проекты и программы, а также те участники, которые их реализуют [13].

Инновационная программа – совокупность проектов и мероприятий, направленных на решение проблем по реализации нового продукта или процесса.

Инновационный проект – система взаимосвязанных целей и задач, а также средств, необходимых для их достижения. В зависимости от сложности проекта в его реализации могут работать несколько участников.

Основными участниками инновационной деятельности выступают: заказчики, инвесторы, поставщики, исполнители и др. Все вышеперечисленные элементы взаимосвязаны еще одним важным звеном – инновационной инфраструктурой, рациональное взаимодействие с которой, служит эффективной реализацией инноваций для любой организации, занимающейся инновационной деятельностью.

Таким образом, следует отметить, что деятельность предприятий, привязанная к инновационной сфере, является обширной территорией для научных исследований. Задачи в этой области могут касаться как теоретических аспектов инноваций, так и могут быть связаны с решением проблем организации инновационных процессов. Следует отметить, что в настоящее время остро назрела проблема, связанная с адаптацией методологии и принципов инновационного развития к современным условиям и процессам, происходящим в обществе. Решение данных вопросов будет способствовать повышению конкурентоспособности РФ на мировом рынке.

Литература

1. Волостников, И.Ю. Основные этапы инновационного процесса [Текст] / И.Ю. Волостников // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 68-73.
2. Вышел глобальный индекс инноваций – 2014 [Электронный ресурс] / Национальный рейтинг университетов. – Режим доступа: <http://univer-rating.ru/news.asp?lnt=6&p=20&id=277>
3. Дорофеев, В.Д. Инновационный менеджмент [Текст] : учеб. пособие / В.Д. Дорофеев, В.А. Дресвянников. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2003. – 189 с.

4. Елькина, Е.Е. Методологические проблемы инновационной деятельности [Текст] / Е.Е. Елькина // Библиосфера. – 2008. – № 4. – С. 10-14.
5. Задумкин, К.А. Инновационная деятельность в регионе: концептуальные подходы и практика [Текст] : учеб. пособие / К.А. Задумкин, Л.Г. Иогман, С.В. Терехова. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. – 144 с.
6. Ильдяков, А.В. К вопросу существенных составляющих категории «инновационная деятельность» [Текст] / А.В. Ильдяков // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 1. – С. 58-61.
7. Ковалев, В.В. Курс финансовых вычислений [Текст] / В.В. Ковалев, В.А. Уланов. – 3-е изд., доп. – М. : Финансы и статистика, 2005. – 560 с.
8. Ковалев, В.В. Практикум по анализу и финансовому менеджменту. Конспект лекций с задачами и тестами [Текст] / В.В. Ковалев. – 2-е изд., перераб. и испр. – М. : Финансы и статистика, 2006. – 448 с.
9. Кузнецов, В.П. Инновационная деятельность промышленных предприятий: проблемы и перспективы / В.П. Кузнецов, Н.С. Андрияшина // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 408-410.
10. Лаврова, Н.А. Ресурсы формирования экономики знаний [Текст] / Н.А. Лаврова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – № 5 (44). – С. 43-46.
11. Пшеничников, С.В. Инновационная деятельность и ее структура [Текст] / С.В. Пшеничников // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2010. – № 2. – С. 72-75.
12. Россия утратила позиции в списке инновационных государств [Электронный ресурс] / информационное агентство «Взгляд-инфо». – Режим доступа: http://www.vzsar.ru/print/news/rossiya_utratila_pozicii_v_spiske_innovacionnyh_gosudarstv
13. Сурин, А.В. Инновационный менеджмент [Текст] / А.В. Сурин, О.П. Молчанова. – М. : ИнФРА-М, 2008. – 368 с.
14. Управление инновационными процессами [Текст] : учебное пособие / В.В. Жариков, И.А. Жариков, В.Г. Однолько, А.И. Евсейчев. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. унта, 2009. – 180 с.
15. Хайруллин, Р.А. Этапы инновационного процесса [Текст] / Р.А. Хайруллин // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 12. – С. 809-813.
16. Чайковская, Н.В. Сущность инноваций: основные теоретические подходы [Текст] / Н.В. Чайковская, А.Е. Панягина // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2011. – № 4. – С. 47-57.

Балюк С.С.,
соискатель кафедры,
Белорусский государственный университет
(Беларусь, г. Минск)

**Формирование инновационных кластеров в промышленном
комплексе региона (на примере Гродненской области
Республики Беларусь)**

Формирование инновационно-промышленных кластеров выступает сегодня важным фактором повышения конкурентоспособности территориальных образований в мировой практике. Кластерная модель развития экономики с целью получения конкурентных преимуществ уже достаточно широко применяется в Великобритании, Германии, Дании, Индии, Италии, Нидерландах, Норвегии, США, Франции, Финляндии, Швеции [1]. В 2014 году утверждена Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь (далее Концепция), в которой определены цели, задачи, принципы, а также критерий формирования кластерных образований в стране [2]. Вместе с тем в Концепции отсутствует региональный аспект кластеризации экономики. В связи с этим представляется целесообразным анализ хозяйства каждого региона в отдельности для определения подходящей базы формирования кластеров на его территории. Целью данного исследования является выбор направлений формирования инновационно-промышленных кластеров на территории региона (на примере Гродненской области Республики Беларусь).

Следует отметить, что в отечественной экономической школе имеется теоретический и практический инструментарий для анализа процессов формирования отраслевых, межотраслевых, территориально-производственных и хозяйственных комплексов. Исследования Э.Б. Алаева, М.К. Бандмана, А.Г. Гранберга, М.Н. Исянбаева, Н.Н. Колосовского, В.Н. Лексина, Н.Н. Некрасова, А.С. Новоселова, Р.И. Шнипера это подтверждают. Соответственно, при создании инновационно-промышленных кластеров следует также учесть результаты теории и практики образования указанных комплексов, в связи со схожестью целей, задач и механизмов их работы [3].

Формирование хозяйственных комплексов выступает как капитало- и природосберегающий фактор, а также предпосылка рационального использования трудовых ресурсов. Существенная экономия в хозяйственных комплексах достигается за счет сокращения капитальных, эксплуатационных затрат и рабочего времени на транспортировку сырья, материалов, полупродуктов при переходе от одной стадии производства к другой за счет улучшения использования производственных мощностей и основных фондов.

Роль формирования хозяйственных комплексов в ускорении экономического и социального развития выражается в обеспечении взаимосвязанного и пропорционального развития локализованных в них составных частей отраслевых и межотраслевых комплексов, отраслей вспомогательного хозяйства, производственной и социальной инфраструктур, сбалансированного использования трудовых, сырьевых, топливно-энергетических, земельных, водных и других ресурсов.

Влияние образования хозяйственных комплексов на совершенствование территориальной организации экономики достигается на основе создания локальных промышленных, агропромышленных, строительных комплексов, промузлов и центров; обеспечения взаимосвязанного и пропорционального развития отраслей хозяйства в промузлах, центрах и периферийных экономических районах.

Роль формирования хозяйственных комплексов в улучшении системы расселения выражается в обеспечении территориальной взаимоувязки количества, размеров и местоположений городов, поселков и сельских поселений в единой системе расселения, в устранении чрезмерной концентрации производства и населения в больших городах, достижения развития малых и средних городов за счет эффективного рассредоточения промышленности по территории, в создании единой сети объектов социальной инфраструктуры, в рациональной организации мест приложения труда, быта и отдыха населения, в регулировании маятникового движения рабочей силы [4].

В соответствии с утвержденной Концепцией направления реализации государственной кластерной политики Беларуси на ближнюю перспективу предусматривают [2]:

- нормативное правовое регулирование деятельности в сфере кластерного развития экономики;
- организацию и осуществление регулярного мониторинга процессов формирования и развития кластеров на базе малого и среднего предпринимательства;
- организационно-методическое содействие в разработке и реализации кластерных инициатив и проектов;
- поддержку самоорганизации субъектов малого и среднего предпринимательства по формированию кластеров.

Для финансирования кластерного развития в 2015 г. запланировано использование средств республиканского и местных бюджетов, направленных на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, а также средств инновационных фондов. С целью расчетов территориальной концентрации субъектов хозяйствования на территории региона выбран коэффициент локализации. При его значении 1,5 и более усматриваются достаточные предпосылки для формирования кластера на территории региона (административно-территориальной единицы). Соответственно на основе этого показателя и будут отбираться конкретные организационные формы, в рамках которых целесообразно формирование инновационно-промышленного кластера [2].

Гродненская область образована 20 сентября 1944 года. Административный центр области – город Гродно. На 1 января 2014 года в составе области находилось 17 районов: Берестовицкий, Волковысский, Вороновский, Гродненский, Дятловский, Зельвенский, Ивьевский, Кореличский, Лидский, Мостовской, Новогрудский, Ошмянский, Островецкий, Свислочский, Слонимский, Сморгонский, Щучинский; 1 город областного подчинения и 14 городов районного значения, 16 поселков городского типа, 175 сельских советов, 4314 сельских населенных пунктов.

Область расположена на северо-западе Республики Беларусь. На западе регион граничит с Республикой Польшей, на севере – с Литвой. Территория области составляет 25,127 тыс. кв. км. Крупнейшие реки – Неман, Виля, Щара, Свислочь, Зельвянка, Котра. Крупнейшие озера – Кань-Белое, Рыбница, Свитязь, Бершты, Веровское. Леса занимают 32% территории, из них, в основном, хвойные – 68,8%. На территории области находятся 53 заказника и 219 памятников природы республиканского и местного значения,

частично расположены национальные парки «Беловежская пуща», «Нарочанский». Мирский замок включен в список Мирового наследия ЮНЕСКО.

На начало 2014 года население Гродненской области составляло 1 054 861 человек, из них: 72,8% проживало в городах, 27,2% – на селе. Для сравнения в 1999 году соотношение городского и сельского населения составляло 62,5 и 37,5% соответственно. Основной промышленный потенциал сконцентрирован в многоотраслевых центрах: Гродно, Лиде, Слониме, Волковыске, Новогрудке, Сморгони.

Область бедна минерально-сырьевыми ресурсами, которые представлены в основном сырьем для производства строительных материалов (мел, глина, пески, песчано-гравийные материалы, керамзитовое сырье) и торфом. Недра региона недостаточно изучены. Месторождение железных руд разведано в Кореличском районе. Руды редких и редкоземельных элементов выявлены в Щучинском районе.

Удельный вес хозяйственного комплекса Гродненской области в общереспубликанских социально-экономических показателях по состоянию на конец 2013 года следующий: численность населения – 11,1%; среднегодовая численность занятых в экономике – 10,9%; валовой региональный продукт 8,4%; продукция промышленности – 10,3%; продукция сельского хозяйства 16,2%; инвестиции в основной капитал – 11,5%; ввод в действие общей площади жилых домов – 12,5%; розничный товарооборот – 11,0%; экспорт – 6,3%; импорт – 3,8%. В Гродненской области сосредоточен весь республиканский объем производства аммиака синтетического, капролактама, сухих молочных смесей для детей раннего возраста. В 2013 году в регионе производилось 91,5% азотных удобрений; 99% кордных тканей; 89% картофелекопателей; 75,7% чулочно-носочных изделий; 79,1% табачных изделий. Хозяйственный комплекс Гродненской области включает следующие взаимосвязанные отраслевые и межотраслевые комплексы: промышленный (топливно-энергетический, машиностроительный, лесной комплексы); агропромышленный; строительный; транспортный; комплекс социально-культурных отраслей; социально-потребительский комплекс. Внешнеторговый товарооборот Гродненской области в 2013 г. составил 3,9 млрд. долл. США, в том числе с государствами-членами Таможенного союза и Единого экономического

пространства – 1,8 млрд. долл. США. Объем отгруженной инновационной промышленной продукции организаций региона в 2013 году составил 6,9% от общего объема промышленной продукции. Удельный вес экспорта в инновационной продукции насчитывал 47,6%, в страны СНГ – 24,5% соответственно. Внешнеторговый оборот услуг Гродненской области в 2013 г. составил 730 млн. долл. США, в том числе с государствами-членами Таможенного союза и Единого экономического пространства – 542,6 млн. долл. США [7].

Исходя из анализа специализации районов Гродненской области и локализации промышленного производства в них, автором предложено формирование следующих кластеров на территории региона: по производству мяса и пищевых субпродуктов; сыров; кормовых добавок и готовых кормов для сельскохозяйственных животных; по производству лесоматериалов; по производству строительных материалов; по производству машин (таблица).

Следует отметить, что в экономически развитых странах продолжается рост финансирования инновационной деятельности, так в 2012 году инвестиции в исследования и разработки к объемам продаж составили: Фольксваген – 4,9%; Санови-Авентис – 14,0%; Роберт Бош – 8,2%; БАСФ – 2,2% [8]. В связи с этим по республиканским унитарным предприятиям, хозяйственным обществам, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей находится в собственности Республики Беларусь, организациям, являющимся участниками холдингов, управляющими компаниями которых выступает республиканское унитарное предприятие или хозяйственное общество с долей Республики Беларусь в уставном фонде 50 и более процентов и предоставляющих в соответствии с законодательством статистическую отчетность «Отчет об инновационной деятельности организации», установлены индикативные нормативы соотношения затрат на исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов к объему отгруженной продукции (работ, услуг) на 2014–2023 годы. Для предприятий, находящихся в подчинении у Министерства промышленности, доля указанных затрат должна возрасти с 0,750 в 2014 г. до 3,100 – в 2023 году [9].

Отраслевые направления специализации Гродненской области Республики Беларусь

Район области	Основные виды промышленной продукции
г. Гродно	Аммиак; азотные удобрения; волокна химические, ткани кордные шинные, мебель, кирпичи и блоки строительные из бетона или искусственного камня, кирпичей; чулочно-носочные изделия, колбасные изделия; табачные изделия.
Берестовицкий	Мясо и субпродукты пищевые; масло сливочное; сыры; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Волковысский	Портландцемент, глиноземистый цемент, шлаковый цемент и аналогичные гидравлические цементы; лист гофрированный (шифер); колбасные изделия; масло сливочное; питание детское на молочной основе сухое; цельномолочная продукция.
Вороновский	Прицепы и полуприцепы самозагружающиеся и саморазгружающиеся, используемые в сельском хозяйстве; окна и оконные коробки, подоконники из пластмасс; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Гродненский	Мясо и субпродукты пищевые; сыры; сахар белый; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных; масла растительные.
Дятловский	Лесоматериалы; шпалы железнодорожные или трамвайные неопитанные; волокно льна непряженое; сыры; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных; масло рапсовое.
Зельвенский	Лесоматериалы; шпалы железнодорожные или трамвайные неопитанные; смеси битумные; мясо и субпродукты пищевые; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных; хлеб, хлебобулочные и мучные кондитерские изделия, не предназначенные для длительного хранения.
Ивьевский	Рыхлители и культиваторы; лесоматериалы; шпалы железнодорожные или трамвайные неопитанные; материалы нетканые и изделия из нетканых материалов, кроме одежды; мясо и субпродукты пищевые; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Кореличский	Волокно льна непряженое; мясо и субпродукты пищевые; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных; спирт этиловый ректификат.
Лидский	Брикеты и полубрикеты торфяные; автобусы; плуги отвальные тракторные; сеялки; комбайны зерноуборочные; картофелекопатели; краски, лаки, эмали и аналогичные покрытия, типографская краска и мастики; мука.
Мостовский	Лесоматериалы; шпалы железнодорожные или трамвайные неопитанные, фанера клееная, мебель, мясо и субпродукты пищевые; крахмалы, кроме модифицированных; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Новогрудский	Ёмкости для газов (сжатого или сжиженного) из черных металлов или алюминия; масло сливочное; сыры; рыба и морепродукты пищевые, включая рыбные консервы.
Островецкий	Лесоматериалы; шпалы железнодорожные или трамвайные неопитанные; мясо и субпродукты пищевые; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Ошмянский	Брикеты и полубрикеты торфяные; смеси битумные; мясо и субпродукты пищевые; сыры; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных; дрожжи.
Свислочский	Лесоматериалы; шпалы железнодорожные или трамвайные неопитанные; смеси битумные; мясо и субпродукты пищевые; хлеб, хлебобулочные и мучные кондитерские изделия, не предназначенные для длительного хранения; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Слонимский	Трикотажные изделия; изделия колбасные; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Сморгонский	Тракторы для сельского и лесного хозяйства; кирпичи и блоки строительные из бетона или искусственного камня; двери и их коробки и пороги деревянные; масло сливочное; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Щучинский	Машины для внесения в почву минеральных удобрений и извести; мясо и субпродукты пищевые; сыры; добавки кормовые и корма готовые для сельскохозяйственных животных.
Источник: рассчитано автором на основе [5; 6].	

Таким образом, исходя из проведенного автором анализа промышленной специализации районов Гродненской области Республики Беларусь, можно выделить несколько направлений формирования

инновационно-промышленных кластеров на территории региона: в пищевой промышленности; в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности; в комбикормовом производстве; в машиностроении; в производстве строительных материалов. Формирование кластеров в указанных видах деятельности позволит повысить конкурентоспособность региона в национальном и международном масштабах, что положительно отразится на уровне и качестве жизни его населения. В перспективе возможно формирование международных кластеров для повышения конкурентоспособности всего Евразийского экономического пространства.

Литература

1. Губайдуллина, Ф.С. Роль государства в создании инновационных кластеров / Ф.С. Губайдуллина // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 247-259.
2. Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации: Пост. Совета Министров Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 27 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400027&p1=1&p5=0> (дата доступа : 23.01.2014.)
3. Колосовский, Н.Н. Теория экономического районирования : [сб. работ] / Н.Н. Колосовский. – М. : Мысль, 1969. – 336 с.
4. Исянбаев, М.Н. Методологические основы формирования и функционирования хозяйственных комплексов республик / М.Н. Исянбаев; Башк. науч. центр, Урал. отд-ние Рос. акад. наук, Отд. экон. исслед. – Уфа : БНЦ УрО РАН, 1992. – 173 с.
5. Регионы Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Зиновский (пред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Т. 1. – 739 с.
6. Регионы Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Зиновский (пред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Т. 2. – 453 с.
7. Статистический ежегодник Гродненской области, 2014 : стат. сб. / Гл. стат. упр. Гродн. обл. ; редкол.: С.Л. Щирая (пред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – 464 с.
8. Информация к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28.02.2014 № 187 [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – 2014. – Режим доступа : http://www.economy.gov.by/ru/news/informatsija-k-postanovleniju-soveta-ministrov-respubliki-belarus-ot-28022014--187_i_0000002791.html (дата доступа: 23.03.2014.)
9. Об установлении соотношения затрат на исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов к объему отгруженной продукции (работ, услуг): Пост. Совета Министров Респ. Беларусь, 28 февр. 2014 г. № 187 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400187&p1=1&p5=0> (дата доступа : 23.03.2014.)

Иванова Е.В.

инженер,

Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Россия, г. Сыктывкар)

Аграрное консультирование как фактор инновационного развития сельского хозяйства

В качестве механизма распространения инноваций в аграрном секторе выступает единая централизованная система сельскохозяйственного консультирования. Зарубежный опыт свидетельствует, что около 60–80% сельхозпроизводителей в состоянии освоить новшества с помощью службы сельскохозяйственного консультирования [2]. Поэтому при формировании региональной информационно-консультационной службы (ИКС) следует учитывать, что основной вектор ее деятельности – масштабное распространение научных разработок и передового опыта. Эта цель может быть достигнута различными способами: посредством формирования банка данных об инновационных разработках, методической, информационно-консультационной поддержки субъектов хозяйствования агропродовольственного сектора при освоении инновационных технологий, оказания помощи в оценке эффективности инновационных проектов.

Сельское хозяйство становится все более наукоемкой отраслью. В связи с этим возрастает необходимость передачи информации сельхозтоваропроизводителям о новых технологиях, сортах растений и породах животных, новых формах организации производства и управления. За годы рыночных преобразований резко сократилось количество высококвалифицированных специалистов в сельхозорганизациях, снизился образовательный уровень руководителей и специалистов. Результаты проведенного авторами в конце 2013 – начале 2014 г. анкетного опроса показали, что в малых и средних сельхозорганизациях Республики Коми доля специалистов с высшим образованием составила 23,4%, со средним профессиональным – 45,1, руководителей среднего звена – соответственно 14,3 и 50,2%. Доля руководителей крестьянско-фермерских хозяйств с высшим образованием составила 19 и со средним специальным – 60,4%. Поэтому возникает необходимость передачи информации о результатах

научных разработок, пригодных для использования сельхозтоваропроизводителям и хозяйствам населения.

Особенности формирования службы сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми

В настоящее время система информационно-консультационного обеспечения включает федеральный, региональный и районный (межрайонный) уровни. В Республике Коми до 2013 г. при Институте переподготовки и повышения квалификации функционировал информационно-консультационный центр в составе двух человек. Сейчас на базе Государственного казенного учреждения Республики Коми «Центр господдержки АПК и рыбного хозяйства Республики Коми» действует консультационная служба в составе информационно-консультационного отдела и службы по предоставлению услуг в АПК. В большинстве сельских районов, а также в городах Инте, Печоре и Ухте имеются эксперты по предоставлению услуг в аграрном секторе.

Формирование региональной ИКС связано со специфическими особенностями развития аграрного производства. Аграрный сектор Республики Коми не занимает доминирующее положение в экономике. Сейчас на долю сельского хозяйства приходится 1,3% валового регионального продукта, 0,3% инвестиций в основной капитал, 1,2% среднегодовой численности занятых в экономике.

Индустриальный характер развития республики обусловил преобладание городского населения. Доля его в общей численности населения составляет 77%. В 2014 г. проживало 872,1 тыс. чел., из них 675,7 тыс. – в городах и 196,3 тыс. чел. – в сельской местности.

Формирование региональной ИКС тесным образом связано с организационно-правовыми формами хозяйствования, обеспеченностью руководителями, специалистами и кадрами массовых профессий, их уровнем профессиональной подготовки.

Продовольственный комплекс республики представлен многоотраслевыми сельскохозяйственными организациями, производителями пищевой продукции, фермерскими и личными подсобными хозяйствами граждан. В 2014 г. производством сельхозпродукции в республике занимались 148 сельхозорганизаций, из них 27 крупных и средних, 92,1 тыс. личных подсобных хозяйств, 370 крестьянских

(фермерских) хозяйств, 76,4 тыс. семей садоводов и 29,6 тыс. семей огородников. В объеме валового производства сельхозпродукции на долю сельхозорганизаций приходится – 60%, хозяйств населения – 36%, крестьянских (фермерских) хозяйств – 4%. Сельхозорганизации доминируют в производстве яиц, мяса и молока, а хозяйства населения – в производстве картофеля и овощей, фермерские хозяйства не играют существенной роли в производстве аграрной продукции (рис. 1).

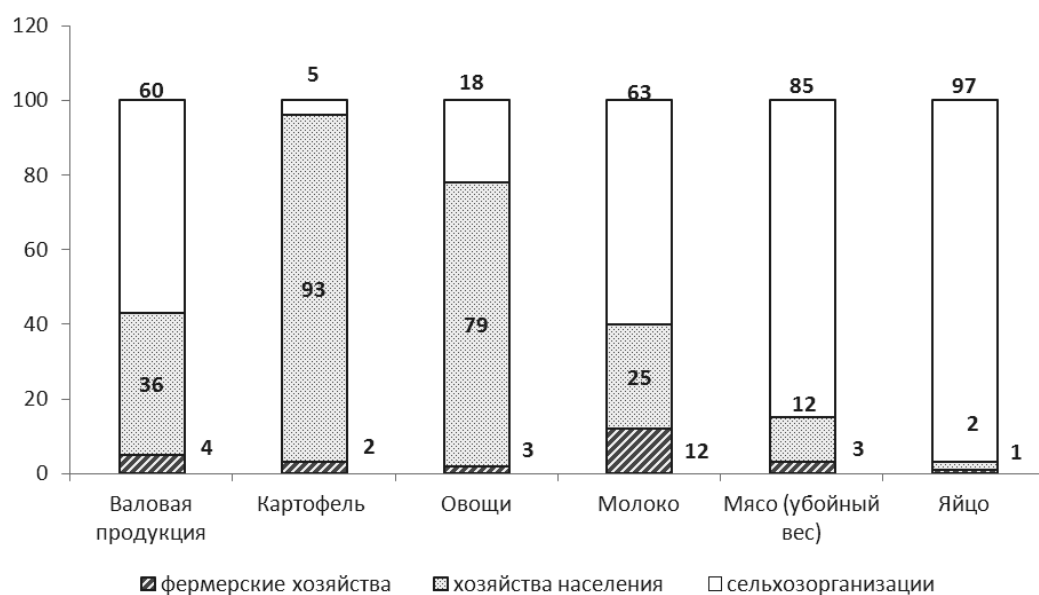

Рис. 1. Доля различных типов хозяйств Республики Коми в производстве аграрной продукции в 2014 г., %

Источник: Агропромышленный комплекс Республики Коми: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2015. – С. 21, 28, 37.

Большое значение при формировании ИКС имеет наличие научно-образовательного потенциала, способного взаимодействовать с консультационной службой, степень активизации инновационной деятельности в АПК. Республика Коми располагает значительным научно-образовательным потенциалом. В настоящее время научным обеспечением агропромышленного производства занимаются более 20 различных организаций.

Тесное взаимодействие консультационной службы республики с научными и вузовскими учреждениями возможно при привлечении работников НИИ и профессорско-преподавательского состава вузов к обучению сотрудников ИКС. В свою очередь высококвалифицированных

консультантов службы следует привлекать для подготовки специалистов для аграрного сектора и региональной ИКС. Сотрудники консультационной службы совместно с научными и вузовскими работниками могут проводить прикладные исследования по актуальным проблемам АПК, заниматься издательской и рекламной деятельностью, участвовать в разработке программ устойчивого развития агропродовольственного сектора и сельских территорий. Взаимодействие ИКС с учреждениями среднего профессионального аграрного образования возможно при использовании их учебно-производственной базы для организации опытно-демонстрационной деятельности консультационной службы региона.

Рис. 2. Взаимодействие региональной ИКС при освоении новшеств с внешними организациями

Схема возможного взаимодействия ИКС на уровне Республики Коми с органами управления и обслуживания аграрного сектора, научными, обучающими и информационными учреждениями показана на рисунке 2.

Перспективы развития консультационного обеспечения сельхозпроизводителей

Итак, при формировании и развитии региональной ИКС требуется учет факторов и условий функционирования АПК, связанного с природными условиями, социально-экономическими факторами, управлением и обслуживанием агропромышленного производства, менталитетом крестьян, обеспеченностью кадровым и научно-образовательным потенциалом, инновационной активностью организаций комплекса.

В стране необходимо иметь единую систему аграрного консультирования, представляющую собой подведомственную Министерству сельского хозяйства РФ сеть региональных информационно-консультационных центров. Учитывая специфические особенности сельскохозяйственного производства Республики Коми, нецелесообразно создавать ИКС в каждом районе и городе. Реально для них потребуются создание межмуниципальных центров (МПЦ) консультирования. Предполагается создать межрайонный центр консультирования Южной зоны в с. Визинга, ареал действия которого распространяется на Сысольский, Койгородский и Прилузский районы; МПЦ Восточной зоны в с. Корткерос (обслуживает Корткеросский и Усть-Куломский районы); МПЦ Северо-Западной зоны в г. Емва (Княжпогостский, Усть-Вымский и Удорский районы); МПЦ Северной зоны в с. Ижма (Ижемский и Усть-Цилемский районы); МПЦ Северо-Восточной зоны в г. Ухта (городской округ Ухта, Сосногорский, Вуктыльский и Троицко-Печорский муниципальные районы); МПЦ зоны Крайнего Севера в г. Печора (зона обслуживания муниципальный район Печора, городские округа Усинск, Инта, Воркута).

Потребность в услугах регионального (головного) центра сельскохозяйственного консультирования будут удовлетворять сельхозпроизводители пригородного Сыктывдинского сельского района. Головной центр будет обеспечивать межмуниципальные центры информацией о передовых технологиях, новых сортах культур и породах животных, оказывать консультации по оценке эффективности инновационно-инвестиционных проектов, проводить стажировки по изучению передового опыта, семинары и совещания.

Схема размещения и обслуживания республиканского (головного) и межмуниципальных центров сельскохозяйственного консультирования Республики Коми представлена на рисунке 3.

Формы и системы организации сельскохозяйственного консультирования Республики Коми могут быть следующие: государственное учреждение; автономная некоммерческая организация; коммерческая организация. Наиболее перспективной для республики является ИКС в форме некоммерческой организации на базе научных и образовательных учреждений с использованием их материального и кадрового потенциала.

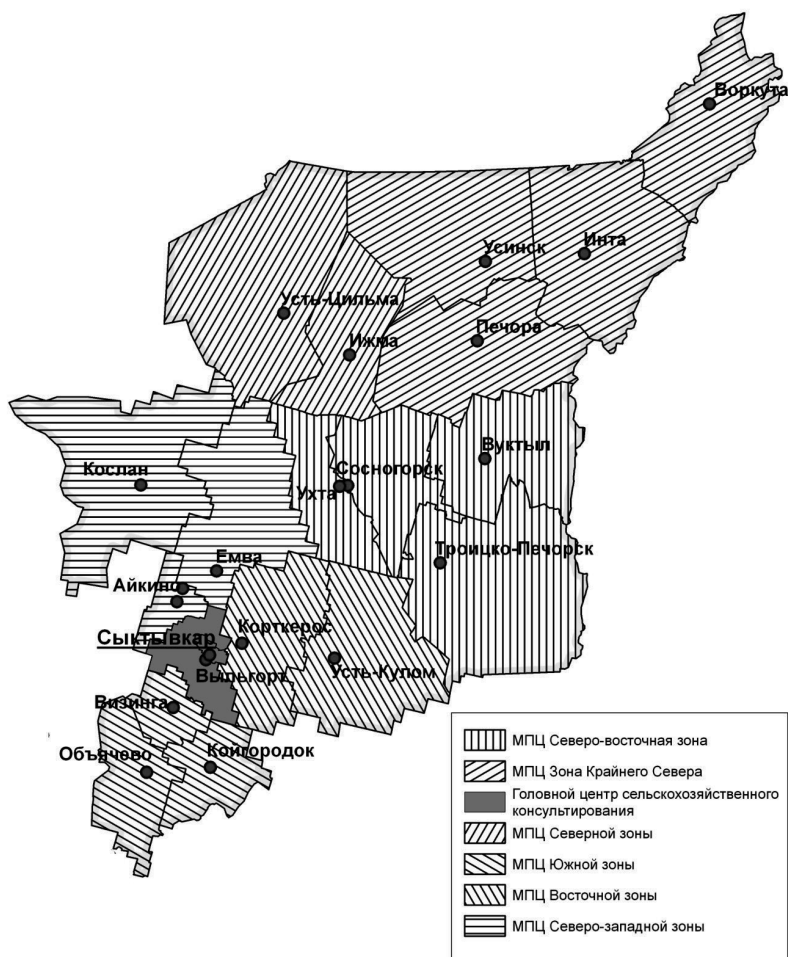

Рис. 3. Схема размещения центров сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми

В сложившейся в аграрном секторе сложной ситуации не следует ориентироваться на полную коммерциализацию консультационной деятельности. Финансирование ИКС должно осуществляться в основном за счёт бюджетных средств. Мировой опыт свидетельствует о том, что повсеместно на первых этапах своего развития консультационные организации оказывали безвозмездные услуги. По мере завоевания авторитета и только в условиях стабильного развития сельского хозяйства, пользующегося государственной поддержкой, происходил постепенный переход на оказание платных услуг. Этот промежуток времени является достаточно продолжительным. Нидерландам и Дании, например, потребовалось 120 лет, чтобы просто поставить этот вопрос, а в Англии консультационные службы смогли перейти на частичное

самофинансирование только после 50 лет работы [1, с. 15]. Введение льготных платных индивидуальных услуг целесообразно по мере завершения процесса формирования и дальнейшего развития ИКС.

Проведённый анкетный опрос руководителей и специалистов сельхозорганизаций и фермерских хозяйств показал, что сельхозпроизводители республики согласны оплачивать разработку бизнес-планов, стратегий развития хозяйств, оценку инвестиционных проектов, внедрение современных технологий, поиск каналов реализации продукции.

Членство России в ВТО открывает хорошие перспективы для увеличения финансовой поддержки науки, подготовки высококвалифицированных кадров и развития информационно-консультационного обеспечения инновационного развития сельского хозяйства. Финансирование научных исследований, подготовка кадров и информационно-консультационное обеспечение аграрного сектора входит в «зеленую зону» и является приоритетным. Господдержка, включенная в «зеленую корзину», не связана обязательствами по ее сокращению.

Литература

1. Демишкевич, Г. Государственная поддержка и механизм формирования территориальной сети центров сельскохозяйственного консультирования / Г. Демишкевич // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2009. – № 5. – С. 14-16.
2. Савенко, В. Проблемы формирования механизма инновационного обеспечения АПК / В. Савенко, Н. Санду // АПК: экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 28-33.

Кузьмин И.В.
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Оценка и основные направления развития международного сотрудничества регионов в сфере инновационной деятельности

В экономиках развитых стран рост ВВП главным образом достигается за счёт выпуска и реализации инновационных товаров, работ, услуг. Соответственно, в качестве неотъемлемых элементов стратегий развития передовых индустриальных стран сегодня выступает интенсивное ведение НИОКР, активное применение и коммерциализация их результатов на внутренних и зарубежных рынках. В этом направлении происходит формирование приоритетов инновационной политики и в развитых, и в новых индустриальных странах (в т.ч. БРИКС). Развитие и освоение технологий сопровождается расширением не только экономических, но и научно-технических связей между субъектами инновационной деятельности различных государств.

Результаты анализа статистических показателей свидетельствуют о том, что в регионах РФ темпы развития инновационной деятельности не могут быть охарактеризованы как положительные. Уровень инновационной активности в 2–3 раза ниже среднеевропейского и в редких случаях превышает 10% [10]. Доля организаций, занимающихся проведением НИОКР, остаётся низкой, и в среднем по РФ данный показатель составляет менее 0,1%. Объёмы затрат на инновационную деятельность во многих регионах значительно уступают уровню затрат по РФ в целом [2, 9]. Данные факты свидетельствуют о том, что существует потребность в продолжении и усилении региональных мер поддержки инновационной деятельности, повышении их конкретности и адресности.

В современных условиях развитие международного сотрудничества субъектов инновационной деятельности становится мерой государственного регулирования инновационной деятельности, создающей возможности обеспечить воздействие не только на проблемы узкой направленности, но и на целый комплекс проблем инновационной деятельности [5]. Как

показывает изучение классификаций методов государственного регулирования, данная мера способна выступать составной частью большинства методов.

Учитывая уровень инновационного развития и технологической обеспеченности производства в регионах РФ, можно сделать вывод о необходимости осуществления инициатив по развитию собственной технологической базы, а также усилий по укреплению международных связей в целях задействования передовых мировых разработок и практик. Подобная политика стала важнейшей тенденцией последних десятилетий в государствах – лидерах инновационного развития. В передовых странах наблюдаются тенденции активизации международной инновационной кооперации, развития научно-технических связей между регионами. Важнейшими тенденциями последних десятилетий стали интернационализация инновационной деятельности и развитие международного сотрудничества на региональном уровне. Реализация крупных научно-исследовательских проектов ввиду их сложности, длительности и высокой стоимости уже не всегда возможна в рамках регионов одной страны. Соответствующие тенденции расширяют перспективы экономического роста и при развитии кооперации по выгодным для регионов направлениям позволяют наращивать их инновационный потенциал.

Результаты изучения статистической информации свидетельствуют о развитии сотрудничества в сфере инновационной деятельности в странах с высоким уровнем инновационной активности¹ (рис. 1, табл. 1). В рассмотренных странах наблюдается значительное повышение доли организаций, вовлечённых в проекты инновационной кооперации.

---

¹ Для сопоставления с РФ были отобраны страны, по которым доступны данные официальной службы государственной статистики, и уровень инновационной активности которых превышает 40%.

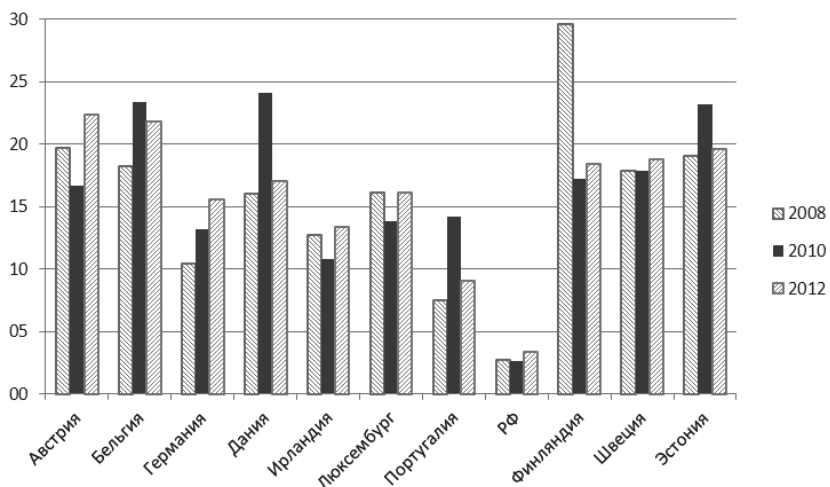

Рис. 1. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации и участвовавших в сотрудничестве в сфере НИОКР, в % [2]

Активизация процессов инновационной кооперации, в свою очередь, проявляется в международном научно-техническом сотрудничестве. Важнейшими тенденциями последних десятилетий стали интернационализация инновационной деятельности и развитие международного сотрудничества на региональном уровне. Реализация крупных научно-исследовательских проектов ввиду их сложности, длительности и высокой стоимости уже не всегда возможна в рамках регионов одной страны. Соответствующие тенденции расширяют перспективы экономического роста и при развитии кооперации по выгодным для регионов направлениям позволяют наращивать их инновационный потенциал.

Таблица 1. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации (ТИ), и доля данных организаций, участвовавших в НИОКР с зарубежными партнёрами из ЕС, Индии, Китая, США (МНИОКР), % [2]

Страна	2010		2011		2012	
	ТИ	МНИОКР	ТИ	МНИОКР	ТИ	МНИОКР
Австрия	42,9	11,2	43,9	19,6	39,3	16,8
Бельгия	47,9	21,7	51,6	14,3	46,5	22,2
Германия	63,8	2,2	64,2	3,0	55,0	2,5
Дания	42,5	н/д	42,9	н/д	38,1	16,8
Ирландия	44,9	2,7	46,8	7,9	42,3	10,4
Люксембург	46,0	12,2	50,0	13,0	48,5	4,9
Португалия	50,1	4,2	46,4	2,2	41,3	2,4
РФ	7,9	2,5	9,1	4,4	8,9	4,5
Финляндия	46,8	16,2	46,4	19,4	44,6	14,3
Швеция	44,7	17,2	48,5	15,5	45,2	11,1
Эстония	47,8	18,2	46,7	14,6	38,4	15,9

Согласно данным таблицы 1, в период 2010–2011 гг. в большинстве рассматриваемых стран доля организаций, осуществляющих технологические инновации, увеличилась, что в Австрии, Германии, Ирландии, Люксембурге, РФ нашло отражение в активизации участия в международных НИОКР. В то же время в целом за рассматриваемый период инновационная активность уменьшилась в восьми из одиннадцати стран, а сокращение участия в международных НИОКР, если и наблюдалось, то в первую очередь в данных странах. Таким образом, на основе анализа официальной статистической информации, хотя и не так явно, как в случае с общей интенсификацией инновационной кооперации, однако подтверждаются выводы о том, что современная инновационная деятельность сопровождается развитием международных проектов НИОКР. При этом необходимо учитывать, что, если бы в представленной статистике учитывались данные по всем зарубежным странам, с которыми государства ведут сотрудничество, а не только ключевые партнёры (ЕС, Индия, Китай, США), доля организаций, участвовавших в международных НИОКР, была бы выше.

В современных исследованиях, посвящённых проблематике инновационной деятельности и государственной инновационной политики, наибольшее распространение получили исследования такой формы сотрудничества в инновационной деятельности, как инновационная кооперация. Существуют, однако, и другие формы, которых можно выделить достаточно много. Тем не менее, они достаточно тесно связаны между собой и нередко пересекаются, в связи с чем можно определить наиболее универсальные формы. В таблице 2 представлена характеристика форм сотрудничества в инновационной деятельности и перечислены наиболее распространённые меры их практической реализации.

Таблица 2. Характеристика форм сотрудничества в инновационной деятельности

Форма сотрудничества	Характеристика направления	Меры реализации
Кооперация	Сотрудничество, в рамках которого субъекты инновационной деятельности стран либо их регионов осуществляют совместные НИОКР, осуществляют коммерческий и некоммерческий обмен ресурсами и результатами инновационной деятельности.	Программы, договоры, соглашения, сделки.
Ассоциация	Объединение, создаваемое в целях реализации общих интересов в научно-технической и инновационной сферах.	Политические, научно-исследовательские, коммерческие, потребительские, общественные организации.
Координация	Разработка и реализация совместной политики в области развития инновационной деятельности. Выражается в более тесном сотрудничестве на межгосударственном, национальном, региональном уровнях, а также между конкретными предприятиями, научно-исследовательскими организациями, вузами.	Соглашения в области совместного осуществления инновационной политики, интеграционные объединения, установление в сфере инновационной деятельности единых требований.
Источник: составлено автором на основе [1, 3, 4, 6].		

Один из ключевых моментов международного сотрудничества в инновационной деятельности – передача опыта. Данный факт является подтверждением необходимости развития сотрудничества именно на региональном уровне, поскольку в каждом регионе существуют специфические потребности в получении и передаче различных ресурсов и результатов инновационной деятельности. Результаты инновационной деятельности далеко не автоматически конвертируются в экономический успех, в динамичное экономическое развитие территорий. Обусловленные географическими факторами удобства личной коммуникации также не обязательно приводят к экономическому успеху фирм, регионов и стран, которые обладают ими. В связи с этим закономерен вывод о необходимости разработки мер интенсификации международного сотрудничества регионов в инновационной деятельности. В частности, требуются особые механизмы, позволяющие активизировать международное сотрудничество в инновационной деятельности российских регионов.

Дифференциация сотрудничества по формам и уровням его осуществления является основанием для выделения типов сотрудничества в инновационной деятельности (рис. 2).

Межгосударственный тип	
<i>Двусторонние и многосторонние международные соглашения и программы сотрудничества в инновационной деятельности. Заключаются и разрабатываются на уровне государства. Служат основой разработки специальных инициатив в рамках государственных программных документов.</i>	
<i>Сотрудничество между странами в рамках международных объединений.</i>	<i>Сотрудничество между странами вне рамок международных объединений.</i>
Национальный тип	
<i>Национальные инициативы развития сотрудничества в инновационной деятельности. Реализуются федеральными структурами.</i>	
<i>Сотрудничество между отечественными субъектами инновационной деятельности.</i>	<i>Сотрудничество между отечественными и зарубежными субъектами инновационной деятельности.</i>
Региональный тип	
<i>Двусторонние и многосторонние международные соглашения и программы сотрудничества в инновационной деятельности. Региональные инициативы развития сотрудничества в инновационной деятельности. Заключаются и разрабатываются на региональном уровне. Реализуются региональными структурами.</i>	
<i>Сотрудничество между региональными субъектами инновационной деятельности.</i>	<i>Сотрудничество между региональными и зарубежными субъектами инновационной деятельности.</i>
Корпоративный тип	
<i>Сотрудничество предприятий, научно-исследовательских организаций, вузов.</i>	
<i>Самостоятельное сотрудничество с отечественными субъектами инновационной деятельности.</i>	<i>Самостоятельное сотрудничество с зарубежными субъектами инновационной деятельности.</i>

Рис. 2. Типы сотрудничества в инновационной деятельности

Примечание. Заливкой выделены направления сотрудничества, на которых инновационная политика в РФ сфокусирована в большей степени; курсивом выделено международное сотрудничество в инновационной деятельности.

Изучение и определение перспективных направлений развития международного сотрудничества регионов в инновационной сфере создаёт необходимость проведения его оценки. Анализ российских и зарубежных работ, посвящённых вопросам измерения международного сотрудничества в инновационной сфере, позволяет сделать вывод об отсутствии в настоящее время единого мнения о его исследовании. По результатам анализа имеющихся данных государственной статистики, а также сильных и слабых сторон существующих методик оценки инновационной деятельности и, как её части, международного сотрудничества в инновационной сфере, нами была предложена методика оценки международного сотрудничества региона в инновационной деятельности.

Для расчёта интегральных показателей развития международного сотрудничества в инновационной деятельности регионов РФ предложено

использовать набор индикаторов, отражающих следующие направления международного сотрудничества:

- совместные проекты в сфере научных исследований и опытно-конструкторских разработок;
- коммерческий обмен технологиями;
- привлечение финансовых ресурсов.

На первом этапе статистические показатели, используемые для расчётов, по каждому региону приводились к стандартизированным значениям. Общий интегральный показатель региона определялся по формуле расчёта средней величины в отношении его стандартизированных показателей².

Расчёты интегральных показателей развития международного сотрудничества регионов в инновационной деятельности, проведённые по разработанной методике, показывают, что ни один из субъектов РФ в 2012–2013 гг. не может быть определён как регион, характеризующийся развитием международного сотрудничества в инновационной деятельности (рис. 3). В подавляющем большинстве регионов уровень развития сотрудничества низкий, а в одиннадцати регионах (что составляет 14% от общего числа субъектов РФ) международное сотрудничество в инновационной деятельности не осуществляется, т.е. данные регионы не задействуют данное направление развития инновационной деятельности.

Рис. 3. Распределение регионов РФ по уровню развития международного сотрудничества в инновационной деятельности (в единицах)

Источник: расчёты по авторской методике на основе данных Росстата за 2012–2013 гг.

² В соответствии с методологией проведения расчётов по предложенной методике интегральный показатель может принимать значения от 0 до 1. Уровни развития международного сотрудничества регионов соответствуют следующим интервалам значений интегрального показателя: 1) 0 – сотрудничество не осуществляется; 2) (0;0,2) – низкий; 3) [0,2;0,4) – ниже среднего; 4) [0,4;0,6) – средний; 5) [0,6;0,8) – выше среднего; 6) [0,8;1] – высокий.

Слабый уровень развития международного сотрудничества регионов РФ в инновационной деятельности свидетельствует о том, что требуется активизация и расширение принимаемых в настоящее время мер по укреплению международных связей субъектов инновационной деятельности.

Рассмотрение имеющегося в РФ опыта позволяет заключить, что в отечественной практике особенностью международной инновационной кооперации является доминирование мер национального и наднационального уровней, что, наряду с жёсткой системой условий участия, создаёт препятствия к использованию региональными субъектами инновационной деятельности предоставляемых возможностей. Существенной проблемой остаётся поиск надёжных зарубежных контрагентов, поскольку заявки на участие, как правило, предполагают, что у предприятий уже имеются зарубежные партнёры.

При этом в нормативных правовых документах в области инновационного развития отдельных регионов существуют представлены обоснования направлений и целей развития международного сотрудничества региональными органами власти и управления. На основе изучения нормативных правовых документов регионов РФ в сфере государственного регулирования инновационной деятельности можно заключить, что взаимодействие инновационных систем отдельных регионов играет всё большую роль в их экономическом сотрудничестве. В регионах РФ постепенно активизируются процессы государственного регулирования инновационной деятельности на основе развития международного сотрудничества, несмотря на то, что принимаемые региональные меры пока не предоставляют таких возможностей, как инструменты федерального уровня. В частности, это приводит к тому, что в рамках РФФИ три четверти международных проектов выполняется научными коллективами из Центрального федерального округа [7].

Представленные выше оценки свидетельствуют о том, что международное сотрудничество регионов в инновационной деятельности характеризуется низким уровнем развития. Выгодного географического положения территорий не достаточно для развития инновационной кооперации. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты, показываемые регионами СЗФО. По количеству стран – лидеров инновационного развития, первое место в мире занимает Европейский союз

[11]. С этой точки зрения наиболее выгодным положением обладает именно СЗФО РФ.

Таким образом, требуются системные меры по её развитию, что может обеспечить только последовательная региональная инновационная политика. Анализ, проведённый в рамках апробации разработанного методического инструментария оценки, характеризующей ситуацию в области международного сотрудничества регионов в инновационной деятельности, позволяет сделать вывод о существовании следующих проблем:

1. Низкая активность участия организаций в совместных НИОКР с зарубежными странами. Международное сотрудничество регионов по проектам в сфере НИОКР в целом развито достаточно слабо.

2. Необходимость дальнейшего развития сотрудничества регионов по направлению реализации инновационной продукции международного уровня.

3. Низкое развитие сотрудничества регионов по направлению привлечения дополнительных ресурсов на осуществление инновационной деятельности в кооперации с зарубежными партнёрами. Необходимость реализации региональными органами власти и управления мер, направленных на получение их территориями преимуществ от международного сотрудничества за счёт привлечения дополнительных ресурсов, используемых в инновационной деятельности.

4. Несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей инновационную деятельность.

5. Низкая осведомлённость организаций, занимающихся инновационной деятельностью, об имеющихся возможностях развития международного сотрудничества (фонды, программы, гранты и т.д.).

Сопоставляя перспективы, предоставляемые международным сотрудничеством, и проблемы инновационной деятельности, можно отметить, что вовлечение предприятий в международную инновационную кооперацию создаёт возможности для повышения количества организаций, ведущих исследования и разработки, и увеличения количества персонала, занятого НИОКР, а также для привлечения дополнительных финансовых ресурсов, которые могут быть использованы на цели развития инновационной деятельности. В ходе осуществления международного сотрудничества происходит укрепление собственной технической базы и

привлечение передовых производственных технологий, что приводит к наращиванию собственного потенциала создания передовых производственных технологий и повышения патентной активности. В конечном итоге, за счёт вовлечения в инновационную кооперацию увеличивается уровень инновационной активности, что позволяет увеличивать объём инновационных товаров, работ, услуг и, в том числе, экспорт последних.

К перспективным мерам по развитию международного сотрудничества регионов в сфере инновационной деятельности относятся:

– обеспечение проведения систематического мониторинга международного научно-технического сотрудничества в региональном разрезе и выявление возможностей подключения субъекта Российской Федерации к международным научно-техническим программам и проектам;

– активизация стажировок сотрудников в зарубежных и российских научно-исследовательских организациях;

– активизация сотрудничества со странами Евразийского экономического союза и СНГ: определение приоритетных направлений сотрудничества в ключевых областях науки и техники, наиболее полное использование имеющейся инфраструктуры. К преимуществам данного сотрудничества относится отсутствие языкового барьера, географическая близость;

– совершенствование инфраструктуры поддержки международного сотрудничества. В качестве инструментов сотрудничества между российскими и зарубежными организациями целесообразно использовать возможности как региональных, так и общероссийских программ и сетей инновационных инфраструктур, направленных на развитие международной инновационной кооперации.

Литература

1. Белова, А.В. Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере / А.В. Белова // Балтийский регион. – № 4. – 2012. – С. 137-149.

2. Индикаторы инновационной деятельности: 2014 : стат. сб. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 472 с.

3. Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития / [Киселев В.Н.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2014. – 60 с.
4. Миндели, Л.Э. Проблемы взаимосвязи внутренних и международных аспектов государственной научно-инновационной политики / Л.Э. Миндели, В.А. Васин // Инновации. – 2006. – № 2 (89). – С. 20-27.
5. Миндели, Л.Э. Совершенствование государственной научно-технической политики в процессе формирования национальной инновационной системы / Л.Э. Миндели, В.А. Васин // Инновации. – 2008. – № 1. – С. 43-55.
6. Основные результаты сотрудничества России и ЕС в области высшего образования, научных исследований и инноваций. – М.: Министерство образования и науки РФ, 2013. – 35 с.
7. Отчёт о деятельности Российского фонда фундаментальных исследований за 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/about/n_770
8. Пилясов, А.Н. Балтийский макрорегион: географические макроструктуры, специфика коммуникации, инновационный потенциал / А.Н. Пилясов, Н.А. Клименко // Балтийский регион. – 2011. – № 3. – С. 71-87.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
10. Россия и страны мира. 2012 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 380 с.
11. The Global Innovation Index 2014. The Human Factor in Innovation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=gii-full-report-2014>

Усков В.С.

кандидат экономических наук, зам. зав. отделом,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Региональный плодово-ягодный рынок как фактор развития экономики территорий европейского Севера России

Обширные пространства, разная длительность и эффективность хозяйственного освоения, неравная степень использования богатств территории – одна из главных причин существования в России территориальных различий в развитии и размещении производительных сил. Либерализация экономической деятельности в 1990-х гг. вызвала интерес к изучению особенностей регионального развития, анализу природно-ресурсного потенциала и современного геополитического и экономико-географического положения территорий, в таком аспекте осмысление причинно-следственных связей социально-экономического развития страны носит фундаментальный характер [2] и учитывает различные научные взгляды на проблему регионального развития. В целом существует несколько подходов к определению понятия «регион», основными являются территориально-пространственный, экономико-географический, воспроизводственный и территориально-административный [13], причем эти подходы дополняют друг друга с позиций пространственной экономики (А.Г. Гранберг, А.И. Татаркин, П.А. Минакир и др.) и теории новой экономической географии (П. Кругман, Дж. Харрис, А. Пред и др.), – оба этих научных воззрения сформировались сравнительно недавно (последние 20–25 лет), а получили научное признание лишь в последние годы [5].

Теория новой экономической географии П. Кругмана по существу основывается на двух императивах – «потенциале рынка» Дж. Харриса и «базового мультипликатора» регионального дохода А. Преда. Следует подчеркнуть, что понятие «потенциал рынка» включает в себя доступность ко всем стадиям движения товара – производству, распределению, обмену и потреблению [5].

Созданные в «новой экономической географии» модели описывают эффекты перепрыгивания, «обскакивания». Этот механизм объясняет

феномен смены лидеров в периоды радикальных технологических изменений, когда «последние становятся первыми». Технологически и экономически отстающие страны могут использовать преимущество более низких заработных плат, чтобы выйти на рынок. При этом в силу своей бедности они отваживаются внедрять новую технологию, идут на риски. Поэтому нередко те самые факторы, которые обеспечивали стране возможность стать лидером на одной стадии технико-экономического развития, на следующей стадии становятся тормозом и начинают препятствовать ее динамичному развитию [10].

П. Кругман выделил две группы факторов, способствующих реализации конкурентных преимуществ территорий. К факторам «первого порядка» относятся обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными и др.), которые востребованы рынком, а также географическое положение, в том числе положение на путях глобальной торговли, снижающие транспортные издержки и облегчающие трансляцию инноваций. Эти преимущества существуют вне зависимости от деятельности людей. К факторам «второго порядка» относятся преимущества, созданные деятельностью человека и общества: агломерационный эффект (высокая плотность населения в городах, дающая экономию на масштабе); человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др.; инфраструктура, сокращающая экономические расстояния [7].

Методологический подход пространственной организации хозяйства, ряд положений «новой экономической географии» П. Кругмана применимы и к территориям, каковыми являются регионы Европейского Севера РФ, в частности, северные, северо-западные и арктические территории [5].

Территория севера европейской части России ограничена с юга в среднем параллелью 60⁰СШ и практически совпадает с южными административными границами Псковской (56⁰СШ), Новгородской (58⁰СШ), Вологодской (59⁰СШ) и Республики Коми (61⁰СШ).

Важным фактором экономического развития этой территории с позиций теории новой экономической географии и территориально-пространственного подхода выступает особое географическое положение и

природно-климатические условия, обуславливающие развитие регионального (локального) рынка плодово-ягодной продукции.

Исследование теоретико-методологических подходов к формированию рынка, в том числе работ [1, 16], позволяет сделать вывод о том, что рынок плодово-ягодной продукции следует рассматривать как один из видов общего продовольственного рынка, имеющий многопродуктовый характер, связанный с наличием внутри него множества самостоятельных рынков отдельных видов фруктов и ягод. По нашему мнению, полноценно функционирующий рынок плодово-ягодной продукции северного региона включает несколько составляющих: рыночную инфраструктуру, специализированные рынки, рыночного механизма (рис. 1).

Локальный рынок ягод представляет собой систему экономических отношений по поводу введения ягодной продукции в товарный оборот. Специфика его объекта заключается в том, что он представлен двумя группами: культурными и дикорастущими. Один из них – культурные, проходят стадию производства, другие – дикорастущие ягоды, минуя ее, сразу попадают в обращение [9].

Прямое влияние на условия произрастания и возделывания ягод оказывает природно-климатический фактор. Отличительными особенностями северных территорий являются изменчивость погодного режима в течение всего года, кроме летнего периода, преобладание нечерноземных, малоплодородных почв, при этом территория (особенно на севере) значительно заболочена. Биологический запас только основных видов дикорастущих ягод в регионах Европейского Севера России весьма большой: для брусники он составляет 3260 тысяч тонн в год, для черники – 1800 тысяч тонн в год, голубики – 640 тысяч, клюквы – 1100 тысяч тонн в год, что является весьма значительным и масштабным полем деятельности личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в области собирательства и переработки дикорастущих ягод.

Рис. 1. Структура развитого рынка плодово-ягодной продукции
(составлено автором)

Кроме того, на территории европейского Севера России, в частности в Вологодской области имеется существенный потенциал для распространения и организации экономического оборота культурных ягод.

Развитие современного садоводства в Вологодской области начиналось в 1927 г. с создания опорного пункта Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, который в 1932 г. был преобразован в Никольский плодово-ягодный опорный пункт в составе НИИ им. И.В. Мичурина, а в последствии (декабрь 1956 г.) – передан в подчинение Вологодской государственной сельскохозяйственной опытной станции. На Никольском опорном пункте (просуществовал до 1974 г.) был выведен ряд сортов яблони, смородины, крыжовника и т.п.

В 1972 г. Вологодский опорный пункт по садоводству был открыт в поселке Майский Вологодского района. На опорном пункте проводились

работы по изучению сортимента яблони с целью выделения наиболее урожайных, зимостойких и устойчивых к парше сортов. Также проводились исследования по использованию полиэтиленовой пленки при выращивании саженцев черной смородины, исследовались различные способы и сроки черенкования ягодных растений, методы ускоренного размножения и создания маточников. За время функционирования опорного пункта в результате изучения и выделения перспективных сортов происходила и происходит смена сортимента, внедрялись более продуктивные и урожайные сорта, была создана и апробирована система возделывания маточников ягодных и плодовых культур и товарных плантаций в хозяйстве [13].

В настоящее время предприятие является самым большим плодпитомником на Северо-Западе, внедряет новые передовые технологии, активно сотрудничает с НИИ садоводства нечерноземной зоны. На базе хозяйства функционируют Вологодский госсортоучасток плодово-ягодных культур и Вологодский опорный пункт по садоводству Всероссийского селекционного-технологического института садоводства и питомниководства (ГНУ ВСТИСП). На основе многолетних результатов сортоизучения производится размножение и внедрение новых сортов. В хозяйстве выращивается более 1000 сортов и культур.

Основное производство таких ягодных культур, как земляника и черная смородина сосредоточено в СХПК «Племзавод Майский». В отдельные годы племзавод занимался также выращиванием малины, облепихи, жимолости, черноплодной рябины, крыжовника. Вместе с тем их доля в общем объеме производства ягод составляет около 0,1%.

Рассматривая объем реализации ягод в СХПК «Племзавод Майский», можно сделать вывод о том, что за период с 2005 по 2011 г. объем реализации земляники незначительно снизился, а объем реализации черной смородины, напротив, увеличился на 36%. В 2011 г. хозяйством было реализовано 86,7 т земляники и 90,1 т черной смородины. Объемы реализации других ягодных культур крайне малы (табл. 1).

Таблица 1. Объем реализации ягод в СХПК «Племзавод Майский», кг

Ягода	Год							2011 г. к 2005 г., %
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	
Земляника	91504	64094	85126	78933	125195	63526	86737	94,8
Смородина черная	66499	12631	86091	37442	56447	38294	90112	135,5
Малина	77	44	32	111	236	27	49	63,6

Об экономической эффективности выращивания ягодных культур позволяют судить показатели рентабельности, уровень которой, за исключением рентабельности черной смородины, достаточно высок. В отдельные годы рентабельность производства земляники превышала 200%, а малины достигал 150% (табл. 2)

Таблица 2. **Уровень рентабельности ягодной продукции в СХПК «Племзавод Майский», в %**

Ягода	Год						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Земляника	141,7	45,8	207,4	62,4	204,2	76,5	154,3
Смородина черная	-1,3	-61,9	86,3	-1,5	144,1	-28,7	6,3
Малина	129,7	163,1	144,2	84,6	118,6	156,4	84,7

Вместе с тем естественная малопродуктивность земель, краткость вегетационного периода обуславливают относительно невысокую урожайность плодово-ягодных культур, а высокие затраты на обеспечение экономического оборота этих культур препятствуют широкому развитию крупных садоводческих хозяйств. В сельскохозяйственных организациях, расположенных в зоне европейского Севера России в настоящее время производится лишь 0,2% от общего производства плодов и ягод. Производство плодов и ягод в северных регионах страны практически сосредоточено на дачных и приусадебных участках населения (табл. 3). Таким образом, на европейском Севере России главным производителем плодово-ягодной продукции являются ЛПХ.

Таблица 3. **Структура производства плодово-ягодной продукции в субъектах европейского Севера РФ, в % от общего объема производства в хозяйствах всех категорий**

Территория	Сельскохозяйственные организации		Хозяйства населения		Крестьянские (фермерские) хозяйства	
	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.
Республика Карелия	1,2	0,3	96,7	99,4	2,1	0,3
Республика Коми	0,0	0,0	100	100	-	0,0
Архангельская обл.	-	0,0	100	100	-	-
Вологодская обл.	1,4	1,5	98,6	98,5	-	-
Калининградская обл.	0,1	0,0	99,9	100	-	0,0
Ленинградская обл.	0,4	0,1	99,6	99,9	0,0	0,0
Мурманская обл.	0,0	0,5	100	99,5	0,0	-
Новгородская обл.	-	-	100	100	-	-
Псковская обл.	3,1	1,0	96,3	99,0	0,7	-
По СЗФО, в среднем	0,8	0,2	99,1	99,8	0,1	0,0
Справочно: Россия	20,7	15,0	78,4	82,8	0,9	2,2

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 446 с.

В то же время индивидуальное подсобное сельскохозяйственное производство неоднородно. Оно включает в себя две формы. Первая форма – производство, которое ведется на приусадебных и полевых участках, принадлежащих сельским жителям. Вторая форма – производств, ведущиеся на садовых, огородных и дачных участках городских жителей.

В связи с переходом к рыночным отношениям и снижением уровня жизни населения роль личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в обеспечении населения плодово-ягодной продукцией заметно возросло. В то же время потенциал ЛПХ в этой сфере используется не в полной мере. Вовлеченность ЛПХ в сферу товарного обмена плодово-ягодной продукцией и систему продовольственного рынка остается крайне низкой. Деятельность ЛПХ населения по-прежнему рассматривается лишь как источник самообеспечения продуктами питания. В действительности же данная категория хозяйств имеет существенные излишки производства сельскохозяйственной продукции, в т.ч. плодово-ягодной. По данным бюджетных обследований ЛПХ Вологодской области, личные подсобные хозяйства в настоящее время производят порядка 20 кг ягодной продукции. Объемы производства плодов, например, яблок, весьма значительны. В отдельные годы они составляют до 1–1,5 т. на одно ЛПХ. Поэтому при благоприятных условиях рыночной инфраструктуры (близость рынка сбыта, доступность транспорта и т.п.) излишки плодово-ягодной продукции могли бы поступать на местный рынок. Как показали результаты опроса населения Вологодской области каждая семья может произвести ягодной продукции (в том числе дикорастущей) в среднем 1,2 тонны. В опросе приняли участие 200 чел. Распределение респондентов по экспертным группам следующее: население районов – 40% опрошенных, предприятия малого и среднего бизнеса – 50%, финансово-кредитные учреждения, организации инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса – 5%, эксперты в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства – 5%.

Таким образом, потенциал рынка ягод европейского севера России весьма существенен, однако реализация этого потенциала в значительной степени сдерживается неразвитостью инфраструктуры рынка на локальном (местном) уровне. В результате основным источником поступления фруктов и ягод на потребительский рынок субъектов РФ СЗФО, как и прежде, остается ввоз из других областей России и из-за рубежа, – либерализация торговли позволила значительно увеличить импорт фруктовой и ягодной продукции в последние годы.

Такая ситуация характерна и для страны в целом. Так, за период с 2000 по 2011 г. импорт свежих яблок в России возрос с 218 тыс. т в 2000 г. до 1191 тыс. т в 2011 г., свежего винограда – с 72 тыс. до 400 тыс. т, citrusовых плодов – с 473 тыс. до 1661 тыс. т, бананов – с 506 тыс. тонн до 1308 тыс. т. (табл. 4).

Данные органов государственной статистики свидетельствуют о том, что личное потребление этой продукции в большинстве субъектов РФ СЗФО на 90–95% покрывается за счет ввоза. Только в Калининградской области эта доля ниже, чем в других регионах округа: она составляет 62%. По нашим расчетам, в 2010 г. населением СЗФО потреблено более 1,2 млн. тонн импортных фруктов и ягод.

Таблица 4. Импорт Российской Федерацией плодово-ягодной продукции

Продукция	Год						
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2011 г. к 2000 г., в %
Бананы, тыс. т	506	865	1007	981	1069	1308	258,5
Цитрусовые плоды, тыс. т	473	953	1288	1280	1491	1661	351,2
в том числе:							
апельсины	250	391	502	444	499	568	227,2
лимоны			183	206	212	223	121,9*
Виноград свежий, тыс. т	71,7	291	407	375	409	400	557,9
Яблоки свежие, тыс. т	218	730	1064	851	1206	1191	546,3
* 2011 г. к 2008 г., в %.							
Источник: Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 786 с.							

Благодаря наращиванию импорта среднедушевое потребление фруктов и ягод в СЗФО возросло за период с 2006 по 2011 г. на 25% и составило 61 кг на человека (табл. 5). Это несколько выше, чем в среднем по стране.

Таблица 5. Потребление фруктов и ягод в регионах СЗФО, кг на душу населения в год

Территория	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.	2011г.	2011г. к 2006 г., в %	Отношение к	
								Миним. норме (80 кг/чел.)	Оптим. норме (120 кг/чел.)
Калининградская обл.	54	58	65	64	70	71	131,5	88,8	59,2
Вологодская обл.	57	59	65	61	66	68	119,3	85,0	56,7
Мурманская обл.	51	55	60	60	65	65	127,5	81,3	54,2
г. Санкт-Петербург	48	53	59	59	61	64	133,3	80,0	53,3
Архангельская обл.	50	54	59	59	61	62	124,0	77,5	51,7
Новгородская обл.	44	43	53	54	57	58	131,8	72,5	48,3
Ленинградская обл.	45	50	53	52	57	57	126,7	71,3	47,5
Республика Коми	37	39	47	49	50	53	143,2	66,3	44,2
Республика Карелия	39	42	42	44	47	49	125,6	61,3	40,8
Псковская обл.	41	44	46	45	45	48	117,1	60,0	40,0
СЗФО, в среднем	47	51	57	56	59	61	129,8	76,3	50,8
РФ, в среднем	48	51	54	56	58	60	125,0	75,0	50,0
Источник: Потребление основных продуктов питания [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1286360627828									

Вместе с тем среднелюдиное потребление плодов и ягод в СЗФО составляет лишь 76% от минимальной (80 кг) и 51% от рекомендованной (120 кг). Российской академией медицинских наук нормы. Среди субъектов РФ, имеет место существенный разрыв по величине этого показателя. Так, в республиках Коми и Карелия, Новгородской, Ленинградской и Псковской областях среднелюдиное потребление плодов и ягод не достигало и половины оптимальной нормы (120 кг).

Важным резервом развития плодово-ягодного подкомплекса и обеспечения населения ягодной продукцией являются дикорастущие ягоды. Например, Вологодская область обладает огромным потенциалом по развитию заготовки и переработке дикорастущих ягод. По данным лесоустройства, биологический запас дикорастущих ягод в Вологодской области составляет 56 тыс. тонн, в том числе клюквы – 37 тыс. тонн, брусники – 11,2 тыс. тонн, черники – 7,8 тыс. тонн. Ресурсы голубики, морошки, земляники, малины, смородины и прочих дикорастущих культур практически не изучены [19].

По данным лесного плана, за период до 2017 г. планируется довести объем заготовки дикорастущих ягод предприятиями лесного комплекса до 514,3 тонн (рис. 2). Это позволит привлечь в бюджет области за счет платы за сбор ягод дополнительно порядка 25–30 млн. руб. Вместе с тем из-за неразвитости инфраструктуры сбыта бюджет не получает значительные суммы.

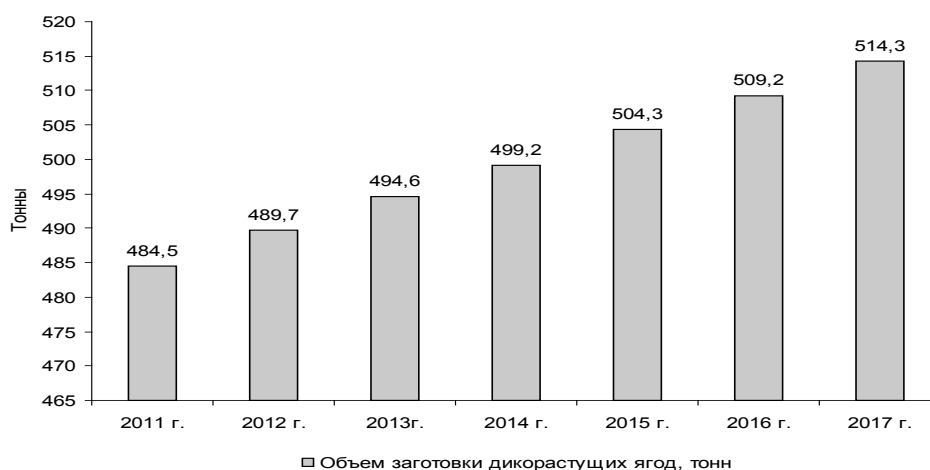

Рис. 2. Объем заготовки дикорастущих ягод, Вологодская обл., тонн

В течение длительного периода времени основной организацией по заготовке этой продукции в области была потребительская кооперация, которая имела разветвленную сеть приемных пунктов во всех районах. В 1991 году Вологодский облпотребсоюз закупил 3,8 тыс. тонн клюквы и брусники, значительная часть которых была реализована на внутреннем рынке страны и за рубежом. Однако эта система ныне разрушена. В 2010 г. кооперативы закупили лесных ягод только 11 тонн. Недостаточное внимание со стороны государства к этой деятельности, является одной из причин недоиспользования этого резерва роста [18].

Вместе с тем спрос на дикорастущие ягоды за рубежом имеет устойчивую тенденцию к росту, и регионы, поставляющие ягодную продукцию на экспорт, имеют весьма неплохой доход. Так, Вологодская область за период с 2000 по 2009 г. экспортировала 8617 тонн ягодной продукции (рис. 3). К сожалению, в последние годы, данные органов государственной статистики не представляют информацию об экспорте лесных ягод в Вологодской области. Однако судя по опубликованным в печати материалам, эффективность этой деятельности повышается. Так, за девять месяцев 2012 г. было экспортировано 464 тонны ягод (черника, брусника, клюква) общей стоимостью 1,3 миллиона долларов¹.

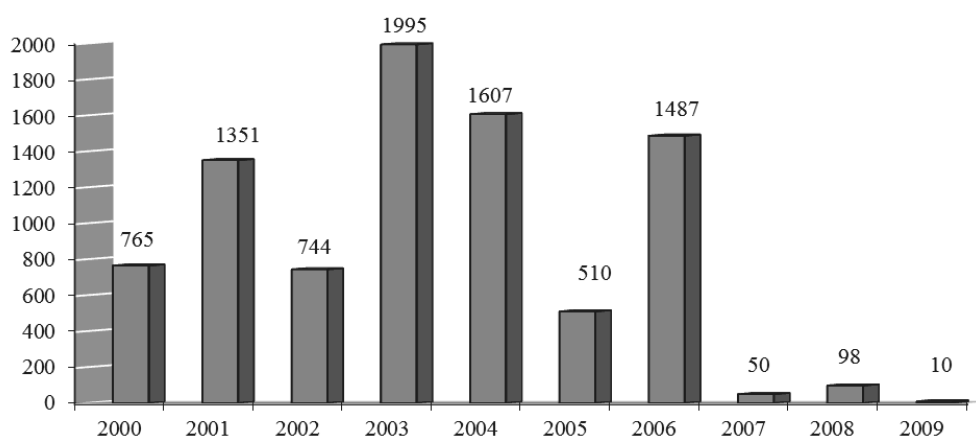

Рис. 3. Динамика экспорта лесных ягод в Вологодской области, тонн

Вместе с тем наблюдается тенденция снижения объема экспорта, ввиду ухода государства из этого сектора и появления новых каналов движения

¹ Вологодчина экспортирует ягод и грибов на миллионы долларов [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.krassever.ru/articles/economics/monitoring/38400/>

продукции, значение которых возрастает довольно быстро. Так, поставщиками дикорастущих пищевых продуктов леса помимо лесхозов, объемы заготовок которых значительно снизилась, стали многочисленные предприниматели и коммерческие фирмы, т.е. посредники (скупщики).

Одновременно с этим в регионе на рынке дикорастущих ягод появилось множество частных компаний и скупщиков, работающих с экспортерами и столичным ритейлом. Накапливается опыт использования запасов дикорастущих ягод и в других территориях СЗФО; важную содержательную сторону этого дела составляет маркетинговая деятельность по расширению присутствия на внутрироссийском и зарубежных рынках. Стимулом к развитию заготовок в Карелии, Псковской, Архангельской и других областях в значительной мере стали прямые инвестиции со стороны заинтересованных шведских, финских и норвежских компаний. Причины интереса иностранцев понятны: этот российский регион находится в непосредственной близости от границ стран, где потребление дикоросов (прежде всего, ягод) находится на очень высоком уровне. По сути, компании, традиционно занимавшиеся переработкой лесных ягод, всерьез занялись относительно дешевым российским рынком сырья. Сегодня в Карелии действуют уже до 40 компаний, занимающихся сбором дикоросов и поставкой их в страны Северной Европы. Все они работают на условиях полного финансирования со стороны западных партнеров. Но переработка дикорастущего сырья развития в регионе не получила: подавляющее большинство операторов этого рынка собирает ягоду и поставляет ее на экспорт «как есть».

Заметим, что эффективное функционирование локального рынка ягод в значительной степени зависит и от государственного регулирования. Однако, как показало исследование, как на уровне страны, так и регионов четко не определены приоритеты государственной поддержки отрасли, остается несовершенным механизм государственного регулирования цен на плодово-ягодную продукцию, и на товары, необходимые для ее производства, практически не регулируются объемы импорта плодов и ягод, отсутствует информация о состоянии и изменениях мирового рынка фруктов. Также нереализованным остается потенциал развития плодово-ягодного подкомплекса за счет дикоросов. До настоящего времени работы по

заготовке дикорастущих ягод государственными структурами не организованы [20].

На наш взгляд, повышение эффективности использования ягодного ресурса является важным резервом социально-экономического развития регионов европейского Севера РФ и повышению на этой основе качества жизни его населения. Использование этого резерва напрямую зависит от развитости локального рынка плодово-ягодной продукции.

Литература

1. Агирбов, Ю.И. Классификация и определяющие факторы рынка плодово-ягодной продукции [Текст] / Ю.И. Агирбов, Р.Р. Мухаметзянов // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий . – 2012. – № 5.– С. 68-71.
2. Введение в экономическую географию и региональную экономику России: учебное пособие для студ. высш. учебн. заведений / под ред. В.Г. Глушковой, А.А. Винокурова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – Ч. 1. – 432 с.
3. Гранберг, А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона / А.Г. Гранберг // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1. – С. 5-10.
4. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
5. Козьменко, С.Ю. Новая экономическая география и обоснование рациональной газотранспортной инфраструктуры региона / С.Ю. Козьменко, Л.И. Гайнутдинова // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2012. – Т. 15. – № 1. – С. 190-194.
6. Кругман, П. Пространство: последний рубеж / П. Кругман // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 121-126.
7. Манаков, А.Г. «Новая экономическая география и оценка ее применимости в России [Электронный ресурс] / А.Г. Манаков. – Режим доступа: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/we6137/wepgu01/wepgu01_10.pdf
8. Минакир, П.А. Экономика и пространство. Тезисы размышлений / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2005. – № 1. – С. 4-26.
9. Пантелеева, О.И. Организационно-экономические основы функционирования и развития рынка ягод в Костромской области [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / О.И. Пантелеева. – Кострома, 1997. – 23 с.
10. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей / А.Н. Пилясов // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2011. – № 4. – С. 7-17.

11. Пилясов, А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания / А.Н. Пилясов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.
12. Потребление основных продуктов питания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1286360627828
13. Развитие садоводства на севере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gardenin.ru/razvitie_sadovodstva.html
14. Регион в новой парадигме пространственной организации России / под ред. академика РАН А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2007. – 752 с.
15. Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 795 с.
16. Рыжкова, С.М. Развитие рынка плодово-ягодной продукции (на материалах Тамбовской области) [Электронный ресурс] / С.М. Рыжкова. – Режим доступа: http://www.vniiesh.ru/documents/document_4968_авт-т%20Рыжковой.doc
17. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 446 с.
18. Усков, В.С. Резервы увеличения сельскохозяйственного сырья и ягодной продукции на основе кооперации / В.С. Усков // Проблемы развития территории. – 2012. – № 5. – С. 104-109.
19. Усков, В.С. Состояние и тенденции развития плодово-ягодного рынка в северо-западных регионах России / М.В. Селин, В.С. Усков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2. – С. 95-103.
20. Рохчин, В.Е. Пути увеличения экономического оборота плодово-ягодной продукции в регионе [Текст] / В.Е. Рохчин, В.С. Усков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – С. 198-211.
21. Harris, G.D. The market as a factor in the localization of production. *Annals of the Association of American Geographers*. – 1954. – V. 44. – P. 44.
22. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography / P. Krugman // *Journal of Political Economy*. – 1991. – Vol. 99. – No. 3. – P. 483-499.
23. Krugman, P. *Economics*. Worth Publishers / P. Krugman, R. Wells. – 2005. – 1200 p.
24. Pred, A.R. *The spatial dynamics of U.S. urban-industrial growth. 1800–1914* / A.R. Pred. – Cambridge, MIT Press, 1966. – 188 p.

Шестакова Н.Н.
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,
Институт проблем региональной экономики
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Межгосударственная миграция граждан стран ЕАЭС с учебными целями

Сегодня каждое из образовавшихся на постсоветском пространстве государств ищет собственные пути интеграции в мировое экономическое, политическое, культурное сообщество. Каждая из стран пытается определить свое место в формируемом в общемировом масштабе экономики знаний. В то же время очевидно, что консолидированные в каждом из направлений устремления объединившихся государств могут в значительной степени облегчить противостояние актуальным и потенциальным глобальным вызовам и угрозам. Новейшим вариантом подобного объединения государств на постсоветском стал Евразийский экономический союз, функционирование началось с 1 января 2015 года.

Евразийский экономический союз (а в нем на сегодня состоит пять стран-участниц: Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Киргизия и Республика Армения), как и предшествовавшие ему постсоветские интеграционные образования, значительное внимание уделяет сотрудничеству государств-участников в образовательной сфере. Так, соглашение «О сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в области образования» (2009 г.) ставило перед странами-участницами задачи по развитию прямых связей между образовательными учреждениями; содействию развитию академической мобильности и взаимному обмену обучающимися, педагогическими и научно-педагогическими кадрами.

Акцентируем внимание на последней части приведенной фразы, фиксирующей академическую мобильность и взаимный обмен обучающимися, педагогическими и научно-педагогическими кадрами как два различных направления сотрудничества. Поясним важность этого момента.

Согласно Рекомендациям Совета Европы академическая мобильность представляет собой обучение, преподавание, проведение исследований за

рубежом с последующим возвращением учащегося/студента, преподавателя или исследователя в свое основное учебное или научное заведение¹. В отличие от этого миграция с учебными целями понятие более широкое, не связывающее субъекта перемещения, по крайней мере, с каким-либо конкретным, заданным международными и межвузовскими договорами, соглашениями, совместными образовательными программами т.п., учебным заведением в плане выбора места обучения, преподавания или проведения исследований; не содержащим в себе условий по возвращению в «базовое» учебное заведение, командировавшее его, а также каких-либо обязательств относительно могущей наступить в последствии эмиграции.

Однако и в публицистической, и в специальной научной литературе эти понятия зачастую смешиваются. И это фактически не позволяет вычлнить из общего потока студентов, преподавателей и исследователей, перемещающихся в мировом образовательном пространстве, именно тех, кто реализует свои миграционные установки в пределах собственно академической мобильности. А в настоящее время, по данным ЮНЕСКО, за пределами стран, гражданами которых они являются, обучаются более 2,7 млн. студентов.

Между тем, по своей сути, цели как академической мобильности, так и миграции с учебными целями в конечном счете совпадают: <как результат академической мобильности> встраивание национальных систем образования и отдельных национальных образовательных организаций в мировое образовательное пространство, повышение их конкурентоспособности через улучшение качества подготовки и, соответственно, насыщение как национальных экономик, так и всей мировой экономики кадрами, обладающими актуальными современными компетенциями и готовыми к инновационному развитию и повышению научного потенциала территорий.

Применительно к заявленной теме, ограничим рассмотрение масштабами исследования академической мобильности (если таковая может быть выделена по данным открытых источников) либо учебной миграции в образовательных целях (в случае отсутствия информационных

---

¹ Рекомендации Совета Европы [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf>

возможностей) в рамках стран-участниц Евразийского экономического союза.

Академическая мобильность (равно как и миграция с учебными целями) может быть разделена на входящую – приезд иностранных преподавателей, исследователей, студентов в страну или исходящую – выезд студентов, преподавателей, исследователей за рубеж.

Законодательная база, обеспечивающая развитие академической мобильности в части сопоставимости организации и структурирования учебных процессов, учебных курсов, оценивания знаний и навыков, а также взаимного признания документов об образовании, сформирована в нормативно-правовых документах Российской Федерации (ст. 2 и 33 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ), Республики Беларусь (ст. 121 Кодекса Республики Беларусь об образовании (от 13 января 2011 г. № 243-З)), Республики Казахстан (Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг.), частично – Республики Армения (ст. 51 Закона Республики Армения Об образовании от 8 мая 1999 года № ЗР-297, ст. 17.3(13), 20 и 51 Закона Республики Армения о высшем и послевузовском профессиональном образовании от 14 декабря 2004 года). В Республике Кыргызстан подобных документов не обнаружено².

Рассмотрим последовательно каждое из государств, входящих в Евразийский экономический союз.

Из числа всех государств постсоветского пространства **Российская Федерация** наиболее продвинута как в плане академической мобильности студентов, аспирантов, преподавателей и исследователей, так и в отношении миграции с образовательными целями. Белорусский исследователь Ю.И. Сергеева отмечает³: «В России...создана крупнейшая в Европе сеть центров академической мобильности», действующая на федеральном, региональном и институциональном уровнях отдельных вузов.

Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года. В России реализуется целый комплекс программ и проектов, направленных на развитие академической мобильности в системе

---

² И это является основанием для рассмотрения миграции с учебными целями, но не академической мобильности в отношении граждан Республики Киргизия.

³ Сергеева Ю.И. Основы организации международной академической мобильности в системе высшего образования стран Европы [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://elib.bspu.unibel.by/bitstream/doc/>

высшего и среднего профессионального образования⁴. Поскольку перечень этих мер очень велик, ограничимся перечислением некоторых из них. Так, Министерством образования Российской Федерации в рамках деятельности, предшествующей вхождению в Болонский процесс, образован Национальный информационный центр по академическому признанию и мобильности (1999), Центр сравнительной образовательной политики (ЦСОП) (2000). В 2002 г. одобрена Концепция государственной политики в области подготовки национальных кадров для зарубежных государств в российских образовательных учреждениях. Принят целый пакет документов, среди которых: Постановление Правительства РФ № 638 «О сотрудничестве с зарубежными странами в области образования» (от 25 августа 2008 г.); Положение о стипендиях Президента РФ, утвержденное распоряжением Президента Российской Федерации от 6 сентября 1993 г. № 613-рп.; Постановление от 9 апреля 2010 г. № 220 Правительства РФ «О мерах по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования», Постановление от 16 марта 2013 г. № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Принята Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России» на 2009–2013 годы.

Вопросы академической мобильности затронуты также в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. и во множестве других документов.

В контексте присоединения к Болонскому процессу Российская Федерация в 2009–2011 гг. перешла на двухуровневую систему высшего профессионального образования, ввела обновленные образовательные стандарты (ФГОС) 3-го поколения и соответствующие им образовательные программы.

---

⁴ Сводная аналитическая информация об академической мобильности студентов в рамках государств-членов ЕврАзЭС [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://evrazes.com/docs/view/588>

Кроме того, Российской Федерацией, по состоянию на 2009 г., заключено порядка 100 международных, межправительственных и межведомственных соглашений о сотрудничестве в сфере образования⁵.

Согласно информации по *исходящей академической мобильности*, размещенной в профильном отраслевом статистическом сборнике⁶, и на специально созданном сайте⁷, в 2014 г. по линии Минобрнауки России в высшие учебные заведения 22 зарубежных стран направлено на обучение и кратковременные стажировки более 300 студентов, аспирантов и преподавателей. Однако ни одна из стран Евразийского экономического союза в списке таких стран не значилась.

В российских официальных статистических источниках приводится динамика как *входящей академической мобильности*⁸ студентов, так и *входящей*⁹ миграции с учебными целями (табл. 1). При этом отечественная статистика располагает данными о входящих потоках обучающихся в учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования.

Таблица 1. Численность студентов государственных и муниципальных учреждений среднего и высшего профессионального образования Российской Федерации по гражданству (на начало учебного года, человек)

	2007/2008		2008/2009		2009/2010		2013/2014	
	СПО	ВПО	СПО	ВПО	СПО	ВПО	СПО	ВПО
Граждане из стран СНГ, Грузии и Балтии, обучающиеся на условиях общего приема	2288495	6204410	2136135	6214820	98873	5841748	н.д.	5615398
в том числе:								
Армения	456	1415	456	1585	88	2283	н.д.	3264
Беларусь	1406	611495	1540	13295	65	20087	н.д.	23849
Казахстан	1810	18970	2087	118378	115	19753	н.д.	44896
Киргизия	82	830	108	639	23	1066	н.д.	3101
Граждане из стран СНГ, Грузии и Балтии, обучающиеся по международным соглашениям	118	9445	96	11128	126	11427	н.д.	18600
в том числе:								
Армения	3	520	7	563	23	521	н.д.	576
Беларусь	52	559	2	411	10	288	н.д.	1206
Казахстан	9	1300	18	1813	22	1572	н.д.	1966
Киргизия	-	544	3	735	1	564	н.д.	1039
Источники: Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 444 с. – С. 309, 366; Образование в Российской Федерации: 2014: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – 464 с. – С. 400-401.								

⁵ Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования / Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России. – М., 2009. – 352 с.

⁶ Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: стат. сб. – Вып. 11. – М., 2014. – С. 19-24.

⁷ Программа исходящей международной академической мобильности (2014 г.) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://im.interphysica.su/>

⁸ Международная академическая мобильность реализуется в рамках международных межвузовских договоров и соглашений, а также совместных образовательных программ и регулируется договорами и соглашениями об академическом и научном сотрудничестве с зарубежными вузами и международными организациями.

⁹ Учет исходящей интеллектуальной миграции из Российской Федерации прекращен в 2002 году.

Обозначим несколько наиболее важных моментов, вытекающих из анализа таблицы 1. Во-первых, это общая тенденция к уменьшению численности иностранных граждан, обучающихся в российских высших и средних профессиональных учебных заведениях; во-вторых, относительно небольшое количество граждан из стран СНГ, Грузии и Балтии, обучающиеся в РФ по международным и межправительственным соглашениям. В-третьих, сравнительно невысокая доля обучающихся в рамках академической мобильности в учебных заведениях среднего профессионального образования. Что касается государств, входящих в ЕАЭС, то очевидно, что самой значительное количество студентов приезжает в российские учебные заведения из Казахстана; наименьшее – из Киргизии. В целом рейтинг государств исхода в 2013/2014 учебном году выглядел следующим образом: первые места заняли страны СНГ (*Казахстан* – 1 место, *Туркмения* – 3 место, *Таджикистан* – 4 место, *Узбекистан* – 5 место, *Азербайджан* – 6 место, *Украина* – 7 место, *Белоруссия* – 8 место). У *Киргизии* 14 место, у *Армении* – 16-е¹⁰.

Индивидуальная исходящая и входящая мобильность поддерживается в России через стипендии Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Ежегодно из федерального бюджета выделяются средства для оплаты обучения российских студентов и аспирантов за рубежом (до 100 стипендий). В рамках постановления Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 638, ежегодно выделяется до 10 тыс. государственных стипендий для приема на обучение в России иностранных граждан. Анализ распределения выделяемых странам квот, показывает, что, например, в 2009/2010 гг. 42,6% государственных стипендий для обучения в российских вузах было предоставлено иностранным гражданам и соотечественникам из стран СНГ (прежде всего гражданам *Казахстана*, *Республики Беларусь* и *Украины*) и странам Балтии.

Специального упоминания заслуживает программа «Глобальное образование»¹¹, реализуемая в соответствии с указом Президента РФ от 28 декабря 2013 г. «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации». В соответствии с ней любой гражданин РФ, который

---

¹⁰ Программа исходящей международной академической мобильности (2014 г.) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://im.interphysica.su/>

¹¹ Минобрнауки: число обучающихся за рубежом студентов может сократиться (24.02.2015) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://ria.ru/society/>

самостоятельно поступил на обучение по одной из 32-х приоритетных для страны специальностей в университет из списка ведущих зарубежных вузов (225 ведущих университетов из 27 стран мира), может претендовать на оплату государством его учебы. Обязательным условием в таком случае является отработка трех лет в России по полученной специальности.

Также следует упомянуть попытку систематизации национальных усилий в области развития академической мобильности посредством разработки в 2013 г. в рамках проекта Национального фонда подготовки кадров: «Разработка предложений по организации российских программ академических обменов для российских и зарубежных научно-педагогических работников» специального документа – Концепции академической мобильности в Российской Федерации¹². Однако на настоящий момент она и продолжает находиться в стадии проекта.

И, пожалуй, самым последним шагом в направлении развития академической мобильности в Российской Федерации стал запуск в марте 2015 г. Минобрнауки России сайта, посвященного Программе исходящей международной академической мобильности (<http://im.interphysica.su/>).

В 2007 г. в числе десяти основных задач развития **Республики Казахстан** было обозначено современное образование и профессиональная переподготовка, формирование основ «умной экономики», использование новых технологий, идей и подходов, развитие инновационной экономики.

С 2010 г. страна, став 47-й участницей Болонского процесса, реализует государственную стратегию вхождения в 50 самых конкурентоспособных государств мира. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг. ставит задачу интеграции в европейскую зону высшего образования путем приведения содержания и структуры высшего образования в соответствие с параметрами Болонского процесса, а к 2020 г. – вхождения двух ведущих вузов Казахстана в рейтинги лучших университетов мира.

На этапе подготовки к вступлению страны в Болонский процесс казахстанская структура образования была приведена в соответствие с Международной стандартной классификацией образования. В частности, в 2002 г. внедрена кредитная технология обучения и введена трехуровневая

---

¹² Концепции академической мобильности в Российской Федерации (проект) [Эл. рес.]. – М., 2013. – 19 с. – Реж. дост.: intpr.ntf.ru

подготовка специалистов: бакалавр – магистр – доктор PhD; утверждены Правила организации учебного процесса по кредитной технологии обучения¹³. В 2011 г. в стране обсуждена и одобрена Концепция академической мобильности обучающихся высших учебных заведений Республики Казахстан¹⁴.

В республике Казахстан ведется тщательный учет и анализ исходящей и входящей академической мобильности студентов¹⁵. В частности, по результатам мониторинга 2012/2013 учебного года установлено¹⁶, что:

- академическая мобильность студентов бакалавриата составляет 0,7% от общего числа студентов вузов, магистрантов – 22,0% и докторантов – 29,2%; в том числе внешняя мобильность студентов бакалавриата – 54,4%, магистрантов – 99,1%, докторантов – 94,6%;

- в большинстве вузов Казахстана созданы предпосылки для нормативно-правового обеспечения академической мобильности: в 49,0% разработаны положения об академической мобильности; 15,0% вузов в своих стратегических планах развития отразили вопросы реализации академической мобильности;

- 74% вузов располагают необходимыми структурными подразделениями;

- 75% вузов размещают информацию по академической мобильности на своих сайтах.

Исходящая академическая мобильность. По итогам мониторинга 2014 года¹⁷ выявлено, что 38 вузов Казахстана за счет средств республиканского бюджета направили на обучение 746 студентов (план – 592), в т.ч. по программам бакалавриата, 237 – по программам магистратуры. Исходящая академическая мобильность реализуется по таким группам специальностей

---

¹³ Сводная аналитическая информация об академической мобильности студентов в рамках государств-членов ЕвразЭС [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://evrazes.com/docs/view/588>

¹⁴ Концепция академической мобильности обучающихся высших учебных заведений Республики Казахстан [Эл. рес.]. – Реж. дост.: nkzu.kz/files/documents/Conception.pdf

¹⁵ Материалы сайта Министерства науки и образования Республики Казахстан. Мониторинг реализации развития академической мобильности 2013 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.naric-kazakhstan.kz/file/analytic_bp/

¹⁶ Мониторинг академической мобильности в Казахстане по итогам 2011/2012 учебного года. Информационно-аналитическая справка по эффективности внешней и внутренней академической мобильности обучающихся и ППС вузов Казахстана Центром Болонского процесса и академической мобильности осуществляется мониторинг академической мобильности. В 1-м этапе мониторинга приняли участие 98 вузов [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.h1lab.kz/17_05_13/monitoring_am_2011_2012.pdf

¹⁷ Материалы сайта Министерства науки и образования Республики Казахстан. Мониторинг реализации развития академической мобильности 2013 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.naric-kazakhstan.kz/file/analytic_bp

как: технические науки и технологии – 165 чел., здравоохранение и социальное обеспечение – 26 чел., естественные науки – 45, гуманитарные науки – 80, право – 30, сельскохозяйственные науки – 27, услуги – 40, образование – 148 и искусство – 36 человек. В страны Европы¹⁸ выехал 671 чел., в Азию – 51, в США – 24 человека.

За счет *внебюджетных средств* – 49 вузов направили за рубеж 855 человек, в т.ч. по программе бакалавриата – 705, магистратуры – 137. Студенты получали образование по следующим группам специальностей: социальные науки, экономика и бизнес – 322 человека, технические науки и технологии – 142, гуманитарные науки – 157, образование – 105 чел., здравоохранение и социальное обеспечение – 39, право – 37, услуги – 20, естественные науки – 12, искусство – 4, сельскохозяйственные науки – 3, ветеринария – 1. В Европейский регион выехало 372 обучающихся, в США – 11, в страны Азии – 268, в страны СНГ¹⁹ – 191 человек.

Всего академической мобильностью за счет всех источников средств в 2013 г. было охвачено 1588 студентов, из них 1214 (76,4%) – по программе бакалавриата и 374 (23,6%) – по программе магистратуры.

Входящая академическая мобильность. В I полугодии 2013 г. вузы Казахстана приняли по кредитной академической мобильности 563 человека, из них 91 иностранный студент и 472 обучающихся по внутренней академической мобильности. По странам студенты распределялись следующим образом: РФ – 31 чел., Азия, – 40, Европа – 12, США – 8 человек.

В целом внешняя (международная) мобильность студентов в Республике Казахстан значительно превышает мобильность внутреннюю.

По поводу финансирования академической мобильности в Республике Казахстан следует отметить, что единственным национальным оператором в Казахстане, обеспечивающим подготовку за рубежом высококвалифицированных специалистов для приоритетных отраслей экономики в рамках международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак» является Акционерное общество «Центр международных программ»²⁰. За годы реализации международная стипендия

---

¹⁸ Без расшифровки.

¹⁹ Без расшифровки.

²⁰ Акционерное Общество «Центр международных программ» учреждено Постановлением Правительства Республики Казахстан № 301 от 4 апреля 2005 года. А международная стипендия «Болашак» учреждена 5 ноября 1993 года Постановлением Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Материалы сайта «Болашак» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://bolashak.gov.kz/ru/>

«Болашак» была присуждена 11 126 казахстанцам для обучения в 200 лучших вузах 33 стран мира, в том числе около 900 стипендиатов имели возможность обучаться в ведущих вузах Российской Федерации, а также вузах некоторых других государств постсоветского пространства.

Республика Беларусь не входит в число государств, присоединившихся к Болонскому процессу, однако в настоящее время этот вопрос стоит на повестке дня. Одним из шагов в этом направлении стало присоединение в 2002 г. к Лиссабонской конвенции 1997 г. «О признании квалификаций высшего образования». Впоследствии был принят ряд других документов, направленных на реформирование системы образования с целью включения ее в единое европейское образовательное пространство. В 2011 г. был создан общественный комитет по включению Беларуси в Европейское пространство высшего образования²¹.

В качестве основных препятствий вступления Республики Беларусь в Болонский процесс называются проблемы «взаимного признания дипломов с ЕПВО», а также отсутствие «осуществления необходимых реформ в целях выполнения критериев присоединения к Европейскому пространству высшего образования и обеспечения прав студентов»²².

Вместе с тем белорусские авторы отмечают: «В настоящее время фактически вся система высшего образования РБ переживает серьезную реконструкцию: ...меняется сама архитектура образования. Переделываются либо заново создаются учебные программы курсов, адаптируются под модульную систему УМК учебные материалы»²³.

В настоящее время система высшего образования Республики Беларусь включает две ступени: подготовка специалиста (от четырех до шести лет в зависимости от специальности) и магистратура (до двух лет). Послевузовское образование подразделяется на две ступени: аспирантура и докторантура.

На сайте Министерства Образования Республики Беларусь представлены 87 позиций, представляющих международные и межправительственные договоры Беларуси в сфере образования²⁴. По

---

²¹ Екимцева Л.В. Республика Беларусь на пути присоединения к Болонскому процессу [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://neox.by/englishsuperplus/articles/>

²² Можейко В. Беларусь и Болонский процесс: истории взаимоотношений [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://liberalclub.biz/?p=15881>

²³ Екимцева Л.В. Республика Беларусь на пути присоединения к Болонскому процессу [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://neox.by/englishsuperplus/articles/>

²⁴ Материалы сайта Министерства Образования Республики Беларусь [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=22261>

состоянию на 2011/2012 учебный год в стране реализуется порядка 10 совместных образовательных программ, а также подписано более 2 тыс. межвузовских соглашений о взаимном обмене обучающимися.

Информация об *исходящей академической мобильности* в Республике Беларусь крайне скудна. Так, по данным сайта ЕврАзЭС, ежегодно более 1500 студентов Беларуси выезжают в рамках академической мобильности в зарубежные университеты на обучение (до одного года), прохождение практики, стажировку и т.д. Основные страны выезда (в порядке убывания численности выезжающих): Германия, *Россия*, Великобритания, Польша, Украина, Франция, Швеция, Китай, Италия, Нидерланды²⁵. Исходящая мобильность при этом демонстрирует стабильно возрастающую динамику (табл. 2).

Таблица 2. Динамика исходящей мобильности студентов (высшее образование) Республики Беларусь*

Год	Уровень мобильности, %
2001	1,5
2002	1,8
2003	1,6
2004	2,1
2005	2,1
2006	2,3
2007	2,7
2008	5,5
2009	5,2
2010	6,1
2011	6,9
2012	6,9

* Вузовская выездная/исходящая мобильность (%) – это число студентов из данной страны, обучающиеся за рубежом, отнесенное к общему количеству зарегистрированных в системе высшего образования в этой стране.
 Источник: Education Statistics (World Bank), December 2014 [Эл. Рес.]. – Реж. дост.: <http://knoema.ru/WBEdStats2014Dec/education-statistics-world-bank-december-2014>

Кроме того, на сайте Министерства образования Республики Беларусь представлен документ «Перечень специальностей для обучения в организациях иностранных государств с учетом приоритетных направлений развития экономики и социальной сферы Республики Беларусь и перечень организаций иностранных государств, рекомендуемых для направления на обучение в 2014/2015 учебном году»²⁶, в котором из 40 заявленных специальностей только 11 не могут быть напрямую отнесены к естественным и техническим, то есть тем специальностям, которые составляют основу

²⁵ Сводная аналитическая информация об академической мобильности студентов в рамках государств-членов ЕврАзЭС [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://evrazes.com/docs/view/588>

²⁶ Перечень специальностей для обучения в организациях иностранных государств с учетом приоритетных направлений развития экономики и социальной сферы Республики Беларусь и перечень организаций иностранных государств, рекомендуемых для направления на обучение в 2014/2015 учебном году [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=17181>

инновационного развития любого государства. В этом списке 14 позиций представляют вузы России и 1 – Казахстан, остальные учебные заведения расположены в государствах Западной Европы.

По данным координатора программы TEMPUS в Беларуси Н. Листопада, в 2010/2011 годах в программе ERASMUS MUNDUS приняли участие 230 студентов; в 2012 г. студенты пяти белорусских вузов участвовали в семи программах Евросоюза в сфере высшего образования, в том числе TEMPUS, ERASMUS MUNDUS²⁷. Кроме того, Беларусь наладила обмен студентами с Россией, Китаем, Германией по межправительственным соглашениям.

Что касается входящей мобильности, то в соответствии с национальной программой развития экспорта образования за последние пять лет отмечено существенное увеличение контингента иностранных граждан, обучающихся в стране. Так, по состоянию на 2014 г., в Беларуси обучались иностранные студенты из 98 стран (табл. 3).

Таблица 3. **Обучение иностранных граждан в учреждениях высшего образования Республики Беларусь (на начало учебного года)**

	Численность студентов					
	2007/2008		2012/13		2014/15	
	человек	%	человек	%	человек	%
Всего	5436	100,0	12002	100,0	14 144	100,0
из них из стран:						
Армения	39	0,7	59	0,5	н.д.	-
Казахстан	47	0,9	118	1,0	203	0,8
Россия	2260	41,7	1658	13,8	1567	11,1
Численность студентов-иностранцев в % к общей численности студентов	1,3		2,8%		3,9%	
Источники: Образование в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск, 2013. – 233 с. – С. 159-160; Образование в Республике Беларусь (2014/2015 учебный год): стат. бюллетень. – Минск, 2014. – 47 с. – С. 42.						

Из таблицы 3 видно, что основным поставщиком студентов в белорусские вузы из стран-членов ЕАЭС, является Российская Федерация, хотя абсолютная и относительная численность учебных мигрантов из России неуклонно падает.

Вообще в 2014 г. году основными направлениями экспорта образовательных услуг стали страны СНГ, Азии, Африки, европейского и латиноамериканского региона. Иностранные граждане принимаются на

²⁷ Совместные программы по сотрудничеству и обмену студентами обсуждают сегодня специалисты в Минском офисе программы «ТЕМПУС» (30.3.2012) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=18021&detail=72693>

обучение в рамках межправительственных договоров, а также прямых межвузовских договоров о сотрудничестве. В рамках межправительственных и межминистерских договоров эквивалентный паритетный обмен студентами, магистрантами, аспирантами составил более 200 человек²⁸, в рамках прямых межвузовских договоров ежегодный обмен обучающимися составляет свыше 3 тыс. человек.

Между тем в целом эксперты характеризуют существующую в настоящее время систему академической мобильности, а также систему международных миграций с учебными целями развитыми в РБ слабо.

Армения присоединилась к Болонскому процессу в 2005 г. Министерство образования и науки РА²⁹ запустило программу реализации реформ в области высшего и послевузовского образования в части адаптации структуры, содержания и управления образованием.

В целях интернационализации образования в Армении в рамках Болонского процесса, в том числе и в отношении реализации принципа академической мобильности: ратифицирована Лиссабонская конвенция о взаимном признании квалификаций; введена двухступенчатая система высшего образования (2005); создан Национальный информационный центр академического признания и мобильности (ArmENIC; <http://www.armenic.am/> (2005)); введена кредитная система (ECTS) в системе высшего образования РА (2005); подтверждена программа «Реализация системы степеней трехуровневого высшего образования» (2006); подтверждено введение дополнения (Diploma Supplement) к выпускному документу (диплomu) университета (2007); основан Национальный центр для профессионального образования качества (<http://www.anqa.am/en/>, 2009); подтверждены «Национальные рамки Квалификаций РА»; утвержден Порядок академической мобильности студентов вузов в Армении (2011)³⁰ и принят ряд других мер.

Кроме того, Армения подписала соглашения в сфере образования с рядом государств.

---

²⁸ См., например документ «Обучение граждан Республики Беларусь в учреждениях высшего образования иностранных государств в 2013/2014 учебном году», размещенный на сайте Министерства Образования Республики Беларусь [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=22261>

²⁹ Материалы сайта Министерства образования и науки Республики Армения [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://studyinarmenia.org/bologna-process/the-bologna-process-in-armenia>

³⁰ Порядок академической мобильности студентов вузов утвержден в Армении (25/ 08 2011) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://newsarmenia.ru/society/>

Иностранцы могут учиться в вузах РА бесплатно в соответствии с межправительственными и межведомственными соглашениями, а также будучи представителями армянской диаспоры (квота 70 мест выделяется Правительством РА), а также на контрактной основе в соответствии со специальным Положением, принятым Правительством РА.

В настоящее время в вузах Армении обучается порядка 4000 иностранных студентов, в том числе около 1/3 из трех стран ЕАЭС: Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь (табл. 4 и 5).

Таблица 4. **Обучение иностранных граждан в учреждениях высшего образования Республики Армения (первая ступень), человек**

	2009	2010	2011	2012	2013
Численность иностранных студентов – всего	3 089	3 316	3 036	2 725	3 655
в том числе из стран:					
Российская Федерация	1 130	1 081	1 001	903	1 208
Казахстан	20	25	19	20	22
Белоруссия	3	5	5	4	13
Источник: Статистический ежегодник Армении 2014. – Ереван, 2014. – 143 с., с. 136-138.					

Таблица 5. **Численность иностранных студентов в организациях, осуществляющих программы высшего образования второй ступени, человек**

	2009/10	2010/11	2011/12	2012/13	2013/14
Численность иностранных студентов – всего	233	214	287	275	265
Источник: Статистический ежегодник Армении 2014: Ереван, 2014, 143 с., с. 138. Расшифровки по странам исходе не приводится.					

Обучение граждан Армении за рубежом финансируется, в частности, государственным образовательным фондом «Луйс» («Свет»)³¹. В 2013 г. фонд предоставил стипендии 54, а в 2014 г. – 57 студентам, поступившим в университеты, входящие в десятку лучших вузов мира³². Немаловажным обстоятельством является то, что около 60% обучающихся за рубежом армянских студентов по окончании учебы возвращаются в Армению³³. Вместе с тем, руководство Министерства науки и образования Республики Армения признает, несмотря на наличие потребности в высококвалифицированных специалистах, речи о принудительном возвращении граждан Армении, окончивших зарубежные учебные заведения,

³¹ Фонд «Луйс» (Свет) был учрежден в апреле 2008 г. под патронажем Президента Армении С. Саргсяна. Цель «Луйса» - финансирование обучения армянских студентов в ведущих зарубежных вузах. См.: Ашотян против принудительного возвращения в Армению стипендиатов образовательного фонда «Луйс» (03.06.2013) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.yerkramas.org/ru/article/59191/>

³² Стипендиаты фонда «Луйс» являются залогом будущих побед Армении (Июль 30, 2014) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://analitikaua.net/2014/>

³³ Около 60% обучающихся за рубежом студентов возвращаются в Армению – замминистра newsarmenia.ru 18 сентября 2014.

вестись не может в силу отсутствия в стране необходимых и достаточных условий для работы: «Необходимость в этих кадрах есть, но заставлять их возвращаться мы не можем...опыт Азербайджана и Казахстана показывает, что после принудительного возвращения мотивация их работы очень низкая. ...необходимо создавать возможности для возвращения и условия для работы этих выпускников в Армении»³⁴.

В то же время армянские исследователи признают недостаточно высокое качество и низкий уровень конкурентоспособности национального образования, что также ведет к эмиграционным настроениям молодежи, получающей высшее профессиональное образование³⁵.

В сентябре 2011 г. Болонскую декларацию подписали руководители 11 вузов **Кыргызстана**. До этого момента подписантами Болонской декларации были только два вуза Кыргызстана – Бишкекская финансово-экономическая академия и Международный университет Кыргызстана.

В стране был принят ряд мер, предшествующих ее вхождению в Болонский процесс. Среди них формирование в 2006 г. рабочей группы «Интеграция вузов Кыргызстана в Болонский процесс», создание на базе Учебно-научно-производственного комплекса Международного университета Кыргызстана (УНПК «МУК») Национального информационного центра (НИЦ) по Болонскому процессу в КР в рамках проекта Темпус Европейского Союза³⁶. С 2007 г. УНПК «МУК» выдает приложение к диплому (DiplomaSupplement) европейского образца.

С 2012/2013 учебного года в Киргизии в силу вступила двухуровневая структура высшего профессионального образования с присвоением академических степеней «бакалавр» и «магистр»³⁷. В 2011 г. были утверждены перечни направлений подготовки бакалавров, магистров и специалистов, а также макеты государственных образовательных стандартов.

Помимо этого, Киргизией подписаны соглашения в сфере образования более чем с 60 странами ближнего и дальнего зарубежья. Договорно-правовая база Кыргызской Республики в области образования представлена

---

³⁴ Ашотян против принудительного возвращения в Армению стипендиатов образовательного фонда «Луйс» (03.06.2013) [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.yerkramas.org/ru/article/59191/>

³⁵ Саркисян Н.А. Особенности внедрения Болонской системы в Армении (25 мая 2010) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://dis.finansy.ru/info/010bolon.htm>

³⁶ Вхождение в Болонский Процесс [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.iuk.kg/Mejdunarod/Bolon>

³⁷ Киргизия присоединилась к Болонскому процессу (29 августа 2011) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ug.ru/news/1697>

75 соглашениями, в рамках которых кыргызские граждане имеют возможность обучаться в образовательных учреждениях *Российской Федерации*, Японии, Турецкой Республики, Китайской Народной Республики, Украины, *Казахстана*, Арабской Республики Египет и т.д., которые зарекомендовали себя как элитные и востребованные в рамках мирового сообщества³⁸. По данным Министерства образования и науки Киргизии, наибольшее количество мест в государственных высших учебных заведениях для студентов из Киргизской Республики ежегодно предоставляют *Российская Федерация* и Турецкая Республика³⁹.

Самым крупным партнером республики по обмену студентами остается Россия. Ежегодно российская сторона выделяет для граждан Киргизии более 120 мест в государственных вузах. Из них 70 – по программам бакалавриата, 30 – по линии Организации Договора о коллективной безопасности⁴⁰, 15 – для послевузовского обучения (ординатура, аспирантура). Так, если в 2009/2010 учебном году в 26 вузов России были направлены 130 студентов из Киргизии⁴¹, а в 2014/2015 учебном году Российское правительство выделило Киргизии уже 465 квот для зачисления на бюджетное обучение.⁴² Большинство студентов получают техническое образование, поскольку страна испытывает недостаток именно таких специалистов, а в Киргизии их готовят только три вуза – КГУСТА, КТУ и Ошский технологический университет⁴³. По данным Минобразования Киргизии, в России в 2014/2015 учебном году в вузах Томска, Иркутска, Костромы, Кемерово, Екатеринбурга, Челябинска, в технических вузах Новосибирска, Санкт-Петербурга, Казани, Набережных Челнов обучаются более 2500 граждан Киргизии⁴⁴. Из общего числа студентов почти 1000 человек получают образование на основе межправительственных и межведомственных соглашений⁴⁵.

---

³⁸ Материалы сайта Министерства образования и науки Кыргызской Республики [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://edu.gov.kg/>

³⁹ Гордеев А. Больше всего молодых киргизстанцев учится за рубежом в вузах России и Турции // Российская газета Неделя. – Киргизия, 2012. – 2 авг. – № 5849 (176).

⁴⁰ Страны-участницы: *Россия, Беларусь, Армения, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан*.

⁴¹ Студенты из Киргизии хотят учиться в России (11.03.2011) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ruvek.info>

⁴² Молодежь Киргизии хочет учиться в российских вузах (29.09.2014) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ruvek.info/?module=news&action=view&id=14813&theme=16>

⁴³ Студенты из Киргизии хотят учиться в России (11.03.2011) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ruvek.info>

⁴⁴ Молодежь Киргизии хочет учиться в российских вузах (29.09.2014) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ruvek.info>

⁴⁵ Материалы сайта Министерства образования и науки Кыргызской Республики. – Реж. дост.: <http://edu.gov.kg>

Кроме России и Турции, Киргизия сотрудничает с Китаем (20 бюджетных мест ежегодно), Индией (20), Египтом (10), Южной Кореей (4), *Беларусью* (в 2012 г. – 4 места), Чехией (2), *Казахстаном*, Украиной, Таджикистаном⁴⁶.

Однако масштабы исходящей миграции с учебными целями в Киргизстане невелики. Например, согласно Аналитическому отчету о деятельности Министерства труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики за 2013 г., количество молодых людей, получивших поддержку для участия в международных, культурных, научных, образовательных мероприятиях и в зарубежных программах стажировок, составило в 2012 г. – 15, а в 2013 г. – 100 человек⁴⁷. Отметим, что одним из источников финансирования зарубежного образования для граждан Киргизии является Международный общественный фонд «Инициатива Розы Отунбаевой»⁴⁸.

В Кыргызской Республике также очень животрепещущей является проблема возвращения студентов, получивших образование за рубежом, на родину и дальнейшее их трудоустройство. «Большинство выезжающих на обучение за рубеж студентов, как правило, не возвращаются на родину. Особенно...обучающихся в России и Турции», – отмечает глава МИД Киргизии⁴⁹. Например, по официальным данным, в России остаются 70–80% выпускников из КР – в надежде на получение рабочего места⁵⁰. Государство признает свое бессилие в решении вопроса возвращения образованных молодых специалистов из-за рубежа: «на данном этапе ведомство не может повлиять на решение студентов-невозвращенцев. ...Для того чтобы заставить студентов возвращаться на родину и работать для развития страны, мы должны создать соответствующие условия. Сейчас же мы не можем этого сделать».

---

⁴⁶ Гордеев А. Больше всего молодых киргизстанцев учится за рубежом в вузах России и Турции // Российская газета Неделя. – Киргизия. – 2012. – 2 авг. – № 5849 (176).

⁴⁷ Материалы сайта Министерства труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://jashtar.org/news/>

⁴⁸ Международный общественный фонд «Инициатива Розы Отунбаевой». Организован в 2012 г. с целью инициирования и проведения программ и проектов, способствующих социальному, политическому, экономическому развитию Кыргызской Республики. Фонд реализует инициативы по четырем основным программам, среди которых *Инвестирование в будущие поколения; Устойчивый социальный рост*.

⁴⁹ Кыргызские студенты, обучающиеся за рубежом, не хотят возвращаться на родину – МИД (21.02.2011) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://kyrtag.kg/news/>

⁵⁰ Гордеев А. Больше всего молодых киргизстанцев учится за рубежом в вузах России и Турции // Российская газета Неделя. – Киргизия. – 2012. – № 5849 (176). – 2 авг.

Что касается *входящей миграции с образовательными целями*, то ее динамика приведена в таблице 6.

Таблица 6. **Численность студентов из зарубежных стран**
(на начало учебного года, человек)

	2009/2010	2010/2011	2011/2012	2012/2013	2013/2014
Всего	16425	13180	10167	11263	11662
в том числе из стран СНГ					
Всего	12 994	9 814	7 068	7 977	8 195
из них из стран:					
Армения	2	3	8	1	-
Белоруссия	41	-	3	8	-
Казахстан	3 107	2 700	2 941	4 357	4 338
Россия	842	818	847	927	1 225
в том числе из других государств					
Всего	3 431	3 366	3 099	3 286	3 467
Источник: Образование и наука в Кыргызской Республике, 2009–2013: стат. сб. – Бишкек, 2014. – 315 с. – С. 295.					

В целом динамика имеет понижительный характер, однако на общем фоне можно отметить некоторое увеличение численности обучающихся в Киргизии граждан *Казахстана* и *России*. Иностранцы осваивают медицинские и технические специальности, лингвистику⁵¹. На сайте Минобразования КР представлена информация, что на международном рынке образования имеется спрос на высшее медицинское образование, предлагаемое вузами Кыргызстана⁵². Упоминается также, что граждане Республики *Казахстан* предпочитают техническое образование⁵³. По данным Минобразования КР, в региональных вузах обучаются иностранные граждане из Узбекистана, *Российской Федерации*, Сирии, Турции, *Казахстана*, Таджикистана, Туркмении, Пакистана, Южной Кореи, Афганистана, Индии, Кореи, Германии, Ирана, Китая, Африки и др.

Несмотря на оптимистичные описания международных отношений Республики Киргизия в области образования, исследователи отмечают слабый уровень высшего профессионального образования в стране: «уровень высшего образования в Киргизии оставляет желать лучшего. По данным независимых экспертов, из-за низкого качества обучения, а также крайне широкого распространения коррупции в данной сфере, лишь 10% (!) студентов после окончания вуза могут считаться компетентными

⁵¹ Образование и наука в Кыргызской Республике, 2009–2013: стат. сб. – Бишкек, 2014. – 315 с. – С. 293, 295.

⁵² Материалы сайта Министерства образования и науки Кыргызской Республики [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://edu.gov.kg/>

⁵³ Гордеев А. Больше всего молодых киргизстанцев учится за рубежом в вузах России и Турции // Российская газета. Неделя. – Киргизия. – 2012. – № 5849 (176). – 02 авг.

специалистами»⁵⁴. Это также провоцирует миграционные настроения киргизстанской молодежи.

В целом можно констатировать, что при «инерционном» сохранении привязки миграционных установок с образовательными целями граждан Киргизии к постсоветскому пространству они объективно все в большей мере переориентируются в азиатском направлении.

В целом можно сделать вывод о выраженной тенденции сохранения ориентации принимающего сегмента миграции государств ЕАЭС с образовательными целями на страны постсоветского пространства, а также сохранении позиций России в качестве центра образовательной миграции этих государств.

Резюмируя изложенное, следует, вероятно, оттолкнуться от мнения Л.А. Колесника, вполне справедливо высказавшегося в отношении ряда государств, и распространить его мнение на всю совокупность стран-участниц ЕАЭС: «Россия относится к группе стран, ориентированных на импорт-экспорт образования (также как и Польша, Украина, Беларусь, Турция). Страны этой группы имеют низкий уровень как входящей, так и исходящей мобильности; они импортируют преимущественно англоязычные образовательные продукты, предлагая определенные образовательные программы для молодежи из развивающихся стран и стран-соседей»⁵⁵. Однако это мнение не следует воспринимать как повод для пессимизма. Следует подходить к нему с другой точки зрения: как потенциально широкого поля для решения задач развития межгосударственной академической мобильности в рамках, в частности, ЕАЭС.

---

⁵⁴ Михайлов Г. В Бишкеке стали учить граждан, как выжить за границей // Независимая газета. – 2008. – 8 дек.

⁵⁵ Колесник Л.А. Международная академическая мобильность студентов [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.rudana.in.ua/showanalit_40.htm

Секция 3

Гуманитарное сотрудничество, расширение условий для развития человеческого потенциала регионов в Евразийском экономическом пространстве

Направления работы:

- ✓ социальная сфера регионов (образование, здравоохранение и социальная защита, культура): достижения и проблемы;
- ✓ возможности и перспективы межрегионального сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза по развитию отраслей социальной сферы;
- ✓ возможности и перспективы сотрудничества стран-участниц Евразийского экономического союза по сохранению историко-культурного наследия и развитию туристского потенциала регионов;
- ✓ развитие информационно-коммуникационных связей между регионами в рамках Евразийского экономического пространства.

Андреев Э.М.
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН
(Россия, г. Москва)

**Современные процессы евразийской интеграции:
теоретико-методологические и практические аспекты реализации**

Современный мир хотя и стал более открытым, прозрачным, взаимосвязанным, но вовсе не делается при этом доступнее, проще, понятнее, гуманнее и безопаснее. Наоборот, он становится всё более многообразным и противоречивым, неоднозначным и неопределённым, турбулентным, а потому всё более жёстким, уязвимым и опасным.

Процессы становления новой социальной реальности подтверждают существующие прогнозы о том, что вызовы и угрозы, опасности и риски в этом мире, острота проблем и кризисов будут не просто возрастать, а возрастать по экспоненте. Что касается различных человеческих сообществ, то они в настоящее время представляют собой многообразную совокупность *сложных социальных систем*, призванных выполнять общие функции *целеполагания, самоорганизации и самоизменения, открытости и самодостаточности, субъективности*, т.е. *понимания происходящего и социального действия в направлении своего целостного развития*. Речь объективно и по существу идёт о необходимости продвижения человечества к **глобальному единству**, к реальной консолидации, сплочению и сотрудничеству. При этом весьма противоречиво проявляется одна из самых существенных особенностей процессов сохранения, изменения и развития сложных социальных систем: любая их них имеет по каждому жизненно важному параметру свою энтропийную границу, переход за которую означает гибель рассматриваемой системы как единого целого [1, с. 22].

Академик Н.Н. Моисеев ещё более 15 лет назад, исходя из результатов своего фундаментального исследования, основанного на синтезе естественнонаучного и социально-гуманитарного знаний, пришёл к следующему выводу относительно современного состояния человечества: постепенно мы начинаем понимать – общество стоит сейчас на пороге катастрофы, потребовавшей перестройки всех оснований своего планетарного

бытия. Может быть, даже на пороге нового этапа антропогенеза. И мы только подходим к пониманию того, что человечество уже исчерпало тот потенциал своего развития, который оно получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза [2, с. 13]. В итоге среди многих актуальных и острых проблем жизнедеятельности современного мирового сообщества Н.Н. Моисеев выдвигает в качестве центральной главной и общесистемной **проблему соответствия (когерентности)** существующих способов и форм общественной жизни масштабам и глубине, ускоряющимся темпам и динамике глобальных изменений, происходящих в мире. В связи с этим становится естественным искать ответ на *основной вопрос нашего времени*: «Возможно ли преодоление пропасти между необходимостью подчинить своё поведение *требованиям реальности* и *реальными способностями* человека и человечества подчинить себя этим ограничениям?» [2, с. 13].

Речь при такой постановке вопроса идёт, следовательно, не только о необходимости смены очередного этапа движения истории, в основном **стихийного** и **человекозатратного** по своему характеру, но и о формировании нового типа цивилизационного развития – *саморегулируемой природно-социально-культурной коэволюции*, которая требует как новой социально-экономической и социально-политической организации общества, так и иной культуры мышления и деятельности человека, основанной на принципах социального и индивидуального творчества, креативности и самоорганизации.

Таким образом, в наиболее фундаментальном и долгосрочном смысле нынешние проблемы человеческого мира носят вовсе не конъюнктурный характер. По большому счёту то, с чем он сегодня сталкивается – это общесистемный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации как зримое проявление перехода в новую социально-культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху, миновать которого объективно не может никто. В частности, XXI век уже обещает стать и становится веком больших изменений, эпохой формирования крупных *геополитических материков* – финансово-экономических, военно-политических, социально-культурных, цивилизационных.

Обобщённый анализ существующих концепций и стратегий развития современного мира – от концепций ноосферы и устойчивого развития, стратегий формирования постиндустриального информационно-

коммуникативного общества знаний и культуры до концепции человеческого развития в целом – даёт основания для выделения и определения в качестве одной из основных *особенностей* происходящего ныне во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества **интеграционной тенденции** как обладающей наивысшими перспективами в процессе дальнейшего развития государств, культур и цивилизаций.

Налицо тесная связь интеграционной тенденции с глобализацией, на фоне развивающихся процессов которой идёт расширение *интеграционных практик* в различных регионах мира, в частности, повышения **социальной эффективности** систем регулирования интеграции. В стороне от этих процессов, разумеется, не могут оставаться государства и общества, располагающиеся в пределах евразийского пространства. На авансцену истории призвана выйти Евразия – самый крупный и богатый регион мира.

В современных условиях усиления борьбы за господство и власть, территории и ресурсы не случайно З. Бжезинский в своей известной книге «Великая шахматная доска» назвал Евразию «главным геополитическим призом для Америки», особо отмечая, что «глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться её превосходство на Евразийском континенте» [3, с. 108-109].

«Евразийская шахматная доска. Новая «холодная война» США против России» – под таким названием в ФРГ в 2012 г. был опубликован фундаментальный труд Б. Роде, насчитывающий 1245 страниц текста, к которому прилагаются 4885 сносок на различные источники [4, с. 241-243]. Этот труд даёт развёрнутое представление об особенностях становления и развития геополитической экспансии США с XIX в. до наших дней. Но особое место в научном исследовании Роде отведено раскрытию *мотивов* и *методов* антироссийской политики США именно в новой «холодной войне».

В результате Роде приходит к выводу, что *политика* и *стратегия глобального господства* частью которого является не только превращение России в вассала США, но и овладение доступом к её природным и энергетическим ресурсам с помощью «непрямых действий», т.е. без применения военной силы и занятия территории, – всё это неизбежно закончится провалом, все признаки чего налицо. Однополярный мир уже стал многополярным. Доля США в мировой экономике сократилась с 50% в 1945 г. до 25% уже в 2008 г. «Имперское перенапряжение» стало

непосильной ношей даже для такой могущественной страны, как США. Роде заканчивает свою книгу словами: «Следовательно, всякое стремление к господству таит в себе зародыш своего собственного поражения» (S. 1116) [4, с. 243].

Суть дела состоит в том, что альфой и омегой интеграции западного типа была и остаётся идея максимизации прибыли и минимизации издержек, создание легко манипулируемого и управляемого общества потребления. Именно ради этой цели были разрушены СССР и социалистическая система как альтернатива капитализму, разрабатывались и внедрялись всевозможные «пределы роста», «постиндустриальное развитие», «эффективный менеджмент», Болонская система, реформа РАН и т.п.

Новый российский интеграционный проект для Евразии – это веление времени, глобальная заявка на самостоятельную конструктивную позицию в мире, на создание иной, базирующейся на тесной интеграции, на новой ценностной, политической и экономической основе, а не на принципах атлантизма и неолиберализма западных систем. Этот геополитический проект в отличие от западного – не проект потребительского общества, нацеленного на возвращение «квалифицированного потребителя», способного умело пользоваться результатами деятельности других. Проект евразийской интеграции сегодня может и должен быть основан на *антиэксплуататорском мировоззрении, на социально-культурной миссии.*

Не секрет, что мишенью Запада на пространстве Евразии является не какая-либо из конкретных идеологий развития того или иного проекта, осуществляемого Россией, а прежде всего сама *российская проектность* как таковая [5, с. 40, 42-43]. Именно непонимание, равно как и игнорирование *проектного характера всемирно-исторического процесса в целом*, в современный период ведёт к глубоко ошибочному видению России только как части Европы, либо в западных проектах России нет места вообще, либо предполагается её расчленение или низведение до уровня сырьевого придатка [6, с. 25-26].

Между тем **потребность** в консолидации и интеграции своего цивилизационного пространства, а значит, в формировании и реализации собственного глобального проекта для России *естественна и объективна.* Тем более что сегодня она становится ведущим мировым игроком и стремится к объединению Евразии, опираясь на экономический прагматизм и

добровольность интеграции, на *принципы* равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ; консенсуса и учёта интересов каждой страны-участницы; наделения наднациональных органов чёткими и реальными полномочиями. Но для проектирования и осуществления столь масштабных процессов в истории, каковыми ныне выступают процессы евразийской интеграции, необходимы определённые **объективные основания**.

И они у России есть и заключаются в самой большой и богатой ресурсами территории мира; выгодном пространственном положении; особом культурно-цивилизационном коде, культуре, религии; в выдающихся научных достижениях; успешном опыте создания сверхсложных технических и социальных систем; в опыте переустройства мировой социально-экономической системы, в практике системного антикапитализма и др. [6, с. 24]. Таким образом, именно Россия, являясь одним из геополитических центров Евразии, обладающая самыми мощными на постсоветском пространстве экономическими, военными, политическими, информационными и психолого-волевыми ресурсами, может и должна стать центром, ядром новой архитектоники мира. Разумеется, что при этом речь вовсе не идёт о реставрации разрушенного СССР, тем более – Российской империи, о чём проявляют беспокойство определённые круги в ближнем и дальнем зарубежье.

Что же *мешает* в России или, наоборот может *способствовать* осуществлению в современный период реальных процессов евразийской интеграции?

В целом представленные российским политическим руководством к обсуждению и для реализации новые концепты и идеология развития, а также Евразийский интеграционный проект, вне сомнения, содержат целый ряд позитивных идей, положений установок и позиции. Однако вместе с тем они вызывают и немало конкретных вопросов, касающихся сегодняшней ситуации в стране: о причинах стагнации экономики, о результатах реализации шести национальных проектов и стратегий инновационного развития, модернизации, антикризисных программ и планов; о реформах политической системы, сфер образования, науки и культуры, решении многих других проблем, связанных, прежде всего, с серьезным отставанием России в росте **человеческого потенциала и социального капитала**, с

определенными показателями макропсихологического состояния российского общества, уровня его субъектности, способности к самовоспроизводству человеческого развития в целом и др.

Успешная реализация нового заявленного Евразийского интеграционного проекта, ставшего стратегическим направлением внешней политики России, оказывается возможной, следовательно, лишь при конструктивном, последовательном и комплексном воплощении в жизнь всех взаимосвязанных *позитивных* предпосылок, условий и факторов. Внешнеполитическая решимость Российской Федерации при этом должна сопрягаться с внутривнутриполитическими, экономическими и социальными **реальными переменами**.

Разумеется, диктуемые жизнью необходимые изменения в стране идут и сегодня, но идут весьма мучительно, болезненно, низкими темпами, с громадными потерями, не решая старые и порождая новые проблемы, причины и характер которых уже нельзя отождествлять со стихийными природными катаклизмами. Они «рукотворные». Корень этих проблем – в накопившихся **противоречиях и дисбалансах**.

Россия среди всех государств мира имеет наивысшую долю национального богатства, приходящуюся на душу населения – 400 тыс. долл., а также наивысшую долю природного капитала – 40%, но при этом низшую долю производственного капитала – всего 10%. По оценкам зарубежных и отечественных экспертов, Россия, будучи одной из самых богатых стран мира, имея большие возможности для использования своих конкурентных преимуществ, ресурсов развития, преодоления кризисов, а главное – для удовлетворения интересов и потребностей народа, оказалась в числе тех, кто наиболее неэффективно, расточительно и нерационально эти возможности и ресурсы реализует. К примеру, уровень государственных расходов на социально-экономическое развитие в России все «тучные» годы притока нефтедолларов был одним из самых низких в мире. Он не соответствует ни требованиям *социального государства*, ни потребностям развития *человеческого потенциала*, по индексу развития которого, еще раз подчеркнем, Россия скатилась в число слаборазвитых стран [7, с. 17, 37].

О реальных масштабах **бедности** в стране – около 30% всего населения – догадываются лишь немногие специалисты (Е.Ш. Гонтмахер, И.Я. Богданов). Однако трудно сегодня не согласиться с существующей

точкой зрения о том, что главным вызовом для России сейчас является **системная коррупция**. Важно понимать, что и бедность, и коррупция имеют единую основу – превращение *российской бюрократии* в доминирующий субъект жизнедеятельности государства и общества. Её реальная заинтересованность состоит по преимуществу в воспроизводстве и стабилизации собственной власти и благополучия. Поэтому она способна осуществить подмену реального решения действительных проблем страны **псевдореальностью**: псевдоинтеграцией, псевдореформами, псевдобезопасностью и псевдоблагополучием большинства граждан; а также псевдемократией, псевдоборьбой с коррупцией и криминалом, псевдознанием, псевдокультурой и т.п.

В связи со сказанным вызывают интерес социологические данные, которые привела в своём выступлении в январе 2015 года на форуме НКО «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития» уполномоченная по правам человека Э. Памфилова. Она обратила внимание президента страны на растущую пропасть между чиновниками и населением. Об имеющихся противоречиях заявили 34% опрошенных россиян. Тогда как разница между богатыми и бедными беспокоит 25% респондентов, а религиозные и межэтнические различия – 12% [8, с. 2].

Таким образом, жизнеспособность государственности и общества в России и других странах, включая стран-участниц процессов евразийской интеграции, определяется ныне прежде всего тем, как они «производят» своё **будущее**. Инновационная система управления, опираясь на достижения современной науки, рассматривает будущее не как угрозу и не как следствие, а как **причину** настоящего. Поэтому она стремится к формированию *социального взаимодействия нового типа*, которое всё больше включает в себя *культурные составляющие* и всё больше подчиняется логике культурно-духовной коммуникации. Сама **культура** при этом является способом *ценностного, смыслового понимания реальности*, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, т.е. сферой *поиска, проектирования и конструирования* новых социальных и личностных **источников** и **устоев** человеческого мира, без которых невозможно сформировать общество, базирующее собственное **благополучие** на **внутреннем развитии** своих граждан и не позволяющее приносить их в жертву очередным проектам «светлого будущего», навязанного им новоявленными реформаторами **извне**.

Исследование теоретико-методологических аспектов реальных интеграционных процессов, следовательно, требует анализа их адекватности **реалиям** современного мира и направленности на определение общих тенденций развития этих процессов. Однако ни одна из существующих моделей интеграции не была создана по одному и тому же, например, европейскому, образцу. Интеграционные процессы – сложные и многомерные явления, поэтому та или иная модель региональной интеграции не может быть автоматически перенесена на другие регионы [9, с. 327-334].

Особенностью экономической регионализации на постсоветском пространстве является то, что в ней участвуют новые независимые государства (ННГ) – части единого в прошлом государства. В процессах постсоветской интеграции, так или иначе, прослеживается действие нескольких факторов: 1) высокая экономическая и социальная дивергенция ННГ, которая затрудняет коммуникации между элитами, народами и экономиками; 2) незавершенность формирования идентичности большинства новых государств и существующие исторические конфликты и противоречия; 3) значительные институциональные различия между странами при высоком уровне централизации управления; 4) экономическое доминирование России на постсоветском пространстве (более 3/4 общего ВВП) при ее технологической слабости; 5) топливно-сырьевая специализация экономики ведущих стран региона; 6) слабо развитая инфраструктура при большой протяженности пространства; 7) соприкосновение на западе с самой успешной интеграционной группировкой мира – ЕС, на востоке – с самой динамичной и быстро растущей экономикой мира – Китаем.

На сегодняшний день постсоветское пространство довольно сильно дифференцировано по интеграционным приоритетам [10, с. 107].

Знание общих и особенных закономерностей и тенденций интеграционных процессов, применение опыта успешных интеграционных объединений позволяют выработать адекватную стратегию, способствующую развитию различных форм интеграции в современном мире.

Литература

1. Горский, Ю.М. Хаос, управление, конкуренция / Ю.М. Горский. – Якутск, 1991.

2. Моисеев, Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. – М., 1998.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М., 2001.
4. Rode, B. Das Europäische Schachbrett. Amerikas neuer / B. Rode // Kalter Krieg gegen Russland. – Hohengen, 2012.
5. Дашичев, В.И. Европейская шахматная доска. Новая «холодная война» США против России / В.И. Дашичев // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 6.
6. Павленко, В.Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот / В.Б. Павленко. – М., 2011.
7. Пономарева, Е. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России / Е. Пономарева, Г. Рудов // Обозреватель. Observer. – 2013. – Сент.
8. Глазьев, С.Ю. Упущенные возможности и условия экономического роста / С.Ю. Глазьев // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г.: анализ и прогноз. – М., 2011.
9. Московский комсомолец. – 2015. – 16 янв.
10. Папба, Д.А. Теоретико-методологические аспекты изучения интеграционных процессов / Д.А. Папба // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 3.
11. Вардомский, Л. Евразийский экономический союз. Как реализовать возможности? / Л. Вардомский // Московский экономический форум 2015. Установочные доклады пленарных дискуссий. – 2015. – 25-26 мар.

Головчин М.А.
кандидат экономических наук,
научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Формирование механизмов частно-государственного партнерства в профессиональном образовании в рамках Евразийского экономического союза: опыт России и Казахстана

В условиях формирующейся инновационной экономики образование как отрасль, отвечающая за подготовку активных и творческих кадров, становится «драйвером» экономического роста.

В то же время, как показывает сложившаяся в современном мире ситуация, далеко не во всех случаях накопленный в образовательной сфере потенциал реализуется в конкретных показателях экономического роста. Об этом, в частности, свидетельствует пример стран, действующих на постсоветском пространстве. Так, по значению глобального индекса инноваций¹ (ГИИ) бывшие советские республики уступают и Швейцарии (в 1,9 раза), и Японии (в 1,6 раза), и Китаю (в 1,4 раза), в которых уровень участия населения в профессиональном образовании не превышает 40 чел. в расчете на 1 тыс. нас., что заметно меньше, чем в СНГ. Существенной причиной этого является сохранение в колледжах и университетах *отраслевой* модели профессионального образования, которая была характерна для советской экономики. Эта модель характеризуется сильной ролью государства, которое единолично в плановом порядке определяет объемы подготовки квалифицированных кадров. Для развивающихся же сейчас креативных индустрий необходима не отраслевая, а *кластерная* модель, обеспечивающее сотрудничество независимых компаний и университетов, основанных на модели государственно-частного партнерства [1, с. 4].

В России некоторые инструменты государственно-частного партнерства в профессиональном образовании впервые были включены в

---

¹ Индекс представляет собой обобщенный показатель для измерения уровня инноваций в стране, разработанный Бостонской консалтинговой группой, Национальной ассоциацией производителей и Институтом производства. При построении индекса используются 84 показателя, дающие возможность оценить как инновационный потенциал страны, так и измеримые результаты внедрения инноваций.

разработанную Министерством образования и науки РФ «Стратегию развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года» (одобрена Коллегией Минобрнауки России 18 июля 2013 г., протокол № ПК-5вн). В то же время представители бизнеса на сегодняшний момент отдают приоритет традиционным и выверенным путям сотрудничества, таким как организация стажировок и практик на предприятиях. Как говорят данные опроса работодателей, проведенного НИУ Высшая школа экономики в 2013 году², подобным образом с вузами взаимодействует 31% руководителей российских предприятий, с техникумами и колледжами – 30%. Заметно увеличивается число предпринимателей, участвующих в днях открытых дверей и ярмарках вакансий в образовательных организациях. Наиболее сложные формы взаимодействия (организация совместных коммерческих предприятий, представительств компаний, участие работодателей в попечительских советах), которые требуют детальной проработки стратегии совместных действий, создания новых организационных структур, формирования нормативной документации, имеют эпизодический характер [14, с. 20].

Подобная ситуация в сфере государственно-частного партнерства характерна и для отдельных регионов России. Для примера приведем некоторые результаты экспертного опроса работников учреждений профессионального образования Вологодской области, который был проведен Институтом социально-экономического развития территорий РАН совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом в декабре 2014 г. (табл. 1). Согласно им большая часть (92%) опрошенных экспертов констатировала, что в их организациях взаимодействие с работодателями проходит в форме заключения договоров о прохождении учебных практик. Договоры о целевой подготовке специалистов для отраслей экономики и социальной сферы заключаются далеко не всеми учреждениями. Подобная деятельность характерна в большей степени для высшего, чем для среднего профессионального образования (54% против 30%). Наиболее часто (100%) к практике заключения таких договоров обращаются

---

² Ежегодный опрос работодателей по проблемам занятости развития кадров, проблеме взаимосвязи профессионального образования и рынка труда, который проводится НИУ ВШЭ начиная с 2005 г. Общий объем выборки – 1000 чел.

образовательные организации инженерно-технического профиля, крайне редко (14%) – педагогического.

Таблица 1. Формы взаимодействия образовательных учреждений Вологодской области с организациями-работодателями, в % от числа опрошенных экспертов

Аспект	Всего по опросу	Типы ОУ		Категории работников	
		ВПО	СПО	Администрация	ППС
Договоры о прохождении практики студентами	91,2	88,1	95,2	94,1	90,3
Участие в работе государственных аттестационных комиссий	64,6	58,3	73,0	73,5	61,9
Договоры о целевой подготовке специалистов	43,5	53,6	30,2	50,0	41,6
Проведение совместных исследований и разработок	36,1	44,0	25,4	44,1	33,6
Организация представительства компании в образовательном учреждении (кафедры, центра карьеры и т.д.)	8,8	14,3	1,6	11,8	8,0
Участие в попечительских советах	6,1	4,8	7,9	11,8	4,4
Организация совместных коммерческих предприятий	8,2	2,4	15,9	8,8	8,0
Не взаимодействует	0,7	1,2	0,0	0,0	0,9

Примечание: ВПО – организации высшего профессионального образования (академии, университеты, институты); СПО – организации среднего профессионального образования (колледжи, техникумы); ППС – профессорско-преподавательский состав.
 Источник: данные экспертного опроса среди руководителей и преподавателей организаций среднего и высшего профессионального образования Вологодской области (декабрь 2013 г.). В ходе исследования было опрошено 147 чел. (из них 113 преподавателей и 34 руководящих работника).

Обращает на себя внимание тот факт, что образовательные организации самостоятельно делают успешные попытки построения диалога с бизнесом на основе специальных программ взаимодействия. В 75% случаев руководящие работники техникумов и вузов отмечают, что эти программы носят профориентационный характер. Наименее распространены программы по развитию одаренности, творческих и интеллектуальных способностей студентов – по организации творческих конкурсов, стипендиальной поддержке (31%), развитию талантов (6%). В то же время результативность использования подобных программ весьма велика. Так, 46% экспертов в учреждениях, которых работают по программам организации творческих конкурсов, высоко оценивают уровень развития креативности у своих студентов. Среди тех, кто работает в учреждениях, в которых действуют программы стипендиальной поддержки талантливой молодежи, этот показатель составляет 52%.

Узость интересов бизнеса при осуществлении взаимодействия с образовательными организациями в рамках государственно-частного партнерства в большинстве случаев делает этот институт достаточно формальным и неэффективным. Так, невелика (54%) доля экспертов из

вологодских техникумов и вузов, считающих, что в ходе взаимодействия с работодателями содержание образования стало в большей степени отвечать требованиям работодателей. Всего 38% экспертов считают, что в результате сотрудничества с бизнесом ускорилась профессиональная адаптация выпускников.

Во многом характер и эффективность сотрудничества бизнеса с образовательными учреждениями связаны со степенью зрелости предприятия-партнера. Как свидетельствуют данные мониторинга НИУ ВШЭ, более разносторонний опыт сотрудничества с учреждениями профобразования имеют немногочисленные фирмы, недавно прошедшие этап технологической модернизации и давно использующие институциональные практики в области развития персонала [14, с. 51]. Большинство представителей реального сектора экономики, включаясь в сферу государственно-частного партнерства, не воспринимают ее как единый механизм решения проблем не только профессионального образования, но и собственной организации, поскольку не находятся на высоком уровне организационного развития и вынуждены акцентировать внимание на решении текущих задач.

В плане реализации государственно-частного партнерства иная обстановка сложилась в системе профессионального образования Республики Казахстан. Сотрудничество бизнеса и учебных заведений в республике имеет законодательную, институциональную и инфраструктурную поддержку. Законодательная база Казахстана, регулирующая вопросы государственно-частного партнерства, более богатая, чем в России, и насчитывает 35 отдельных законодательных актов [10].

На сегодняшний день в Казахстане сформировалось несколько прорывных направлений взаимодействия образования и частного бизнеса:

- 1) совместное создание образовательных и инновационных площадок, открытие лабораторий и филиалов научных кафедр на производстве;
- 2) проведение совместных научных исследований;
- 3) оснащение образовательных организаций современным учебным и производственным оборудованием;
- 4) подготовка студентов в соответствии с запросами работодателей;
- 5) предоставление образовательных грантов наиболее талантливым студентам (табл. 2).

Таблица 2. **Некоторые примеры государственно-частного партнерства в системе профессионального образования Республики Казахстан***

Партнеры		Направление взаимодействия	Результаты партнерства
Образовательная организация	Компания		
1. Казахский национальный технический университет им. К. Сатпаева	Корпорация «Шеврон» (США)	Создание образовательных и инновационных площадок	В университете созданы: - 5 учебно-образовательных, научно-исследовательских центров; - совместное предприятие «Тенгизшевройл»
2. Казахский национальный университет им. аль-Фараби	Крестьянское хозяйство «МАНШУК»		Создан биотехнологический комплекс «Вермикультура»
3. Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова	ОАО КЕГОК, АО «Казахстанский электролизный завод»		Создан региональный центр инноваций и трансфера технологий
	Евразийская энергетическая корпорация Аксуский ферросплавный завод ТОО «Компания Нефтехим LTD» ПФ ТОО «KSP Steel» ТОО «Полимер»	Открытие филиалов научных кафедр на производстве	
4. Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова	АО «КазАгроИнновация»	Проведение совместных научных исследований	С участием представителей бизнес-сообщества на базе опытного хозяйства проводятся совместные научные исследования
5. Карагандинский государственный технический университет	Компания «Тоталь» (Франция)	Оснащение учебным и производственным оборудованием, необходимым для проведения научно-образовательного процесса	Создан Казахстанский институт сварки, укомплектованный новейшим сварочным оборудованием иностранного производства и оснащенный мультимедийным оборудованием и учебно-методическими материалами
6. Семипалатинский геологоразведочный колледж	ОАО «Азимут Энерджи Сервиз» ЗАО «Топаз» ОАО «Данк» ОАО «Казхром» ОАО НАК «Казатомпром»	Подготовка студентов в соответствии с запросами работодателей	Предоставление мест для прохождения производственной практики студентов
7. Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир хана	Группа компаний «Конденсат»; АО «Агрореммаш»	Предоставление студентам грантов	Около 100 студентов университета обучаются по образовательным грантам компаний

* Составлено по материалам официального сайта Министерства образования и науки Республики Казахстан [Эл. рес.]. – Реж. дост.: edu.gov.kz

Кроме того, согласно данным мониторинга Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы в 2012 г. в 57% учреждений профессионального образования республики действовали попечительские советы, созданные с привлечением бизнес-

сообщества. Четыре вуза имели наблюдательные советы. В 2012 г. за счет средств работодателей обучались 5195 студентов организаций технического и профессионального образования (0,9% от общего количества студентов) [7].

Необходимо отметить, что решению вопросов государственно-частного партнерства в профессиональном образовании на высоком организационном уровне способствует деятельность специальных структур – Координационного совета по государственно-частному партнерству при Правительстве Республики Казахстан и Казахстанского центра государственно-частного партнерства. Последний был создан в 2008 г. при Министерстве экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан как акционерное общество для решения таких задач, как: 1) обеспечение высокого качества оценки и экономической экспертизы концессионных и бюджетных инвестиционных проектов; 2) разработка рекомендаций для государственных органов по совершенствованию институциональной системы в области государственно-частного партнерства. Помимо того Центром оказывается методологическая помощь участникам партнерства, проводятся встречи с потенциальными концессионерами и инвесторами в рамках международного сотрудничества, организовываются обучающие мероприятия и т.д. [4].

Продуманная стратегия в области государственно-частного партнерства в сфере образования позволяет колледжам и вузам Казахстана выстраивать прочные отношения с бизнес-структурами. Об этом говорят результаты исследования удовлетворенности работодателей деятельностью образовательных организаций, которое в 2014 г. проведено британским агентством «Quacquarelli Symonds» в ходе построения рейтинга лучших университетов мира. По версии этого агентства для двух вузов Казахстана – Казахского национального университета им. аль-Фараби и Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева – индекс репутации среди работодателей составляет 32,9 и 30,2 ед. соответственно, что в целом соответствует уровню ведущих российских университетов (Новосибирский государственный университет и МГИМО) [16].

Таким образом, мы считаем, что одним из направлений международного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан могла бы стать методологическая помощь в

формировании организационных основ государственно-частного партнерства в сфере третичного образования. Данное направление взаимодействия может быть обозначено в качестве дополнения к Соглашению между Правительством Республики Казахстан и Правительством РФ о сотрудничестве в области культуры, науки и образовании от 28 марта 1994 г. Начало такому сотрудничеству может быть положено организацией на постоянной основе при Российском центре науки и культуры в Казахстане работы Совета по образовательному сотрудничеству, в полномочия которого будет входить проведение семинаров и конференций по обмену опытом взаимодействия с социальными партнерами в сфере подготовки квалифицированных кадров для экономики (с участием руководителей учебных заведений, а также специалистов Казахстанского центра государственно-частного партнерства), проведение выездных сессий Совета в российских и казахстанских колледжах и вузах.

Литература

1. Абанкина, И.В. Университеты в креативной экономике: проблемы, вызовы, эффекты / И.В. Абанкина // Нижегородское образование. – 2014. – № 2. – С. 4-12.
2. Головчин, М.А. Формирование у студентов компетенций, востребованных на рынке труда: проблемный анализ / М.А. Головчин // Нижегородское образование. – 2014. – № 2. – С. 31-36.
3. Иванов, В.Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима / В.Г. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – № 1. – С. 35-56.
4. Казахский центр государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kzppp.kz>
5. Карелин, И.Н. Проблемы социального партнерства в сфере высшего образования / И.Н. Карелин, А.В. Корицкий // Социальное партнерство как фактор развития инфраструктурных отраслей экономики России. – Новосибирск: НГАСУ, 2013. – С. 218-224.
6. Лейбович, А.Н. Союз рубля и знаний [Электронный ресурс] / А.Н. Лейбович. – Режим доступа: http://www.akvobr.ru/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo.html
7. Материалы официального сайта Министерства образования и науки Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: edu.gov.kz
8. Мигунова, Д. Современное состояние и проблемы российского среднего профессионального образования / Д. Мигунова // Вестник общественного мнения. – 2014. – № 1-2. – С. 106-115.

9. Мухоморова, И.В. Совершенствование механизмов государственного частного партнерства в высшем образовании [Электронный ресурс] / И.В. Мухоморова, Н.Г. Новикова // Науковедение: Интернет-журнал. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://publ.naukovedenie.ru>
10. Пиунова, А.В. Особенности развития частно-государственного партнерства в республике Казахстан [Электронный ресурс] / А.В. Пиунова. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/21/3397>
11. Россия и страны мира. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 380 с.
12. Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: минобрнауки.рф
13. Таршилова, Л.С. Возможности развития государственно-частного партнерства в системе высшего профессионального образования Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Л.С. Таршилова, Н.М. Губашев // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. – 2012. – № 1. – Режим доступа: www.es.rae.ru/mino/159-1222
14. Требования работодателей к текущим и перспективным профессиональным компетенциям персонала. Информационный бюллетень. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – 64 с.
15. Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru>
16. QS world university rankings [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topuniversities.com>

Калашников К.Н.
кандидат экономических наук,
научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Здравоохранение в странах СНГ в постсоветский период

В советской системе здравоохранения преобладала идея выравнивания доступности для советских граждан медицинской помощи, поэтому первостепенное значение в этих условиях приобрели показатели обеспеченности населения медицинской помощью, прежде всего стационарными койками. Это привело к неизбежному росту финансовых затрат и в целом неэффективности использования ресурсов здравоохранения.

Со временем всё более актуальным становился вопрос о структуре коек и об уровне госпитализации. В условиях относительного насыщения койками возрастало значение эффективности использования коечного фонда. В постсоветский период в России и других республиках бывшего СССР произошло закрытие множества больниц, преимущественно малых, и сокращение числа больничных коек. Однако причиной тому послужили трансформационные процессы, а также, в случае Грузии и Таджикистана, – военные потрясения. Исключением является Киргизия, где закрытие больниц было предусмотрено национальными планами здравоохранения и поддержано президентскими декретами. Приём больных в свете указанных негативных процессов также сократился, сроки стационарного лечения больных оставались высокими.

Однако если процесс сокращения ёмкости больниц, наблюдавшийся до 2000 г., объясняется экономическими проблемами здравоохранения, в частности хронической нехваткой средств (особенно в первой половине 1990-х гг.), то происходящее с 2004 г. сокращение коек в больницах обусловлено целенаправленной реструктуризацией здравоохранения, поскольку созданный в России во второй половине XX в. стационарный сектор признан избыточным.

Признавая необходимость реструктуризации регионального здравоохранения, подчеркнём опасность применения для этой цели подходов

программно-целевого планирования вне контекста общей здравоохранительной политики и необходимость принятия продуманных решений по сохранению доступности медицинской помощи для населения, в частности более широкому использованию стационарозаменяющих технологий и улучшению материально-технического оснащения медицинских учреждений. Кроме того, несмотря на то, что в здравоохранении РФ было осуществлено значительное сокращение коечных фондов, реструктуризация не привела к принципиальным изменениям в структуре медицинской помощи, где всё так же преобладает стационарное звено.

К примеру, в докладе о реализации Программы госгарантий в 2013 г. эксперты Министерства здравоохранения РФ отмечают и называют положительной тенденцию сокращения доли расходов на медицинскую помощь в стационарных условиях и возрастания доли расходов на медицинскую помощь в амбулаторных условиях, а также медицинскую помощь в условиях дневного стационара за период с 2011 по 2013 г. Однако отмеченные изменения нельзя назвать существенными, а факт снижения расходов на стационарную медицинскую помощь ещё не свидетельствует о повышении доступности медицинской помощи для граждан и её качества (таблица).

Структура расходов на медицинскую помощь в рамках Программы за период с 2011 по 2013 г. (в % к итогу)*

Условия оказания медицинской помощи	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Скорая медицинская помощь	7,0	7,2	6,7
Медицинская помощь в амбулаторных условиях	32,6	33,2	34,6
Медицинская помощь в амбулаторных условиях в неотложной форме			0,8
Специализированная медицинская помощь в стационарных условиях	57,5	56,5	54,6
Медицинская помощь в условиях дневного стационара	2,9	3,1	3,3
Итого	100,0	100,0	100,0
* Без учета расходов на иные услуги.			

Сходные изменения происходили в развитых странах мира во второй половине XX в. И хотя не вызывает сомнения, что копирование зарубежных моделей и подходов в российской действительности вряд ли может быть полностью оправданным, справедливо также и то, что без изучения опыта других стран невозможно удачно провести аналогичные реформы в России.

Говоря о реструктуризации здравоохранения индустриально развитых стран, важно выделить три ключевых фактора, составившие базовые предпосылки этих структурных изменений: перемены в сфере сознания, появление новых медицинских технологий и необходимость повышения экономической эффективности здравоохранения и оптимизация затрат. Первоочередную роль среди данных факторов, как мы считаем, сыграли идеологические изменения в западном обществе. В 1960-е гг. сформировалась и в дальнейшем закрепились тенденции «нормализации», проявляющаяся в исключении из сферы компетенции здравоохранения функции социального контроля, а также в стремлении обеспечить людям с серьёзными патологиями более гуманное окружение. На практике это выразилось в том, что в 1970-х годах многие долгосрочные больные, в том числе психически, были выведены за пределы стационаров, а люди пожилого возраста, материально зависимые и нуждающиеся в постоянной опеке, были переведены в учреждения социальной помощи. М. Мскее, подчёркивая эти тенденции, приводит данные по Великобритании: за двадцатилетний период (с 1977 по 1996 г.) снижение численности психиатрических коек в этой стране превысило 60%, сокращение коек по лечению острых случаев составило 20%, в то время как объёмы коечных фондов для содержания лиц пожилого возраста и ухода за ними увеличились почти в 6 раз.

Однако идею нормализации, как нам представляется, следует трактовать гораздо шире – она отнюдь не сводится к тому, чтобы людям, нуждающимся в уходе, обеспечить условия, максимально приближенные к домашним. Вопрос на самом деле гораздо глубже и касается самой модели взаимоотношений пациента и медицинского учреждения, подвергшейся кардинальной ревизии в середине XX века, и, в частности, отрицания того компонента изоляции человека от традиционного и привычного для него социально-бытового окружения, который всегда являлся неизменным атрибутом стационарного лечения. Существенный вклад в становление и распространение этой идеи внесли растущие ожидания европейских пациентов в отношении качества и условий лечения.

Реформа не ограничилась сокращением психиатрических и других коек для долгосрочных больных. Произошла и реструктуризация лечения острых случаев (что также очевидно в случае Великобритании),

сопряжённая с закрытием массы очень больших и очень маленьких больниц и параллельным снижением числа коек.

Многого в этом направлении удалось добиться благодаря достижениям научно-технического прогресса и появлению современных методов медицинских вмешательств, позволивших дать идеям нормализации материально-жизненное воплощение.

В частности, одной из наиболее заметных тенденций в развитии хирургии явилось стремление к минимизации операционной травмы путём перехода к малоинвазивным вмешательствам, применение которых сократило сроки госпитализации. Изобретение новых технологий привело к осуществлению широкого спектра диагностических, лечебных, в частности, хирургических вмешательств с минимальной степенью деструктивного воздействия¹.

При анализе результатов реструктуризации становится очевидным то, что возможность дать общую оценку реформам, которая в равной степени подходила бы ко всем странам, пусть даже в рамках Европейского региона, практически исключается. В одних странах реструктуризация прошла сравнительно благополучно, в других результат был значительно ниже ожидаемого.

Однако стоит заметить, что снижение количества коек в странах Евросоюза произошло на фоне повышения интенсивности их функционирования: сохранившиеся мощности стали использоваться для лечения большего числа больных, но госпитализируемых на более короткие сроки. Иными словами, снижение продолжительности пребывания в больницах Западной Европы компенсировалось ростом числа принимаемых пациентов. Как свидетельствуют данные, с 1985 по 2005 г. число госпитализаций в целом по странам-членам Евросоюза выросло в среднем на 30%, а длительность пребывания в стационарах сократилась примерно на треть². Именно в этом качественном сдвиге, как можно предположить, и состоит главный позитивный итог реструктуризации. Негативным побочным эффектом этой тенденции стал

---

¹Изобретение эндоскопии (а затем эндофотографии и эндокинематографии), лапароскопии, ультразвуковой и лазерной техники фактически ознаменовало начало нового века в медицинской науке и послужило материальным фундаментом и важнейшей предпосылкой развития амбулаторной хирургии.

² Рассчитано по данным: Реформа больниц в новой Европе / Ж. Фигерас, М. Макки, Э. Моссиалос, Р.Б. Солтман; пер. с англ. – М: Весь Мир, 2002. – С. 22, 23.

рост нагрузки на больничные учреждения при сокращении коечных фондов на фоне растущего уровня госпитализации и интенсификации лечебного процесса.

По свидетельствам экспертов, обсуждаемая реформа оказалась более успешной в тех странах, где система управления больницами была в достаточной степени централизована (к примеру, если несколько больниц объединены общим управлением, как это было в Ирландии и Великобритании) либо сокращение числа коек и аккредитация больниц успешно осуществлялись с помощью инструментов государственного регулирования (Бельгия, 1980-е годы). В Дании, где ответственность за работу больниц возлагалась на округа, правительство, поддерживая сотрудничество между соседними округами, способствовало объединению небольших больниц в более крупные центры, двигаясь по пути оптимизации.

Во Франции были созданы региональные комиссии, деятельность которых сочетала меры по сокращению коечных фондов государственных и частных больниц с программами реконструкции и созданием новых медицинских служб, в большей степени отвечающих современным требованиям.

Трудности возникли в тех странах, где собственность была децентрализована, а финансирование здравоохранения осуществлялось из нескольких источников. Например, в Швейцарии, где существовало два источника финансовых поступлений – налоговые доходы и фонды медицинского страхования и несколько форм собственности: кантональная, муниципальная и частная.

Более того, как свидетельствует исторический опыт, существование внутреннего рынка медицинских услуг, на котором их предоставление и оплата разделены, а больницам предоставлена самостоятельность, затрудняет течение реформы реструктуризации.

Для России подобные факты имеют особое значение, т.к. система управления отечественным здравоохранением децентрализована, при этом основные административные полномочия относятся к местному уровню, а система финансирования – многоканальна, поскольку объединяет несколько источников финансирования. Немаловажное значение имеет также кадровый дефицит.

В то же время актуализация представленных проблем обусловила поиски компенсаторных механизмов и мер по стабилизации складывающегося положения. Несмотря на то, что поиск подобных механизмов осуществляется в разных регионах одновременно и независимо друг от друга (а в странах Европы носит спорадический характер), международному экспертному сообществу удалось сформулировать основные принципы этой политики, делающие её более эффективной и социально ориентированной. Среди них – повышение согласованности действий медицинских служб; перераспределение функций между разными организациями и медицинскими службами; планирование ведения больного вне этапа стационарного лечения.

Ряд обозначенных проблем реструктуризации позволил выявить и обосновать необходимость взаимодействия, координации и регулирования между звеньями медицинской помощи, что в дальнейшем нашло отражение в модели сетевой организации здравоохранения. Одним из наиболее проблемных моментов в процессе осуществления структурных преобразований здравоохранения является налаживание связей между секторами медицинской помощи в рамках единой сети медицинских учреждений.

Практическая реализация данной модели привела к возросшей потребности в новых специалистах, в компетенцию которых входили бы вопросы согласования предложения и спроса на медицинские услуги на разных уровнях системы здравоохранения.

Политика создания и распространения новых форм оказания медицинской помощи, начатая в реформенный период, также служила цели нивелировать возникшие негативные последствия реформ. Так, ранняя выписка пациентов долгосрочного пребывания из стационаров создала необходимость развития учреждений и форм организации медицинской помощи нового типа, новых служб амбулаторной и социальной помощи (организация стационаров на дому, создание хосписов и т.д.).

Кроме того, поиск механизмов пропорционального замещения сокращаемой стационарной помощи, фактически составляющих её организационную альтернативу, выявил потребность населения (ранее скрытую) в новых модификациях медицинской помощи, удовлетворяющих требованиям гибкости, доступности и близости к пациентам. Так, во

Франции ими стали внешние консультации, численность которых суммарно по общемедицинскому, хирургическому и гинекологическому направлениям составила в 2000 г. 25 млн. единиц, и их число постоянно растёт³.

В целом процесс сокращения коечных фондов в западных странах сопровождался повышением роли амбулаторного лечения и реабилитации вне больничных стен. В этом контексте совершенно незаменимыми по характеру применения оказались стационарозамещающие технологии, вооружённые новыми методами лечения и соответствующим их уровню высокотехнологичным оборудованием.

Что важно для России?

Ситуация в странах бывшего СССР складывалась по-иному. В 60–70-е гг. XX в., в тот период, когда индустриально развитые страны мира проводили институциональные реформы в здравоохранении, на территории СССР были заложены основы экстенсивного развития системы здравоохранения с акцентом на наращивании коечного фонда, числа врачей, объемов госпитализации и посещений поликлиник. Подобная ситуация характерна для многих стран Восточной Европы и постсоветского пространства, в том числе и России: системы здравоохранения здесь обладают обширной сетью специализированных (психиатрических, туберкулезных, онкологических, дерматологических, венерологических, глазных и др.) больниц государственного, регионального и окружного уровней, построенных, как правило, в советский период. Кроме того, важным отличием российской системы здравоохранения от таковых в других странах мира является организационное выделение медицинской помощи детям, предоставляемой в специальных детских больницах. В то же время реальные показатели качества, доступности, эффективности использования ресурсов оказались на втором плане, а в структурной организации здравоохранения произошло исключение принципов рациональности. Затратный режим расходования общественных средств здравоохранения, во многом поддерживаемый и сегодня, обусловлен именно структурными перекосами, заложенными в его систему в тот период истории.

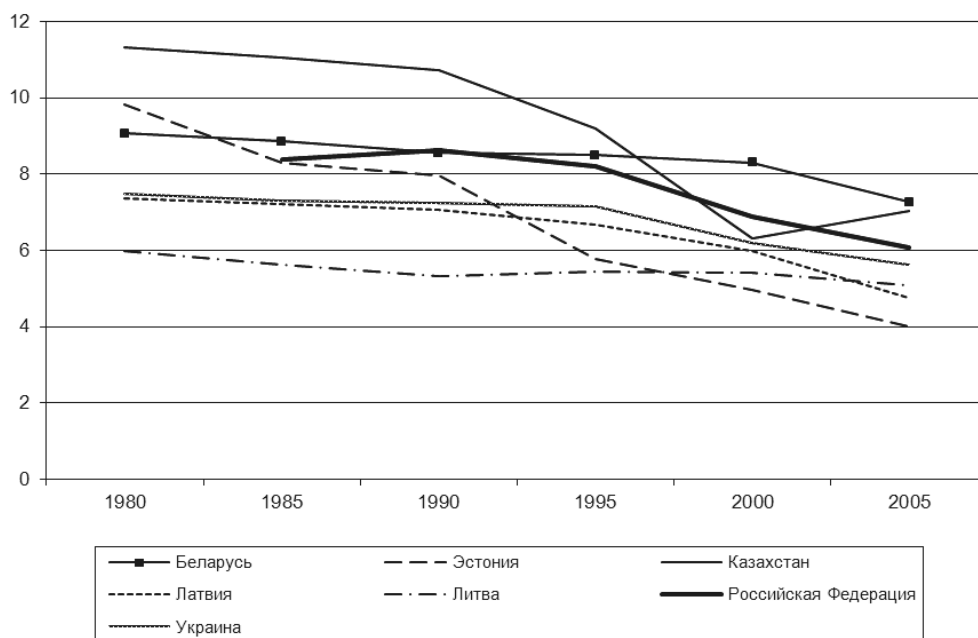
В эпоху трансформационных изменений в России и других республиках бывшего СССР произошли такие деструктивные процессы, как

---

³ Моссэ Ф. Экономика больничной системы (сложная проблема привлечения к участию) // Управление здравоохранением. – 2004. – № 13. – С. 61.

закрытие больниц, сокращение числа больничных коек и т.д., внешне напоминающие западный сценарий (рисунок). Однако причиной тому послужили целенаправленные решения, не принятые правительствами этих стран (как было в странах Европы, США и Канаде), а обстоятельства непреодолимой силы – трансформационные процессы.

Количество больниц на 100 000 чел. населения в некоторых бывших советских республиках до и после распада СССР

Источник: данные ВОЗ.

Приём больных также сократился (число госпитализаций в расчёте на 100 человек населения в странах бывшего СССР снизилось с 23 в 1985 г. до 15,4 в 1998 г.), однако сроки стационарного лечения больных были (в советский и постсоветский периоды) и остаются (2000-е годы) все ещё значительно длительнее, чем в странах Европы.

Действительно, согласно статистическим данным, базовые показатели здравоохранения РФ – количество больниц, коек круглосуточного пребывания, койко-дней в относительном выражении, а также длительность госпитализации значительно выше таковых в развитых странах, и это несмотря на заметное снижение в первые годы. Если по уровню общей госпитализации Россия близка к некоторым развитым европейским странам (таким, как Германия и Норвегия), то продолжительность лечения в

стационарных условиях, превышающая показатели развитых стран и трансформационных экономик, свидетельствует скорее о низкой эффективности медицинской помощи, нежели о более широком предоставлении ее гражданам.

Литература

1. ВОЗ. Официальный сайт. – URL: <http://www.euro.who.int/ru>
2. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе / Европейское региональное бюро ВОЗ. – Копенгаген, 2002. – 157 с.
3. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г. Первичная медико-санитарная помощь сегодня актуальнее, чем когда-либо [Текст]. – Женева: ВОЗ, 2008. – 152 с.
4. Hospitals in a changing Europe / edited by Martin McKee and Judith Healy. – Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 2002. – P. 11.
5. Реализация реформы здравоохранения в субъектах РФ [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: <http://www.healthreform.ru/>
6. OECDiLibrary. – URL: <http://www.oecd-ilibrary.org>
7. World Bank. – URL: <http://data.worldbank.org/>

Ласточкина М.А.
старший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Модернизация в России и странах Евразийского экономического союза *

Очень часто термин «модернизация» относится к анализу изменений, затрагивающих различные уровни социально-экономического устройства и обладающих разными по масштабу результатами, например, обновления и прогресса в какой-либо одной сфере жизнеобеспечения до комплексной реорганизации целой социокультурной системы. Одной из оценок уровня модернизированности какой-либо страны или региона является определение его уровня и сравнение с более развитыми территориями. Решению этой задачи с точки зрения предметно-эмпирического подхода может способствовать анализ стадий модернизации в мире, методика которых разработана Центром исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН). Согласно методике на основе набора из 23 статистических показателей рассчитываются три индекса модернизации: индекс первичной модернизации (индустриальная модернизация); индекс вторичной модернизации (информационная модернизация); интегрированный индекс модернизации (оценка координированного взаимодействия первичной и вторичной стадий модернизации)¹.

В таблице 1 представлены данные о состоянии модернизации в странах Евразийского экономического союза (России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии). Россия среди рассматриваемых стран является лидером, так что в 2010 г. вплотную приблизилась к 100% реализации первичной модернизации – это уровень, которого достигла двадцатка лидирующих стран (США, Канада, Австрия, Новая Зеландия, Франция и т.д.) еще в 1960-х годах. Несмотря на то, что значение индекса первичной модернизации (ИПМ) в России возросло, она опустилась на 2 позиции вниз. Подобная ситуация характерна и для Белоруссии, которая также, несмотря на рост индекса, снизила позиции. Подобная ситуация говорит о том, что в

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00421.

¹ Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

других странах темпы модернизации идут более быстро. К 2010 г. в Казахстане до осуществления первичной модернизации стало не хватать совсем немного – всего лишь 1% и его место стало 46-м в мировом рейтинге. Низки индексы ПМ в Армении и Киргизии, которые ежегодно входят во вторую половину рейтинга стран (103 страны).

Таблица 1. Модернизация в странах Евразийского экономического союза

	Значение индекса			Место		
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Индекс первичной модернизации						
Россия	91	97*	99,8	52	41*	43
Белоруссия	93	94*	97	45	49*	53
Казахстан	90	94*	99	55	51*	46
Армения	82	85*	88	70	72*	75
Киргизия	71	77*	85	86	85*	80
Индекс вторичной модернизации						
Россия	57	66	71	29	29	29
Белоруссия	51	58	61	39	38	37
Казахстан	41	48	48	51	49	56
Армения	36	43	48	67	64	54
Киргизия	32	45	37	76	56	79
Интегрированный индекс модернизации						
Россия	54	58	66	37	39	36
Белоруссия	47	54	55	52	43	51
Казахстан	43	46	48	55	58	65
Армения	37	41	48	70	68	62
Киргизия	36	45	40	72	62	79
* Данные по индексу первичной модернизации приведены за 2006 г.						
Ранжировано по индексу вторичной модернизации в 2010 г.						
ВМ-уровни: высокоразвитые (81 и более); среднеразвитые (52–80); верхняя треть (72–80); срединная треть (62–71); нижняя треть (52–61); предварительно развитые (31–51).						
Интервалы индексов: высокий – 88 и более; выше среднего – 78–87; средний – 64–77; ниже среднего – 48–63; низкий – 33–47; очень низкий – 32 и меньше.						
Источник: Feng Z., Chuanqi H. World Modernization Indexes 1950 To 2010 // Proceedings. – 2013. – P. 68-87.						

Вторичная модернизация представляет собой эволюционный этап, при котором инновации и неоиндустриализация имеют решающее и судьбоносное влияние на развитие территории. Рассматривая индекс вторичной модернизации (ИВМ), отметим, что Россия на протяжении всех этих лет стабильно занимала 29 место и входила в список 30 лидирующих стран. При этом ее ИВМ значительно возрос – на 14 пунктов. Остальные страны существенно отстают от РФ: Белоруссия в 2010 г. соответствовала нижней части среднего уровня индекса ВМ, а Казахстан, Армения и Киргизия – предварительно развитому уровню (индекс от 31 до 51). В 2000–2010 гг. индексы российского тренда ВМ выросли с 61 до 72, таким образом, был преодолен их срединный уровень. Россия обогнала такие среднеразвитые восточно-европейские страны, как Польша (в 2000 г.), Венгрия (в 2005 г.), и поравнялась с Чехией (в 2010 г.). Чтобы подняться

выше срединных уровней, России необходимо повысить ИВМ на 8 и более пунктов (по данным 2010 г.), Белоруссии – на 20 и более пунктов, Казахстану и Армении – на 33 пункта, Киргизии – 44. Кажущееся на первый взгляд быстрое вхождение России в группу развитых ВМ-стран, на самом деле далось ей не так легко. Так, к 2006 г. 15 стран осуществили ПМ на 100%, опередив все рассматриваемые страны, но продолжают оставаться в числе среднеразвитых. Это свидетельствует о недостаточных темпах развития, уступающих качеству роста среднеразвитых стран. Вместе с этим повышается порог вхождения в данную группу и обостряется конкуренция стран.

Интегрированный индекс модернизации (ИИМ) имеет низкие значения: в РФ за 10 лет его величина поднялась на 12 п.п., перейдя, таким образом, с уровня ниже среднего на средний. В Белоруссии, Казахстане и Армении произошел рост с низкого на уровень ниже среднего. Заметно отстает Киргизия, индекс которой остаётся на протяжении всех рассматриваемых лет на низком уровне. Невысокие индексы интегрированной модернизации свидетельствуют об общем отставании модернизации стран Евразийского экономического союза, включая их первичную стадию – как следствие деградации промышленности в 1990-е годы.

Основным фактором, не позволяющим ИПМ России приблизиться к 100% уровню, является низкая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) россиян. Так, следуя методике расчета, выявлено, что стандартное значение для ОПЖ составляет 70 лет, лишь в 2012 г. ОПЖ в РФ превысило этот порог, тем самым обеспечив полную реализацию первичной модернизации (табл. 2). В Киргизии также в 2012 г. ОПЖ стала соответствовать международному уровню, однако до полной реализации ПМ ей не хватает достижения соответствующего высокого уровня и по другим показателям, например роста валового внутреннего продукта. В Армении и Белоруссии продолжительность жизни достаточно высокая, хотя, как и в Киргизии, существенно отстают другие показатели. Однако здесь ситуация противоположная – ОПЖ в Белоруссии несколько выше, чем в России. Казахстан постепенно приближается к пороговому значению. Что касается ИВМ и ИИМ, то в их расчете стандартное значение ОПЖ равно 80 годам, что

значительно затрудняет вхождение стран Евразийского экономического союза в высокоразвитую группу.

Таблица 2. **Ожидаемая продолжительность жизни в странах Евразийского экономического союза, лет***

Страна	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.
Армения	72,9	73,5	73,9	74,1	74,3
Белоруссия	69	68,8	70,5	70,4	72,2
Россия	65,3	65,4	68,8	68,9	70,2
Киргизия	68,5	57,9	69,1	69,3	70
Казахстан	65,5	65,9	68,5	68,4	69,6

* Стандарт ОПЖ для ИПМ составляет 70 лет, для ИВМ и ИИМ – 80 лет.
Источник: <http://citys.su/ru/page.php?id=9>

Обратимся к анализу еще одного показателя, значения которого тормозят процессы модернизации в этих странах. Как было отмечено выше, очень малы показатели ВВП. Изучив данные ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения, отметим очень низкие показатели в сравнении с мировым стандартом (среднее 20 лидирующих стран): только 42,6% по России, лишь одна треть по Казахстану и Белоруссии, а в Армении и Киргизии и того меньше (табл. 3).

Таблица 3. **Валовой внутренний продукт по ППС на душу населения в странах Евразийского экономического союза в 2010 г., долл.**

Страна	ВВП по ППС, долл.	% от стандарта
Россия	15900	42,6
Белоруссия	13400	35,9
Казахстан	12500	33,5
Армения	5800	15,5
Киргизия	2200	5,9
<i>Стандарт</i>	37322	

Источник: <http://iformatsiya.ru/tab1/567-vvp-na-dushu-naseleniya-2010.html>

Для того чтобы в ближайшие 5–7 лет какая-либо рассматриваемая страна вошла в фазу, переходную к вторичной модернизации, необходимо координировать инвестиции в развитие обеих стадий, т.е. обеспечивать увеличение интегрированного индекса. Первоочередными должны стать меры, стимулирующие рост производительности аграрного труда и снижение занятости в сельском хозяйстве. Вследствие очень низких индексов качества экономики и инноваций в знаниях, необходимо увеличение доли затрат на НИОКР в ВВП до 2,5%, а также числа жителей страны, подавших патентные заявки, до 660 на 1 млн. человек. Эти мероприятия требуют качественных изменений в научно-технической политике и структуре экономики. Необходимо нацелить управление страной на координированный рост параметров первичной и вторичной модернизации, обеспечивающий улучшение условий жизни населения. Это требует прозрачности действий

всех ветвей власти, государственных служб, участия общественности в подготовке решений и контроле за их исполнением. Управление в сфере экономической жизни должно быть направлено на создание условий для повышения конкурентоспособности фирм путем культивирования эффективных инноваций, увеличения доли инновационных товаров и услуг в создаваемой продукции.

Инновационную модернизацию тормозят последствия деиндустриализации 1990-х годов: деградация целых отраслей национальной индустрии, падение технического уровня производства, дефицит рабочих кадров высокой квалификации². Эти негативные изменения снижают распространение нововведений. К обозначенным проблемам добавляется еще и необходимость воссоздавать разрушенную индустриальную инфраструктуру. Кроме того, экспортно-сырьевая направленность экономики затрудняет развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Для успеха в формировании инновационной экономики нужна национальная инновационная система институтов, социальных практик, укрепляющая достигнутые результаты и создающая реальные возможности развития по инновационному типу. Приоритетом модернизации стран должно стать рассмотрение и реализация путей повышения конкурентоспособности отраслей главным образом за счет развития инноваций. Необходимо эффективное включение стран Евразийского экономического союза в систему мирохозяйственных связей.

Литература

1. Возможности и перспективы инновационного развития России в глобализирующемся мире. Инновационная модернизация России. Политологические очерки [Электронный ресурс] / А.Б. Вебер, А.А. Галкин, Ю.А. Красин, Л.И. Никовская, В.И. Пантин. – Режим доступа: <http://etnograf.ru/node/272/>
2. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
3. Feng Z., Chuanqi H. World Modernization Indexes 1950 To 2010 // Proceedings. – 2013. – P. 68-87.

---

² Возможности и перспективы инновационного развития России в глобализирующемся мире. Инновационная модернизация России. Политологические очерки [Эл. рес.] / А.Б. Вебер, А.А. Галкин, Ю.А. Красин, Л.И. Никовская, В.И. Пантин. – Реж. дост.: <http://etnograf.ru/node/272/>

Леонидова Г.В.
кандидат экономических наук,
зав. лабораторией,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Устинова К.А.
кандидат экономических наук,
научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Тенденции образования в странах ЕврАзЭС*

В 2000 г. был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) – международной экономической организации, образованной бывшими странами Советского Союза: Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном. В 2006 г. к организации присоединился Узбекистан. Украина, Армения и Молдова имеют статус наблюдателей. Евразийское экономическое сообщество занимает территорию более 20 млн. кв. км, на которой проживает 182,6 млн. человек (3% мирового населения) и производится около 4% мирового ВВП.

Развитие общества непосредственно зависит от состояния системы образования. Например, в первые два десятилетия после II мировой войны некоторым странам удалось достичь значительных темпов экономического роста благодаря высокому уровню инвестиций в образование [Aghion и др., 2005]. Пример «азиатских тигров» (Гонконг, Тайвань, Корея и Сингапур), которые с помощью существенных вложений в начальное и среднее профессиональное образование получили экономический эффект, также свидетельствует о значительной роли образования в жизни обществ [9, с. 3].

Международные исследования, в частности индекс глобальной конкурентоспособности, показывают, что по уровню развития человеческого

---

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-02-00482 «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей (2015–2016 гг.)».

капитала¹ в 2015 г. лидирует Финляндия. Она занимает ведущие позиции по всем основным показателям индекса. В первую десятку наиболее развитых в этом отношении стран вошли Норвегия, Швейцария, Канада, Япония, Швеция, Дания, Нидерланды, Новая Зеландия и Бельгия.

Страны ЕврАзЭС по данному показателю находятся вне лидирующих позиций. Россия занимает 26 место (табл. 1). В целом же следует отметить, что, даже несмотря на общее историческое прошлое стран, уровень их инновационного развития оказывается разным. Более высокие показатели среди рассматриваемых государств демонстрирует Россия, однако и она находится фактически лишь в середине ранжированного по убыванию глобального инновационного индекса списка. Беларусь отстает от РФ на 52 позиции, Таджикистан – практически в 3 раза.

Таблица 1. Индекс глобальной конкурентоспособности и индекс развития человеческого капитала стран ЕврАзЭС, 2015 г.

Страна	Индекс развития человеческого капитала		Индекс глобальной конкурентоспособности (из 144 стран)	
	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
Россия	77,54	26	4,4	53
Украина	76,21	31	4,1	76
Беларусь	32,9	78	42,7	45
Армения	72,50	43	4,0	85
Кыргызстан	71,82	44	3,7	108
Таджикистан	67,24	65	3,9	91
Казахстан	-		4,4	50

Источники: Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню развития человеческого капитала 2015 года [Эл. рес.] // Центр гуманитарных технологий 2015.05.19. – URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/19/7160>; Всемирный экономический форум: Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2014–2015 [Эл. рес.] // Центр гуманитарных технологий 2014.09.03. – URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/09/03/6873>

В связи с тем, что в некоторых странах СНГ показатели, входящие в интегральный индикатор, измеряются по-другому, это приводит к отсутствию данных и, соответственно, затрудняет межстрановые сопоставления. По этой же причине у некоторых государств не представлены показатели об ожидаемой продолжительности обучения, которая является важнейшей характеристикой образования населения.

По результатам анализа выявлено, что продолжительность обучения населения за десятилетний период возросла практически во всех

¹ Индекс развития человеческого капитала охватывает 124 экономики. Используется комплекс данных из общедоступных источников и информации от международных организаций и экспертов в области развития. При определении успехов той или иной страны в развитии человеческого капитала учитывались 46 показателей, объединённых в четыре основные группы: «Образование (высшее, среднее, начальное) и профессиональная подготовка», «Здоровье, физическое и психологическое благополучие», «Трудоустройство и занятость», «Инфраструктура, правовая защита, социальная мобильность».

рассматриваемых странах. Наибольшей она была в России, наименьшей – в Таджикистане. По Беларуси, в отличие от других европейских стран и государств, ранее входивших в СНГ, данных о числе накопленных лет обучения в базе данных «Educational Attainment for Total Population, 1950–2010» не содержится (табл. 2).

Таблица 2. **Число накопленных лет обучения**

Страна	Населением 15 лет и старше			Населением 25 лет и старше		
	2000 г.	2005 г.	2010 г.*	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Россия	11,1	11,3	11,5	11,3	11,6	11,7
Украина	10,4	10,9	11,1	10,7	11,1	11,3
Армения	10,4	10,4	10,4	10,8	10,8	10,8
Казахстан	9,9	10,1	10,4	9,9	10,2	10,4
Таджикистан	9,5	9,3	9,3	9,9	10,0	9,8

* Ранжирование по данным 2010 г.
 Источник: Barro R., Lee J.W. Educational Attainment for Total Population, 1950–2010 [Эл. Рес.]. – Реж. дост.: <http://www.barrolee.com/>; Barro R., Lee J.W. A new data set of educational attainment in the world, 1950–2010: working paper 15902. – Cambridge, 2010. – P. 32.

Межгосударственное сотрудничество в рамках ЕврАзЭС охватывает практически все сферы жизнедеятельности государств. Образовательный аспект, особенно в сфере высшего профессионального образования, рассматривается в качестве самого эффективного пути повышения конкурентоспособности национальных систем высшего образования, их интеграции в мировую образовательную систему. Создание общего образовательного пространства является в этой связи актуальным для данных стран. В то же время, в отличие от процессов формирования и развития общего образовательного пространства в других регионах мира, интеграционные процессы на евразийском пространстве имеют и общие тенденции и особенности.

Учитывая, что важнейшей составляющей непрерывного образования является формальное образование, остановимся подробнее на анализе некоторых характеризующих его индикаторов. По результатам анализа установлено, что одной из тенденций, характерных для стран ЕврАзЭС, является рост численности обучающихся в учреждениях высшего профессионального образования в расчете на 10 000 человек населения (в России – в 1,3 раза; табл. 3).

То есть происходят одинаковые тренды «массовизации высшего образования».

Таблица 3. **Численность обучающихся по программам высшего образования на 1000 населения**

Страна	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Таджикистан	24	25	25
Армения	40	43	40
Украина	58	55	48
Россия	68	65	58
Киргизия	52	57	59
Узбекистан	44	-	65
Казахстан	77	68	65

Источник: Россия и страны мира 2014: стат. сб. / Росстат. – М. – С. 100-101.

Несмотря на значительный спрос среди населения на высшее профессиональное образование, некоторыми исследователями (Р.И. Капелюшников) прогнозируется, что в будущем тенденция изменится. Одной из причин подобной ситуации называют снижение отдачи от высшего образования за счет перемещения «обладателей вузовских дипломов» на средне- и малоквалифицированные рабочие места, роста среди данной группы населения уровня безработицы вследствие несоответствия спроса и предложения на рабочую силу [3]. Поэтому можно предполагать, что в перспективе среднее профессиональное образование будет более востребованным по сравнению с высшим.

Помимо высшего профессионального является востребованным среди населения является и послевузовское образование. Получение его может способствовать не только росту профессионального уровня, но и созданию предпосылок для накопления инновационного потенциала населения. Однако, несмотря на готовность населения к обучению в аспирантуре, остается довольно низким удельный вес ее закончивших, в т.ч. с защитой диссертации. Только треть из числа прошедших обучение в аспирантуре в России защищают диссертации, в Беларуси – еще меньше (табл. 4).

Таблица 4. **Основные показатели деятельности аспирантуры**

Показатели	2000 г.		2005 г.		2011 г.	
	РФ	Беларусь	РФ	Беларусь	РФ	Беларусь
Доля аспирантов, закончивших аспирантуру в общем числе аспирантов, %	21,1	19,4	23,5	25,7	21,2	19,0
Доля аспирантов, закончивших аспирантуру с защитой диссертации, в общем числе аспирантов, %	6,4	1,4	7,5	1,5	6,2	0,9

Источник: Беларусь и Россия. 2012.: стат. сб. / Росстат. Белстат. Постоянный комитет Союзного государства. – М.: Росстат, 2012. – С. 61.

Среди аспирантов как в России, так и в Беларуси наиболее востребованными областями наук являются технические (более 60% в России

и в Беларуси отдают предпочтение данному направлению). Однако в России доля исследователей по этому направлению снижается, в то время как в Беларуси, напротив, растет (табл. 5).

Таблица 5. Структура исследователей по отраслям наук в РФ и в Республике Беларусь

Территория	Год	Доля исследователей по областям науки					
		Естественные	Технические	Медицинские	Сельскохозяйственные	Общественные	Гуманитарные
РФ	2000	23,4	64,6	3,6	3,4	3,1	1,9
	2011	24,0	60,4	4,5	3,5	4,5	3,1
Беларусь	2000	23,8	54,4	6,3	5,7	7,0	2,8
	2011	18,3	61,3	5,3	6,0	6,8	2,3

Источник: Беларусь и Россия. 2012.: стат. сб. / Росстат. Белстат. Постоянный комитет союзного государства. – М.: Росстат, 2012. – С. 137.

При сопоставлении структуры исследователей по отраслям наук в России и в Беларуси существенных различий не обнаружено. Но в Беларуси за счет того, что по техническому направлению обучается примерно на 10% аспирантов меньше, чем в России, более востребованными являются общественные и гуманитарные направления.

Ключевым параметром, характеризующим вовлеченность населения в образовательный процесс, является доля участвующих в программах формального и неформального образования. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2011 г. в среднем 40% взрослых в странах-членах ОЭСР участвовали в таких программах, 27% – искали информацию о различных программах обучения [8].

Межстрановой анализ вовлеченности населения в систему непрерывного образования позволил выявить государства-лидеры (Австрия, Словения, Люксембург, Дания, Финляндия, Швеция), в которых 70–80% населения получают образование в течение всей жизни; государства, занимающие промежуточное положение (Франция, Ирландия, Италия, Латвия, Португалия, Бельгия, Германия), в которых уровень вовлеченности населения в непрерывное образование сопоставим со средним по странам ОЭСР; государства с низким уровнем участия населения в непрерывном образовании. В последнюю группу входят Эстония, Литва и Россия, в которых примерно треть населения участвует в непрерывном образовании.

В Беларуси уровень участия населения в непрерывном образовании сопоставим с Румынией и Венгрией, при этом в период 2000–2010 гг.

происходило некоторое снижение показателя (с 13 до 10%) [2]. Низкий уровень участия населения в непрерывном образовании и в повышении квалификации может рассматриваться в качестве одного из параметров, препятствующих инновационным преобразованиям.

По мнению экспертов Института современного развития, переход к инновационной экономике будет связан не только с модернизацией национальных экономик рассматриваемых стран, но отчасти и с интеграционными процессами. Это обусловлено общим историческим прошлым, схожими проблемами в области образования. В связи с этим предполагается использование более глубоких форм сотрудничества, которые будут предполагать согласование национальных приоритетов в научно-технической сфере, создание на многосторонней основе институционального и финансового механизмов в виде международных фондов поддержки научных исследований и инновационных проектов [1, с. 35-37].

Среди основных направлений сотрудничества в образовательной сфере государств ЕврАзЭС можно отметить совершенствование содержания, форм и методов образования на всех ступенях обучения, разработку согласованных параметров мониторинга качества образования, «гармонизацию образовательных программ (позволит упростить процедуру взаимного признания документов об образовании)», совместную подготовку, организацию стажировок и повышения квалификации кадров, выполнение совместных научно-исследовательских работ, осуществление взаимной экспертизы научной, научно-методической, учебно-методической продукции, нормативных документов в сфере образования [6].

Литература

1. Вардомский, Л.Б. Постсоветские интеграционные проекты как фактор модернизации экономик стран СНГ [Текст]: научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. – Мн.: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2011. – С. 21-39.

2. Бокун, Н.Ч. Инновационное развитие Республики Беларусь: проблемы сравнительной оценки со странами Евросоюза [Электронный ресурс] / Н.Ч. Бокун, Н.Н. Бондаренко, Н.Э. Пекарская. – Режим доступа: <http://www.e-edu.by/main/departments/finance/staff/bondarenko/publications/4.pdf>

3. Капелюшников, Р.И. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы: кто бежал быстрее? [Электронный ресурс] / Р.И. Капелюшников. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2011/09/30/>
4. Леонидова, Г.В. Кадровый потенциал науки: Россия и Беларусь [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова. – Мн.: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2011. – С. 218-230.
5. Леонидова, Г.В. Непрерывное образование как условие формирования человеческого капитала [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 124-137.
6. Оптимизация содержания социально-гуманитарного образования в вузах Беларуси и России в контексте Болонского процесса [Электронный ресурс]: материалы семинара. – Режим доступа: <http://www.soyuz.by/>
7. Охрименко, А.А. Самообразование как элемент системы непрерывного образования руководящих кадров в Республике Беларусь [Текст] / А.А. Охрименко, Н.Б. Матиевская // Финансовый простор. – 2012. – № 1 (5). – С. 77-82.
8. Education at a Glance 2011 OECD Indicators [text]: factbook. – Centre for Educational Research and Innovation, 2011. – 495 p.
9. Md. Rabiul Islam, Human Capital Composition, Proximity to Technology Frontier and Productivity Growth [Text]: Discussion paper 23/10 / Md. Rabiul Islam. – Australia.: Monash University? Department of Economics, 2010. – 53 p.

Молодов О.Б.
старший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Интеграционные и языковые процессы на постсоветском пространстве Центральной Азии

На границе XX–XXI веков наиболее ярко, особенно на постсоветском пространстве, стали проявляться две противоположные тенденции. С одной стороны, регион захлестнул «парад суверенитетов», а затем волна сепаратизма, в результате чего возникло множество новых государств, в том числе непризнанных международным сообществом. С другой стороны, нарушение сложившихся в течение многих десятилетий связей вызвало у многих теперь суверенных государств стремление к экономической и военной интеграции, но на основе иных принципов, чем в рамках СССР. Важным вектором межгосударственного взаимодействия Российской Федерации стал Центрально-Азиатский регион.

Центральная Азия (ЦА) или Центрально-Азиатский регион (ЦАР) географически представляет собой совокупность государств, ранее именовавшихся среднеазиатскими. В неё включаются территории современного Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. До 1991 г. они совпадали с границами одноименных советских республик в составе Союза ССР.

В современной литературе встречается понятие «Большой Центральной Азии», куда, по версии UNESCO, относят, кроме вышеуказанных стран постсоветского пространства, Афганистан, Пакистан, Монголию, отдельные районы Ирана, Индии, Китая и России. В нашей работе под ЦА понимаются государства, ранее находившиеся в составе СССР и испытавшие значительное влияние русской культуры и языка.

С древних времен ЦАР имеет транзитный характер (через него проходил Великий шёлковый путь) и до сих пор остаётся перекрестком, в пределах которого сосуществуют разные языки и культуры: тюркские, славянские, монгольские и иранские [12, с. 47]. В последние десятилетия (особенно после событий 11 сентября 2001 г.) интерес к ЦАР возрос, что

обусловлено различными причинами. ЦА имеет геополитически выгодное расположение между Россией, Китаем и Кавказом, значительный энергетический, природно-ресурсный потенциал и транзитно-транспортные возможности. К его специфике относится близость к очагам вооруженных конфликтов (Афганистан, Иран, Пакистан), оказывающим сильное влияние на международную безопасность [4, с. 26]. В этой связи ЦАР остается сферой пересечения интересов и стратегий России, США, Китая, Европейского Союза, Ирана и Турции.

Географически близкий к ЦАР Китай хочет создать из данного региона свой энергетический тыл, в том числе, используя проблему гидроресурсов как важный способ усиления своего политического влияния [2, с. 65, 72]. Важнейшим механизмом для решения своих задач Китай считает Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) [4, с. 34].

Россия, будучи трансконтинентальным государством, заинтересована в обеспечении устойчивого развития на евразийском континенте. Одним из условий для этого являются дружественные отношения с соседними странами. Согласно Концепции внешней политики РФ, Россия формирует пояс добрососедства по периметру своих границ и обеспечивает всестороннюю защиту прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом. В основном упор делается на сотрудничество и стратегическое партнерство со странами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) [10, с. 86].

Государства ЦА в различной степени вовлечены в интеграционные процессы на постсоветском пространстве. В состав СНГ входят все пять стран (Туркменистан – на правах ассоциированного членства), в ШОС – четыре (кроме Туркменистана). В Таможенный союз изначально включен Казахстан, а Кыргызстан – с 1 мая 2015 года. В Евразийский экономический союз (до 2014 г. – Евразийское экономическое сообщество) вошли Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а в его Таможенный союз (ТС ЕАЭС) – только первые два государства. Заметной стала тенденция отхода от интеграции со стороны Узбекистана, приостановившего членство в Таможенном союзе и в Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) (табл. 1).

Таблица 1. Членство государств Центральной Азии в совместных с Россией межгосударственных объединениях на 1 мая 2015 г.

Страна	Наименование межгосударственного объединения				
	СНГ	ШОС	ЕАЭС	ТС	ОДКБ
Казахстан	+	+	+	+	+
Кыргызстан *	+	+	+	+	+
Таджикистан	+	+	+	-	+
Туркменистан **	+	-	-	-	-
Узбекистан ***	+	+	-	-	-
* Вступил в Таможенный союз с 1 мая 2015 г. ** Является ассоциированным членом СНГ. *** Приостановил членство в ЕАЭС (2008 г.) и ОДКБ (2012 г.).					

Как представляется, динамика интеграции находится во взаимосвязи с этническими и языковыми процессами в ЦАР. В частности, русский язык признан официальным в государствах ЦА, имеющих значительную долю русскоязычного (в основном русского по национальности) населения, которая в настоящее время составляет в Казахстане 21,5%, в Кыргызстане – 6,5%. Именно они являются членами всех межгосударственных объединений наряду с Российской Федерацией. Наименьшую вовлеченность в интеграционные процессы демонстрируют Узбекистан, где около 2% русских, и Туркменистан (3,2%). Там русский язык законодательно признан языком межнационального общения, но его значение в сфере науки и образования невелико.

В Таджикистане, несмотря на норму статьи 2 Конституции 1994 г., закон «О государственном языке» № 553 от 5 октября 2009 г. первоначально не содержал указания на статус русского языка как языка межнационального общения. Однако, учитывая сложившуюся практику большинства государственных органов вести делопроизводство на русском языке, 9 июня 2011 г. этот статус был возвращен [3].

Во всех странах ЦАР постепенное падение роли русского языка является общей тенденцией. Основной предпосылкой для этого стало снижение удельного веса русскоязычного населения, происходящее в течение всего постсоветского периода.

Находясь в рамках СССР в качестве союзных республик, страны ЦА подвергались мощной русификации. Объективной предпосылкой усиления влияния русского языка было значительное число русскоязычных жителей, особенно в Казахстане и Киргизии. По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахской ССР проживало 37,8% русских, в Киргизской ССР – 21,5%, в Таджикистане – 7,6%. Кроме того, русский язык оставался

языком межнационального общения для представителей крупных национальных меньшинств Казахстана (немцев, составлявших 5,8% населения и украинцев – 5,5%), в меньшей степени – Киргизии (украинцев – 2,5%, немцев – 2,4%) На территории Таджикской ССР в основном проживали представители коренных народов: таджики (62,3%) и узбеки (23,5%) (см. табл. 2).

После распада СССР демографические и миграционные процессы в этих странах привели к значительным изменениям их национального состава. За 25 лет суверенитета в Казахстане резко сократилась доля славянского населения (русских и украинцев), немцев и татар – более чем на 4 млн. чел. При этом численность казахов увеличилась на 4,7 млн. жителей. Доля русских, составлявших в 1989 г. 66%, сократилась до 22% от общего числа жителей [1].

По данным статистики видно, что Сходные процессы происходили в соседнем Кыргызстане, где представители титульной нации в настоящее время составляют три четверти населения республики [7]. Вместе с тем, доля русских, по нашим подсчетам, сократилась в 3 раза, украинцев – в 8 раз, немцев – в 12 раз, татар – в 31 раз [6, с. 96].

В Таджикистане число русских к 2010 году сократилось в 11 раз, а их доля составила всего 0,5%. Количество таджиков выросло более чем в два раза, а их доля вместе с узбеками (второй по численности нации) достигла 96,5% (табл. 2).

Таблица 2. Национальный состав населения Таджикистана по переписи населения 1989 г. и по оценке на 2010 год [8, с. 7]

Основные нации	Численность нации (млн. чел.)		Доля представителей нации (%)		Динамика по сравнению с 1989 г.	
	1989	2010	1989	2010	число жителей	доля жителей
Таджики	3,172	6,374	62,3	84,3	+ 3,202	+ 2,1 раза
Узбеки	1,198	0,926	23,5	12,2	- 0,272	- 22,7%
Русские	0,388	0,035	7,6	0,5	- 0,353	- 11 раз
Украинцы	0,041	0,001	0,8	0,001	- 0,040	- 40 раз
Всего	5,093	7,565			+ 2,472	+ 32,7%

Официальные данные переписи населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 г. содержат достаточно информативные сведения о языковой ситуации в стране (табл. 3).

Таблица 3. Свободное владение вторым языком представителями основных наций Таджикистана [8, с. 58]

Нация	Общая численность (чел.)	Владение таджикским языком		Владение русским языком	
		количество (чел.)	доля (%)	количество (чел.)	доля (%)
Таджики	6378834	-	-	1851576	29,0
Узбеки	926344	483554	52,2	93187	10,1
Кыргызы	60715	18824	31,0	6918	11,1
Русские	34838	10668	30,6	-	-
Туркмены	15171	4718	31,1	1625	10,7
Татары	6495	1483	22,8	2941	45,3
Всего	7564502	519247	6,9	1956247	25,9

Материалы данной переписи показывают, что значение русского языка в качестве второго, которым жители владеют свободно, для национальных меньшинств невелико. При сопоставлении показателей владения таджикским и русским языками видно, что государственный язык сохраняет приоритет и в качестве языка межнационального общения. В частности, таджикским языком свободно владеют 52% узбеков (русским – 10%), 31% кыргызов и туркменов (русским – по 11%). Важно учесть, что узбеки, кыргызы и туркмены составляют в совокупности более 1 млн. жителей страны (около 16%). Только среди татар, численность которых по результатам переписи всего 6,5 тыс. чел., доля свободно владеющих русским языком вдвое больше, чем таджикским (45% против 23%).

Распространение русского языка в советский период происходило как под влиянием геополитических факторов, в результате действия административных методов, так и за счет целенаправленной государственной политики СССР по предоставлению образовательных услуг иностранным студентам. Около 1 млн. человек получили дипломы советских вузов [5, с. 99].

В настоящее время в вузах России также обучаются студенты из зарубежных стран, причем две трети из них приходится на государства Центральной Азии (табл. 4). Примечательно, что треть от общего числа иностранных студентов являются гражданами Казахстана, территориально примыкающего к границам РФ и в наибольшей степени вовлеченного в интеграционные процессы в рамках СНГ, ЕАЭС и Таможенного союза. Однако более одной пятой части студентов-иностранцев представляют Туркменистан и Узбекистан – государства, проявляющие более независимую политику, в том числе и в языковой сфере.

Таблица 4. Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах России в 2011/2012 и 2012/2013 учебных годах [9, с. 19, 26]

Страна	2011/2012 учебный год		2012/2013 учебный год	
	Количество студентов (чел.)	Доля от общего числа иностранных студентов, %	Количество студентов (чел.)	Доля от общего числа иностранных студентов, %
Казахстан	18862	31,8	23656	33,9
Кыргызстан	2536	4,3	2627	3,8
Таджикистан	4804	8,1	5660	8,1
Туркменистан	7967	13,4	10954	15,7
Узбекистан	4455	7,5	5605	8,0

С одной стороны, абсолютные показатели численности студентов-иностранцев из ЦАР дают возможность надеяться, что будущие выпускники российских вузов, вернувшись на родину, смогут преумножить роль и значение русского языка в регионе. С другой стороны, статические данные не позволяют уточнить, какова доля среди них представителей русскоязычного меньшинства, получающего в России образование на родном для них языке. Кроме того, получение российского диплома о профессиональном образовании повышает шансы будущих специалистов из числа соотечественников остаться работать в России или Казахстане, также активно принимающим трудовых мигрантов.

Таким образом, в постсоветский период происходит «сокращение зоны активного использования русского языка в ближнем зарубежье» [11, с. 152], в том числе – в государствах ЦАР. Русское языковое пространство быстро сокращается прежде всего в странах, где русский язык не получил государственного статуса. Как отмечает политолог В.А. Никонов, за последнее десятилетие численность русскоязычного населения сократилось на 50–70 млн. человек как из-за естественной убыли, так и по политическим причинам, в силу своеобразного «политического наказания» языка за исторические обиды [5, с. 99].

Исследование показало, что наибольшие шансы для сохранения роли и значения русского языка среди государств ЦА остаются у Республики Казахстан. Важными предпосылками для этого стали: значительная доля русскоязычного населения, официальный статус русского языка и последовательная политика интеграции с Россией.

Как представляется, постепенная изоляция отдельных стран ЦАР от достижений русской культуры, образования и научного знания препятствует дальнейшим интеграционным процессам в регионе, а также легализации и

получению достойного места работы трудовыми мигрантами в России – крупнейшем участнике рынка труда для выходцев из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Литература

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Серия 15. Демография. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 г. – Астана, 2014.
2. Бабаян, Д. Некоторые направления геополитики Китайской Народной Республики в Центральной Азии / Д. Бабаян // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – № 4 (13). – С. 62-74.
3. В Таджикистане русскому языку вернули прежний статус [Электронный ресурс]. – URL: [Lenta.ru/news/2011/06/09/russian](http://lenta.ru/news/2011/06/09/russian)
4. Габдуллин, Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития / Э. Габдуллин // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – № 1 (14). – С. 26-41.
5. Медведева, Т.А. Значение языкового фактора в современном мире / Т.А. Медведева // Латинская Америка. – 2014. – № 8. – С. 97-107.
6. Молодов, О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана / О.Б. Молодов // Социум и власть. – 2014. – № 6 (50). – С. 95-102.
7. Национальный статистический комитет Кыргызской республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat.kg/>
8. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. 3. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. – 537 с.
9. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: статистический сборник. Вып. 11. – М.: Центр социологических исследований, 2014. – 200 с.
10. Омаров, М. Государства Центральной Азии во внешней политике России, США и Европейского Союза / М. Омаров, Н. Омаров // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 3. – С. 85-94.
11. Пурынычева, Г.М. Языковое пространство России: методологический анализ / Г.М. Пурынычева, М.И. Шагаева // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С. 150-154.
12. Фаткулин, Б.Г. Языковая политика в государствах Центральной Азии на современном этапе в контексте цивилизационной гетерогенности / Б.Г. Фаткулин // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2013. – № 3 (118). – С. 46-51.

Осадчая Г.И.
доктор социологических наук,
профессор, зам. директора, зав. сектором,
Институт социально-политических исследований РАН
(Россия, г. Москва)

Возможности социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС в интересах повышения качества жизни населения

В базовом документе, определяющем порядок интеграции, – Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) – декларирована приоритетная цель: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [3].

В качестве интеграционной модели утверждена институциональная модель, предусматривающая скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза в соответствии с основными принципами и целями Союза; создание наднациональной системы управления (Высший Евразийский экономический совет, включая вспомогательные органы: советы руководителей государственных органов Сторон, рабочие группы, специальные комиссии; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия; Суд Евразийского экономического союза) и утверждение бюджета Союза. В документе определен экономический вектор интеграции.

С нашей точки зрения, достижение интеграционных целей, призвано сформировать новое поле представлений не только о едином экономическом, но и социальном пространстве, евразийской социальной безопасности, наднациональной социальной политике и социальной политике стран, вошедших в новое интеграционное объединение, социальной защите населения.

Обращаясь к мировой практике интеграционных процессов, в том числе к наиболее успешному опыту последних десятилетий – созданию мощной интегрированной европейской зоны – ЕС, можно с уверенностью утверждать, что успех евразийской интеграции детерминирован социальным становлением ЕАЭС, эффективным социальным взаимодействием его государств-участников. Экономические задачи невозможно решить вне

решения социальных, а социальные эффекты проекта не станут следствием действия рыночных рычагов. В экономической интеграции участвуют люди и евразийская социальная модель не может не быть частью интеграции. Укрепление солидарности, сотрудничества между народами при уважении их истории, культуры, традиций, гармоничное развитие и сближение стран, признаваемой основанием для создания союза, требуют понимания необходимости разработки концепта социальной политики евразийского союза, социального направления евразийской интеграции, обоснования методологии социального измерения.

Сегодня, к сожалению, в отечественной науке и практике роль и место социального взаимодействия государств-членов Союза недооценивается, не ведется разработка его концептуальной конструкции, как действенного наднациональным способа реализации интеграционного процесса, инструмента социальной безопасности ЕАЭС. Поэтому определение конкурентоспособной социальной перспективы, разработка форм социального направления интеграции, являющихся условием расширения социальной базы, важны теоретически и практически.

Модель наднациональной социальной политики представляет собой систему взаимообусловленных социальных действий, реализуемых в рамках определенной наднациональной стратегии данного интеграционного объединения. Именно она определяет роль субъектов наднациональной и национальной социальной политики (государства, семьи, бизнеса, неправительственных организаций, гражданского общества), характер социально-трудовых отношений, принципы перераспределения национального дохода, обеспечения достойных стандартов жизни в условиях рыночной экономики, нейтрализации рисков в интересах повышения уровня и качества жизни населения интеграционного объединения. Модель наднациональной социальной политики включает в себя общие для всех государств-членов ЕАЭС элементы социальной политики, отличающие Евразийский экономический Союз от других интеграционных объединений. В её нормативной базе закрепляются, устанавливаются минимальные значения показателей, выступающие индикаторами, стандартами социального благополучия и справедливости в ЕАЭС. Модель социального взаимодействия призвана эффективно сочетать межгосударственное целеполагание, национальные формы принятия решений и

межправительственные практики. Принципиально важно, чтобы на уровне ЕАЭС было утверждено нормативное представление о том, что социальная политика, реализующая принципы социальной справедливости и социального выравнивания способствует достижению экономических целей ЕАЭС.

Важной частью модели социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС и условием ее успешной реализации является социальное измерение интеграционных процессов. Его задачей является оценка социальной эффективности и социальных последствий объединительных процессов в режиме мониторинга. Структура социального измерения опирается на 3 группы показателей: ресурсные, процессуальные и результативности, включая объективные и субъективные, нормативные и фактические, оптимальные и минимальные. 1 группа – финансовое и информационно-технологическое обеспечение, инфраструктурная среда социальной сферы (объемы финансирования социальных программ, количество и качество элементов социальной инфраструктуры (медицинской, образовательной, социального обслуживания, кадрового обеспечения социального воспроизводства населения). 2 группа – управленческие, меры принятые для достижения целей евразийской интеграции (принятые документы, количество реализуемых программ, количество и качество мероприятий, направленных на решение реальных, конкретных социальных проблем). 3 группа – самая важная, с точки зрения, оценки социальной эффективности интеграционных процессов. Она позволяет дать характеристику изменений в жизни населения, оценить движение к поставленной в договоре о создании евразийского экономического союза цели (рождаемость и смертность, миграция, занятость и безработица, уровень жизни, доходный и имущественный статус, жилищные условия, доступность качественных услуг, социально-психологическое самочувствие (социальные удовлетворенность, ущемленность, напряженность, толерантность, конфликтность). Показатели 1 и 2 групп могут здесь рассматриваться как факторы результативности.

Интегральными показателями являются: «здоровая средняя продолжительность жизни» и «социальная солидарность» (единство или более привычная, используемая в дискурсе о европейской интеграции – социальная сплоченность).

К числу обобщающих мы относим показатель «здоровая средняя продолжительность жизни» потому, что именно в нем фокусируются все условия жизни, именно он характеризует её качество и не только материальные условия, но и социально-психологические.

Показатель социальной солидарности (социального единства или социальной сплоченности) также является комплексным, характеризующим успехи интеграции, наднационального социального взаимодействия и национальных социальных политик. Степень интеграции группы, общности, общества, обществ включает характеристику уровня единства ценностных ориентаций, прочности межличностных, межэтнических взаимоотношений, идентичность, толерантности в системе межэтнического взаимодействия, доверия/недоверия в отношениях людей друг к другу, к наднациональным и национальным социальным институтам, наднациональным регуляторам, их лидерам и к национальным властям, согласованность поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. При этом внутригрупповые связи, показывающие степень совпадений оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему, являются показателем меры социальной сплоченности социума интеграционного объединения в целом.

Очевидно, что мониторинг имеет смысл при отслеживании динамики показателей эффективности интеграционных процессов в ЕАЭС в каждой отдельной стране и сравнимости их в межстрановом варианте, соотношении реальных показателей к утвержденным нормативным индикаторам. Наиболее чувствительными показателями социальной реальности к интеграционным изменениям являются: ВВП на душу населения; уровень безработицы; номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников; месячная минимальная заработная плата; денежные доходы в среднем на душу населения, субъективные оценки удовлетворенности различными сторонами жизни, поддержка идеи создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического Союза, трудовой миграции в рамках ЕАЭС, идентичность, ценностные ориентации, прочность межличностных, межэтнических взаимоотношений, толерантность в системе межэтнического взаимодействия, доверия/недоверия в отношениях людей друг к другу, к наднациональным и национальным социальным институтам,

наднациональным регуляторам, их лидерам и к национальным властям, согласованность поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. Хотя мы понимаем, что на изменении их значений могут сказаться и другие факторы. Но они могут быть интерпретированы в ходе анализа.

Предполагаемый нами мониторинг трансформации социальной реальности в процессе евразийской интеграции, конечно, требует характеристики стартовых показателей, а затем их динамики. Но это тема отдельной статьи. Здесь же мы дадим характеристику одного из них: показателя идентификации россиян. Как видно из таблицы 1, даже в крупных городах пока никто себя не идентифицирует с новым союзом.

Таблица 1. **Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?**, в % от опрошенных

Вариант ответа	Всего	Москва	Санкт-Петербург
Россиянином	67%	66%	60%
Членом своей семьи	11%	10%	5%
Жителем города, в котором живете	11%	10%	18%
Гражданином мира	6%	6%	12%
Представителем своей национальности	4%	5%	3%
Членом организации, в которой работаете	0%	0%	1%
Гражданином Евразийского Союза	0%	0%	0%
Отказ от ответа	1%	3%	1%

В настоящее время для наднационального социального взаимодействия государств-членов ЕАЭС особенно важна политика занятости. Именно она обеспечивает реализацию приоритетных целей Договора – формирование единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза, свободу движения рабочей силы, создает предпосылки для роста материального благополучия людей, независимо от страны проживания и обеспечивает финансирование социальной политики.

Рынок труда, представляет собой сложную динамическую социально-экономическую систему, в ткань которой включены многообразные отношения, взаимоотношения и взаимодействия его субъектов. Процесс его формирования в рамках ЕАЭС не прост и очень противоречив.

Свобода движения рабочей силы в пределах нового интеграционного сообщества открывает для человека возможность на более широком профессиональном пространстве найти работу, которая создавала бы условия

для профессиональной самореализации, обеспечения достойного уровня жизни в соответствии с его квалификацией и притязаниями; обеспечивает гарантии более благоприятных условий труда, больший доступ к медицинскому и социальному обслуживанию; упрочивает позиции работника на рынке труда. Некоторые выгоды свобода перемещения рабочей силы в ЕАЭС может принести и работодателям. Например, увеличение гибкости рынка труда; возможность более оптимально управлять трудовыми ресурсами; снижение производственных издержек.

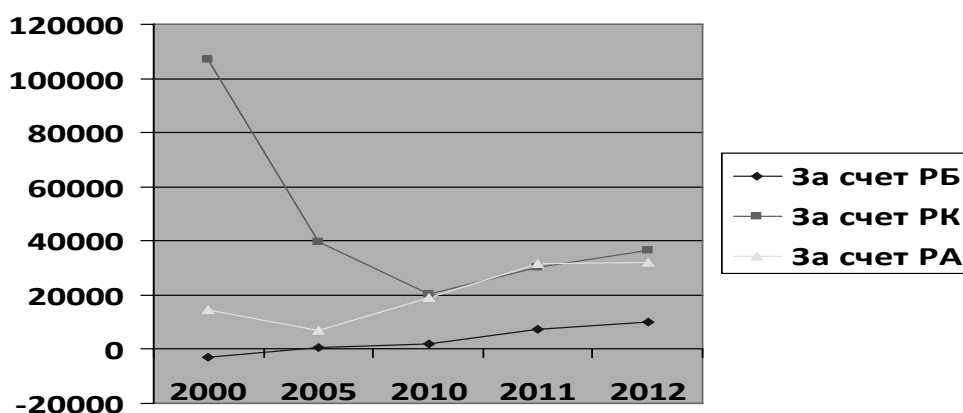
Для государства и принимающего общества преимущества они могут быть связаны с увеличением возможностей рынка труда; более эффективным удовлетворением спроса на рабочую силу; выводом из тени трудовой миграции за счет легализации временных трудовых мигрантов, занятых в неформальном секторе; с возможностью за счет регулирования уровня оплаты труда наращивать потенциал там, где будет особенно нужно; с более эффективным распределением рабочей силы в регионе; обеспечением прозрачности трудовых отношений; ростом доходов в бюджет за счет повышения сбора налогов; легализации миграции, что поможет разгрузить пенсионные и медицинские фонды; с возможностью контроля условий труда, соблюдения технологических стандартов и повышения качества производимых товаров; с более эффективным решением демографических проблем в принимающем регионе (приток молодых на рынок труда будет способствовать улучшению возрастной структуры населения принимающего общества).

Но возможны и негативные последствия. Можно ожидать роста спроса на рабочие места; увеличения конкуренции рабочей силы в отдельных регионах принимающих стран; появления социальной напряженности в борьбе за рабочие места в наиболее благоприятных (с позиции оплаты труда) регионах; увеличения социальной нагрузки на бюджеты принимающих регионов; роста ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостояний; националистических проявлений; правонарушений; усиления давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов. Могут иметь место риски социальной дестабилизации.

Формирование рынка труда ЕАЭС требует от каждого государства-члена ЕАЭС обеспечения равных прав на: трудоустройство; оплату труда; социальную защиту; других социально-правовых гарантий всем участникам этого процесса.

Как показывает наш анализ, вектор миграции, связанной с переездом на постоянное место жительства, и трудовой миграции направлен сегодня и по прогнозам экспертов будет направлен из всех государств-членов ЕАЭС в Россию.

Так, начиная с посткризисного 2010 года, миграционный обмен со всеми государствами-членами ЕАЭС активизировался только у России. Миграционный обмен Республики Беларусь с РФ сохранился примерно на докризисном уровне, а с Республикой Казахстан имеет незначительную тенденцию к росту. Миграционный обмен Республики Казахстан с Российской Федерацией и Республикой Беларусь уменьшился. Примерно те же тенденции демонстрирует миграционный прирост России и Республики Беларусь за счет мигрантов из этих стран. Республика Казахстан вообще имеет миграционную убыль за счет мигрантов из государств-членов ЕАЭС. Республика Армения после всплеска миграционного прироста за счет мигрантов из России в 2010 году имеет практически нулевой баланс с вышеперечисленными странами (рисунок).

Миграционный прирост в России за счет мигрантов из республик Беларусь, Казахстан и Армения, чел.

По экспертным оценкам и данным эмпирических исследований россияне обладают низким потенциалом пространственной мобильности.

В ходе репрезентативного опроса россиян, проведенного ИСПИ РАН в ноябре 2014 года на вопрос «Хотели бы Вы воспользоваться возможностью, предоставляемой договором между Россией, Беларусью и Казахстаном о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения рабочей силы, и выехать в поисках постоянной или временной работы за пределы своего места жительства?» выразили желание переехать в другой регион России – 14%, в республику Беларусь – 5%, в республику Казахстан – 3%. Условиям такого переезда названы (вопрос множественный): обеспечение достойной заработной платы – 58%; предоставление служебного жилья – 35%; содействие в приобретении жилья в собственность – 30%; наличие государственных программ, содействующих переезду – 21%; гарантии карьерного роста – 15% и профессиональной самореализации (работа по специальности) – 14%. Относительное большинство (30% от числа респондентов), допускающих возможность своего переезда в другой регион или республику в качестве предпочтительной, назвали заработную плату от 70 до 100 тыс. рублей.

Миграционный потенциал РБ оценивается белорусскими экспертами как более высокий. В последние годы они отмечают выезд топ-менеджеров в Москву, Санкт-Петербург, что вызывает особую озабоченность в республике. В перспективе, по мнению специалистов Белоруссии [1, 4] миграционные процессы могут усилиться в силу: реализации планов по сокращению излишней численности работников белорусских предприятий; сохранения разрыва в заработной плате работников при равной квалификации между Россией и Беларусью; усиления кризисных явлений в экономике Беларуси.

Трудовая миграция из Казахстана в Россию по экспертным данным активизировалась в 2013 году. Так, за 10 месяцев 2013 года в Казахстан из-за рубежа через системы денежных переводов (СДП) поступило 74,2 млрд. тенге, или около 485 млн. долл., что больше по сравнению с аналогичным периодом 2012 года на 17,6%. [8] Предметом тревоги экспертов является отсутствие своих квалифицированных кадров. Казахстан пока не в состоянии собственными ресурсами восполнить потери человеческого капитала 1990-х годов. Большие надежды возлагаются на единый рынок ЕАЭС. Эксперты из Казахстана полагают, что несмотря ни на какие санкции, ни на усложнение

правил трудоустройства в России, создание ЕАЭС в перспективе может повлиять на объемы миграции в сторону их увеличения, а также и на модели трудоустройства казахстанцев в России.

В потоке трудовых мигрантов в Россию остается постоянным вклад граждан Армении. По данным Федеральной миграционной службы РФ, в 2013 году в Россию въехало около 670 тысяч граждан Армении (на 20% больше, чем в 2012 году). А по оценке Национальной статистической службы РА, 90% лиц, направляющихся в Россию, въезжают в РФ с целью найти работу. В связи с вхождением Армении в состав ЕАЭС, эксперты РА также ожидают увеличения миграционных потоков из Армении в Россию [7].

В этой связи большая работа предстоит России на федеральном уровне, поскольку она, в значительной мере, как принимающая сторона, заинтересована в построении институционального баланса, обеспечивающего представительство интересов всех заинтересованных социальных и политических слоев государств-членов ЕАЭС, в гармонизации национальных правовых норм, административных актов, уточнении и согласовании норм, государственных и общественных институтов стран-участниц союза, обеспечивающих непрерывный процесс свободы движения рабочей силы; эффективное использование труда; выработку механизмов использования рабочей силы, знаний, квалификации и способностей в трудовом процессе. Внутренняя социальная и миграционная политики России должны реализовываться в рамках евразийских компетенций, активно и динамично реагируя на новые условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений во внутренней социальной политике.

Но в равной степени ответственность за безопасность жизни горожан, в условиях формирования единого рынка труда, несут региональные и городские: власть, бизнес, неправительственные организации, гражданское общество. Инструментами обеспечения безопасности выступает разумное выстраивание миграционной и социальной политик.

Одной из главных проблем России, решаемой, прежде всего, на региональном уровне, ограничивающей мобильность кадров, является неразвитость социальной инфраструктуры: системы арендного жилья, нехватка детских садов, слабое развитие системы доступных социальных услуг, а значит, необходимо планомерно решать и эту проблему.

На региональном уровне предстоит развивать механизмы саморегулирования в области трудовой миграции, которые включают в себя:

1) формирование сети рекрутинговых агентств (государственных, частно-государственных или частных) для поиска работы, трудоустройства, обеспечения информацией по социальной защите, консультаций по законодательству для трудовых мигрантов;

2) создание общей информационной базы по вопросам занятости населения и вакансий рабочих мест в странах ЕАЭС; о потребностях в рабочей силе с разбивкой по регионам, отраслям и специальностям, квалификационным характеристикам (в потенциальной стране приема), а также предложения рабочей силы (в странах исхода);

3) создание открытой, доступной, постоянно обновляемой и бесплатной базы данных вакансий, содержащих информацию о рабочей силе, правилах въезда и пребывания на территории стран-участниц ЕАЭС;

4) создание сети социальных центров для поддержки трудовых мигрантов и их правовой защиты, развитие общественных объединений самих мигрантов, участие профсоюзов и конфедераций работодателей в защите профессиональных прав мигрантов;

5) обеспечение сотрудничества этих организаций с работодателями и государственными органами по вопросам обеспечения свободного перемещения рабочей силы;

6) оптимизацию системы найма, развитие социальной инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов в принимающих странах, системы защиты прав трудящихся-мигрантов;

7) обеспечение взаимодействия экспертных сообществ и институтов гражданского общества государств-членов ЕАЭС.

Есть и еще проблемы, которые следует иметь в виду при формировании рынка труда ЕАЭС. Как показывают наши исследования (февраль 2015 г.), 32,0% респондентов не поддерживает или скорее не поддерживает трудовую миграцию внутри Евразийского союза. Практически треть полагает, что межэтнические отношения, сложившиеся в районе их проживания можно охарактеризовать как напряженные или враждебные. Отметим, что эти ответы на эти вопросы имеют больший негативизм среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Таблица 2. Мнение россиян о..., в % от числа опрошенных

	Всего	Москва	Санкт-Петербург
Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС?			
Да + скорее да	53	50	33
Нет + скорее нет	32	43	46
Затрудняюсь ответить	14	7	21
Как Вы можете охарактеризовать межэтнические отношения, сложившиеся в районе Вашего постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза?			
Дружеские + мирные	61	46	44
Напряженные + враждебные	29	47	45
Затрудняюсь ответить	10	7	11

Это требует, с нашей точки зрения, создания системы информирования населения, формирования позитивного мнения вокруг идеи интеграции, этнокомплементарных отношений в российском социуме, поскольку от этого также зависит успех реализации евразийского проекта.

Очень важно, чтобы «евразийство» стало не только идеей элит, но и идеей общества. Конечно, это достигается не общей риторикой о значимости интеграции, а доверием к власти, социальными гарантиями. Люди должны быть уверены, что их интересы в процессе интеграции будут соблюдены. Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта, которая может включать информацию о преимуществах интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями; позитивную информацию о соседях по союзу, на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т.п.

Учитывая новые возможности движения рабочей силы в ЕАЭС, важно в рамках социальной политики провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания языка, необходимо усилить внимание к билингвальной языковой подготовке.

Страны ЕАЭС, безусловно, призваны учесть европейский опыт решения социальных проблем в процессе интеграции. Так, Жан Тироль, лауреат Нобелевской премии по экономике 2014 года, отмечает: «Мы немного упустили историческую возможность создать бюджетную Европу... Если говорить о рынке труда, то в США у рынка труда, в целом, одинаковые законы и в Калифорнии, и в Нью-Йорке. Но в южной Европе и в северной Европе это совсем не так. Мы должны были бы создать бюджетную Европу со схожими законами для рынка труда, для банкротств и тому подобного. Мы этого не сделали, а потом было сложно. И поэтому сегодня я слабо

представляю, к сожалению, – хотя я хотел бы, чтобы это произошло, – что северная Европа согласится поделиться своей системой социального обеспечения безработных, своими бюджетами и прочим с южной Европой” [5].

Важно иметь в виду и реальные социальные практики Евросоюза, где составным элементом компетенции, наряду с общей политикой ЕС по регулированию различных аспектов экономической деятельности, является политика обеспечения занятости и политика в социальной сфере. ЕС прошёл долгий путь от сотрудничества на межправительственной основе к более тесному взаимодействию на наднациональном уровне по проблемам допуска и пребывания на территории европейского союза, установления одинаковых правил въезда, выезда, выдворения иммигрантов, их передвижения [2, с. 155-157]. Сегодня миграционная политика представляет собой систему институциональных и политических рамок, в которых ключевая роль отводится совместной охране общественной границы ЕС [6, с. 43-49].

Становление евразийской модели социального взаимодействия, безусловно, длительный процесс. Оно будет происходить на всех этапах евразийского развития. Путь от осмысления важности собственной социальной политики ЕАЭС до её правового оформления, продуманного комплекса мер, формирования социальных институтов и руководящих органов управления реализацией социальной стратегии Евразийского Союза это путь экономического и политического успеха ЕАЭС, инструмент обеспечения социальной безопасности и мира, который должен опираться на научно-обоснованные рекомендации.

Литература

1. Андреева, Е. Трудовая миграция в Беларуси бьет рекорды [Электронный ресурс] / Е. Андреева. – Реж. дост.: <http://newsland.com/news/detail/id/1040412/> (Дата обращения: 26 ноября 2014 г.)
2. Даргель, В. Наднациональная составляющая в иммиграционной политике Евросоюза / В. Даргель // Власть. – 2011. – № 12. – С. 154-158.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (Дата обращения: 3 марта 2015 г.)
4. Заяц, Д. Белорусские гастрабайтеры: кто они, почему нелегалы и сколько зарабатывают / Д. Заяц // Белорусские Новости. – 2013. – 4 февр.

5. Интервью с лауреатом Нобелевской премии по экономике от 17.10.2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2014/10/17/nobel-winner-jean-tirole-speaks-out-in-favour-of-a-european-budget/> (Дата обращения 3 марта 2015 г.)

6. Потемкина, О. Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона / О. Потемкина // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 4. – С. 42-51.

7. Россию ждет наплыв мигрантов из Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-147051.html> (Дата обращения 1 декабря 2014 г.)

Садовская, Е. Трудовая миграция из Казахстана [Электронный ресурс] / Е. Садовская. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/tema03.php> (Дата обращения 3 марта 2015 г.)

Пономарева А.С.
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Россия, г. Сыктывкар)

Мерзликин А.С.
доктор сельскохозяйственных наук,
кандидат экономических наук,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Россия, г. Сыктывкар)

Создание современной инфраструктуры периферийных районов Севера как необходимое условие устойчивого развития сельского хозяйства и сельской территории

Поступательное и устойчивое развитие сельскохозяйственного производства на территории периферийных районов Крайнего Севера возможно лишь при наличии производственной инфраструктуры и объектов социальной сферы. Ключевой проблемой в периферийных районах остается неразвитость социальной инфраструктуры, которая не способствует коренному улучшению условий жизни сельских жителей. Развитие социальной инфраструктуры обеспечивает непосредственное удовлетворение потребностей человека, влияет на его трудовую деятельность, общественно-политическую и духовную жизнь, отношения в семье и быту.

Для сельских территорий Республики Коми характерна концепция населения людности свыше 200 человек. Как указывалось выше, средняя людность сельского населенного пункта в 2013 году составляла в Республике Коми 287 человек, в Усть-Цилемском районе – 350, Койгородском – 400, Усть-Куломском – 423, Ижемском – 548 человек. Только в таких и более крупных населённых пунктах экономически целесообразно создание и функционирование объектов социальной сферы, таких как общеобразовательные школы, детские дошкольные учреждения, поликлиники и другие. При более низкой численности деревень и сел, объекты социальной сферы будут иметь меньшие размеры, однако их социальная роль при этом не только не уменьшается, но даже приобретает

ещё более высокую общественно-политическую значимость, так как их ликвидация означает быстрое сокращение количества семей с детьми и трудоспособного населения, постепенное умирание населённого пункта. Одновременно это ведёт к выбытию из оборота земель сельскохозяйственного назначения, что в масштабе страны грозит потерей продовольственной, а затем и геополитической безопасности государства. Опыт всех стран свидетельствует, что государство обязано взять на себя все расходы на социальную сферу и строительство дорожной сети, чтобы обеспечить первичные условия для освоения территории, по сути, создать плацдарм для жизни и деятельности людей в сельской местности.

В настоящее время из-за слабой или отсутствующей инфраструктуры, обеспеченность социальными благами сельского населения периферийных районов значительно ниже, чем городского. Из-за отсутствия полноценной социальной инфраструктуры и тяжелых, крайне неблагоприятных природно-климатических условий региона, за последние 50 лет количество сельских населенных пунктов в этих районах сократилось в 1,5 раза (с 1054 до 720 ед.), сотни деревень ушли в небытие или находятся на грани исчезновения. По итогам переписи населения 2010 г. количество сельских населенных пунктов без населения, например, в Удорском районе составило 7, или 19% от данного показателя по республике. В периферийных районах среднегодовой темп снижения населения за 1991–2013 гг. составил 1,7%, в городской местности – 1,5%. Среди удаленных районов наибольшее сокращение населения произошло в Троицко-Печорском районе, где темп снижения 3,1% и Усть-Куломском муниципальном образовании 1,9%.

Исторически существующая неблагоприятная ситуация для комплексного развития небольших сёл в России на протяжении последних десятилетий дополняется остаточным принципом финансирования мероприятий по развитию социальной и инженерной инфраструктуры. Глубокий кризис села усугубил это положение. Если ранее колхозы и совхозы использовали для этих целей собственные средства, то ликвидация хозяйств привела к потере даже этих скромных источников развития инфраструктуры. Также надо учитывать, что комплексное развитие сельских территорий требует высокого уровня затратности, присущей мелкодисперсному характеру сельского расселения, который всегда будет типичен для сельских территорий.

Устойчивое развитие сельского хозяйства в регионах Крайнего Севера и его периферийных районах будет возможно, наряду с успешным сельскохозяйственным производством, только при хорошо развитой социальной и инженерной инфраструктуре. При этом первичным звеном, при прочих равных условиях, является создание надёжной транспортной системы при современных дорогах с твёрдым покрытием.

Для периферийных районов сегодня характерны значительные расстояния от сел до центров, плохое качество дорог и недостатки транспортного обслуживания в сельской местности в сочетании с высокой дороговизной платы за проезд.

При решении дорожно-транспортной проблемы надо руководствоваться следующими принципами:

1. Населённые пункты, независимо от численности постоянных жителей, должны иметь надёжную транспортную сеть (дороги, мосты, плавсредства и др.). Наличие дорог с твёрдым или гравийным покрытием обеспечивает возможность доставки любой социальной услуги человеку и позволяет осваивать всю данную территорию.

2. Населённые пункты, независимо от численности постоянных жителей, должны иметь ежедневную транспортную связь (автобус, речной катер, воздушное сообщение и т.д.). При таком положении каждый человек может реализовать свои возможности и обеспечить свои потребности во всех материальных, социальных и духовных благах. При этом на деле реализуется принцип равенства людей в обществе и предоставляется примерно одинаковая возможность реализовать свои права в любом населённом пункте страны.

3. Населённые пункты, независимо от численности постоянных жителей, должны находиться в зоне медицинского обслуживания данной территории. Это значит, что при наличии развитой инфраструктуры каждый житель отдалённого села в течение нескольких часов может рассчитывать на оказание качественной медицинской помощи высококвалифицированными специалистами.

4. Населённые пункты, независимо от численности постоянных жителей и имеющие детей школьного возраста, должны иметь постоянную связь со школой (средней или неполной средней). Наличие хороших дорог, независимо от времени года, должно гарантировать ежедневное движение

школьных автобусов и перевоз школьников на занятия и после них на расстояние до 20–30 км в течение 1 часа.

Исследования этой проблемы показали, что строительство дорог и создание сельской инфраструктуры в стране осуществляется в зависимости от наличия бюджетных средств и утверждённых государственных или региональных программ. Поскольку ресурсы государства очень ограничены, то полное решение социальных проблем села может быть реально достигнуто лишь через несколько десятилетий, однако оно в любом случае должно быть осуществлено. В противном случае никогда не будет обеспечен комфортный уровень жизни сельского населения, страна не будет иметь развитого сельского хозяйства, не будет достигнута продовольственная независимость и безопасность государства. В этом примером для нас должны являться страны Западной Европы и США, где практически каждый населённый пункт и хутор связаны дорогами с твёрдым покрытием. Именно поэтому в перспективе дороги с твёрдым покрытием должны быть проложены ко всем без исключения населённым пунктам.

Особенностью периферийных районов Республики Коми является переплетение интересов лесопромышленного комплекса и сельских населённых пунктов региона в отношении дорог с твёрдым покрытием. При этом дороги должны обеспечивать длительное воздействие на полотно тяжёлой техники (лесовозы, трайлеры, большегрузные МАЗы и Камазы). Это должно найти подтверждение в проектах новых дорог.

Поскольку одним из условий устойчивого развития села является производственная и социальная инфраструктура, мы в своих исследованиях и расчётах руководствовались возможностью поэтапного создания всей инфраструктуры, ориентируясь на реально выделяемые региону средства до 2020 года. Однако это является лишь начальным этапом реализации всей проблемы, поскольку выделяемых на эти цели средств очень мало

Мы полностью разделяем позицию член-корр. РАН Л.В. Бондаренко, что «к сожалению, порочная практика ущемления непосредственных интересов человека-работника перенесена на новую Государственную программу, составной частью которой является ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». И далее «во-первых, из-за отсутствия современной системы социальных стандартов для обустройства сельских поселений, во-вторых, по причине жёстких

финансовых ограничений, при которых стала бы очевидной большая дистанция между планируемым и нормативным уровнем развития села» [1].

«Учитывая особенности сельского расселения и образа жизни в общей системе социальных стандартов, как минимальных, гарантируемых государством, так и целевых, рассчитанных на перспективу, необходимо выделять сельский блок». Как далее пишет Л.В. Бондаренко «низкий уровень государственной поддержки сельских территорий, консервация больших различий в уровне и качестве жизни городского и сельского населения не позволяют обеспечить устойчивое поступательное развитие села и подрывают трудоресурсную базу роста АПК» [1].

Решение глобальных задач развития сельского хозяйства и территорий периферийных районов несомненно найдут отражение в перспективных планах развития Республики Коми, но в ближайшей перспективе мы руководствовались реальными финансовыми ресурсами и обязательным решением проблем, без которых дальнейшее существование сельских населённых пунктов проблематично.

Исследования состояния транспортной сети периферийных районов Республики Коми показали, что первостепенной задачей является строительство дороги, протяжённостью около 1200 км на сумму 960,0 млн. руб.

Строительство дорог позволит обеспечить беспрепятственный вывоз сельскохозяйственной продукции с местного рынка на республиканский рынок, а также изделий, которые будут производиться в подсобных хозяйствах, сельскохозяйственных организациях в зимнее время (народный промысел или вспомогательное производство), транспортировка различного товаров как с периферийных районов, так и для них. Строительство дорог также позволит развиваться лесопромышленному комплексу, добыче полезных ископаемых (горючие сланцы, нефть, неметаллические полезные ископаемые) в периферийных районах, переработке сельскохозяйственной продукции, в том числе и оленины.

Развитие транспортной инфраструктуры сельских территорий должно сопровождаться улучшением дорожно-транспортного обслуживания населения путем обеспечения сельских населённых пунктов постоянным круглогодичным автобусным сообщением.

Хорошая дорожная сеть кардинально изменит отношение населения к мегаполису проживания, обеспечит мобильность передвижения людей, будет способствовать развитию всех составляющих социальной и производственной инфраструктуры, закреплению людей на этих территориях. Последнее даст мощный толчок развитию досуга населения, развитию мобильной связи и интернета, малому предпринимательству.

Первоочередными основными направлениями улучшения инженерной инфраструктуры являются: улучшение водоснабжения, теплоснабжения и электроснабжения производственных предприятий и населения, повышение качества и надежности этих услуг.

Анализ состояния социальной сферы периферийных районов показал, что необходимо не только привести в порядок имеющиеся объекты социальной инфраструктуры, но и построить новые, чтобы обеспечить население сельских населённых пунктов минимумом социальных благ.

Первой и важнейшей задачей для населения является строительство жилья. Поскольку ветхое и аварийное жильё в периферийных районах составляет четверть всего фонда, то необходимо довести объёмы строительства до уровня 50–60 тыс. кв. м в год (уровень 1990 года). Это позволит своевременно заменять ветхое жильё и обеспечить остальное население новыми квартирами или индивидуальными домами. Так как низкое материальное положение преобладающей части населения периферийных районов Республики Коми не позволяет воспользоваться системой ипотечного кредитования жилищного строительства, то государство обязано своими силами строить жильё, которое затем может выкупаться населением. При этом необходима для каждого района программа обеспечения жильём молодых семей и молодых специалистов.

Комфортность проживания в сельской местности, наряду с другими составляющими, обеспечивается возможностью своевременного получения медицинской помощи. Медицинские учреждения в среднем по стране территориально доступны только для 49,4% сельского населения, для 40% они труднодоступны, а для 9% они недоступны.

Основным направлением развития сельского здравоохранения в периферийных районах является обеспечение всеобщей (то есть 100%-ной) доступности бесплатной квалифицированной первичной, скорой и специализированной медицинской помощи, а также строительство новых и

реконструкция существующих больниц, фельдшерско-акушерских пунктов и амбулаторий, аптечных пунктов.

Оказание медицинской помощи сельскому населению осложняется значительной протяженностью территории, низкой плотностью населения, недостатком хороших автомобильных дорог, а в связи с резким повышением тарифов на транспортные услуги все более недоступными для жителей села становятся городские больницы и поликлиники. Повышение уровня смертности в основном связано с низким уровнем медицинского обслуживания, более широкой распространенностью алкоголизма, высоким уровнем смертей от несчастных случаев, самоубийств, убийств. Высокая смертность лиц в трудоспособном возрасте оказывает неблагоприятное воздействие на формирование и состав трудовых ресурсов. Так, в 2010 году преждевременные потери сельского населения трудоспособного возраста в периферийных сельских районах составили 45% общего числа умерших, преобладающая часть которых – мужчины 82%. Их смертность ежегодно почти в четыре раза превышает смертность женщин.

Эти причины являются серьезной угрозой для обеспечения устойчивого развития сельских территорий – снижение уровня замещения лиц пенсионного возраста сельской молодежью, которой на селе очень мало. Наблюдается интенсивное снижение не только демографического, но и трудового потенциала сельского населения, их старение.

Длительная жизнь любого населённого пункта возможна лишь при постоянном воспроизводстве рабочей силы, то есть при определённом уровне рождаемости. Это предполагает наличие в населённом пункте детских садов, школ, медицинских и культурно-бытовых учреждений, или возможности получить эти услуги в ближайших посёлках или городах. Школы и обучение детей являются важной частью социальной составляющей сельской местности.

Появление в системе образования, так называемого, дистанционного обучения создаёт иллюзию, что оно может заменить традиционное школьное обучение, а это даст возможность отказаться от строительства школ в небольших по численности деревнях и посёлках. Однако для этого в первую очередь необходимо каждому ученику иметь персональный компьютер, он обязан владеть техникой работы на нём, необходимо наличие устойчивой и

безотказной системы связи, качественного компьютерного обслуживания, хорошего методического и библиотечного фонда, хорошо подготовленных к такой специфике обучения учеников, высококвалифицированных педагогов в обучающем центре и т.д. Всё это сегодня отсутствует в периферийных районах.

В этих условиях объектами, которые бы реально способствовали устойчивому развитию сельских территорий республики являются только школы. На данный момент времени ведутся переговоры по заключению договора с институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми Научного Центра Уральского Отделения РАН, чтобы научно обосновать строительство, где и каких размеров необходимо построить школы.

Исследования социального положения сельских территорий Республики Коми свидетельствуют, что в небольших деревнях нужно иметь обязательно хотя бы начальную школу, а в крупных – среднюю школу. Районный отдел народного образования от лица государства должен обеспечить на территории района доставку учеников из мелких деревень и хуторов к средним или неполным средним школам. Такая практика имеется во многих районах страны и в зарубежных странах, однако реализовать эту идею можно лишь там, где имеются дороги с твёрдым (или гравийным) покрытием.

Составным элементом социальной инфраструктуры являются детские сады, детские ясли и другие дошкольные учреждения. Они должны быть практически в каждом населённом пункте, где имеются дети. Размеры их могут быть самыми разными, и как все социальные объекты их финансирование является прерогативой государства и местных органов власти.

Сегодня село периферийных районов, как никогда раньше, нуждается в культурно-бытовом обустройстве. Вместе с тем число учреждений культуры сокращается. Многие учреждения культуры размещены в приспособленных зданиях, требуют капитального ремонта. Свертывание деятельности учреждений культуры – один из факторов непривлекательности сельского образа жизни, миграции наиболее активной части сельского населения, увеличения масштабов асоциального поведения.

Для улучшения культурного обслуживания сельского населения периферийных районов необходимо создание в центрах поселений современных технически оснащенных социально-культурных комплексов, включающих клуб, библиотеку, детскую школу искусств, музей, театральные площадки, различные кружки и спортивные секции, что также послужит и сохранению национальной культуры.

Исследования и консультации с ведущими специалистами республиканских и районных органов управления социальной стороны жизни сельских населённых пунктов периферийных районов показали, что необходимо построить в ближайшие 5 лет 30 детских садов вместимостью по 100 чел. и 6 школ по 100 чел. каждая, амбулаторных поликлиник на 50 посещений в смену – 20, больниц – 5 и киноустановок – 10 (таблица).

**Строительство социально значимых объектов в периферийных районах
Республики Коми***

Группы социальных объектов	Количество, шт.	Вместимость, мест/посещений в смену	Норматив цены строительства, тыс. руб.	Затраты, млн. руб.
Детские сады	30	100	747,32	2241,96
Школы	6	150	923,71	831,339
Больницы	5	200	2836,04	2836,04
Амбулатории	20	50	524,07	524,07
Поликлиники	12	75	1224,49	1102,041
Киноустановки	10	200	650,20	1300,4
Итого	83	-	-	8835,85

*Расчеты произведены на основании государственных сметных нормативов (укрупненных нормативов строительства) по строительству объектов народного назначения (образования, здравоохранения и культуры) за 2012 г. с учетом инфляции.

Сумма капитальных вложений на создание этих социально-значимых объектов социальной инфраструктуры периферийных районов составит 8835,85 млн. руб.

Состояние сельской социальной инфраструктуры характеризуется и ярко выраженной территориальной дифференциацией. Ее развитие, размещение объектов в том или ином районе зависят от многих факторов и уровня экономического развития, природных условий, численности и половозрастной структуры населения, его образовательного и профессионального состава, денежных доходов населения.

Исследования социальной инфраструктуры СПК колхоза «Чернутаевский» Удорского района свидетельствуют о хороших перспективах развития хозяйства. Население хозяйства проживает в одном

населённом пункте, его численность 259 человек. В селе имеется средняя школа, построенная в 2005 году, детский сад, которые соответствуют численности школьников и детей дошкольного возраста. В селе функционирует амбулатория с аптечным пунктом, дом культуры. Имеется постоянная телефонная связь через АТС района. Электроснабжение обеспечивается постоянной линией электропередач. Населённый пункт связан с районным центром автомобильной дорогой с твёрдым покрытием в течение всего года. Культурно-просветительская работа проводится на базе дома культуры, являющегося одним из очагов поддержки и развития национальных культурных традиций местного коренного населения. Здесь происходит демонстрация фильмов, выступления участников самодеятельности, отмечаются знаменательные даты в жизни Республики Коми и Российского государства, организуются торжественные мероприятия в честь достижений коллектива и знаменательных дат хозяйства «Чернутьевский».

Для обеспечения перспективы развития села и хозяйства, улучшения бытовых условий жизни населения необходимо строительство водопроводной сети, осуществление газификации села. В настоящее время источниками питьевой воды являются река Мезень и колодцы в каждом дворе. Отопление всех домов села – печное, дровами. Для закрепления молодёжи и привлечения молодых специалистов нужно вести жилищное строительство силами государства (хозяйства, района, республики) не менее 2–3 домов в год. Это обеспечит потребность не только самого хозяйства «Чернутьевский», но и учителей, медицинских и других работников социальной сферы. Капитальные вложения по нормативам строительства составят 10,0 млн. рублей в год.

Аналогичные исследования социальной инфраструктуры СПК «Вашка» Удорского района также свидетельствуют о хороших перспективах развития этого хозяйства. Население хозяйства также проживает компактно в одном населённом пункте, его численность 512 человек. В селе имеется средняя школа, детский сад, которые полностью соответствуют численности школьников и детей дошкольного возраста. В селе функционирует амбулатория с аптечным пунктом, имеется современный дом культуры. Постоянная телефонная связь обеспечивается через АТС района. Электроснабжение обеспечивается постоянной линией электропередач.

Населённый пункт связан с районным центром автомобильной дорогой с твёрдым покрытием в течение всех периодов года. Культурно-просветительская работа проводится на базе дома культуры, являющегося главным очагом поддержки и развития национальных культурных традиций местного коренного населения. В его стенах происходит демонстрация фильмов, выступления участников художественной самодеятельности, отмечаются знаменательные даты в жизни Республики Коми и Российского государства, организуются мероприятия в честь торжественных дат и событий из жизни коллектива хозяйства «Вашка».

Для обеспечения перспективы развития села и хозяйства, улучшения бытовых условий жизни населения необходимо строительство водопроводной сети, осуществление газификации села. В настоящее время источниками питьевой воды являются река Вашка и колодцы в каждом дворе. Отопление всех домов села – печное, дровами. Для закрепления молодёжи и привлечения молодых специалистов нужно вести жилищное строительство силами государства (хозяйства, района, республики) не менее 4–5 домов в год. Это обеспечит потребность не только самого хозяйства «Вашка», но и учителей, медицинских и других работников социальной сферы. Капитальные вложения по нормативам строительства составят около 20,0 млн. рублей в год.

Перспективному развитию села будут способствовать работы по освоению природных богатств края. Вблизи села имеются залежи полезных ископаемых. Это месторождения строительных материалов (глины, песка, мергеля), горючих сланцев, железной и алюминиевой руды. Создание подсобных производств обеспечит круглогодичную занятость населения и поднимет материальное благополучие населения.

При перспективном социальном переустройстве и развитии инфраструктуры села следует исходить из необходимости комплексного развития сельских территорий в целом. И хотя это связано с увеличением затрат, градостроительная деятельность в сельской местности должна обеспечивать полноценную жизнедеятельность сельского населения, рациональное природопользование, оптимальную территориальную организацию сельскохозяйственного и лесопромышленного производства, планировку и застройку сельских населённых пунктов, формирование полноценной социальной и инженерно-транспортной инфраструктуры.

Решение проблемы социального обустройства села требует межведомственного подхода наряду с долгосрочными целевыми федеральными и республиканскими программами. Ведущая роль в разработке и реализации социально-экономической политики устойчивого развития периферийных сельских районов на региональном уровне принадлежит Министерству экономического развития Республики Коми при тесном взаимодействии с министерствами сельского хозяйства и продовольствия, промышленности и энергетики, здравоохранения, образования, природных ресурсов и охраны окружающей среды, финансов, управлением по занятости населения и другими органами управления республики.

Важными направлениями устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий периферийных районов и Республики Коми являются выравнивание межотраслевых и межрайонных различий в уровне экономического и социально-культурного развития сельских территорий при бюджетной поддержке государства, широкое участие сельского населения в планировании, организации и реализации программ устойчивого развития сельских территорий.

Литература

1. Бондаренко, Л.В. Научные основы формирования системы стандартов обеспечения сельского населения социальными услугами / Л.В. Бондаренко. – М.: ГНУ ВНИИЭСХ, 2013. – С. 78.

Сапрыка В.А.
кандидат социологических наук, доцент,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
(Россия, г. Белгород)

Концептуальные подходы к исследованию регионального приграничного взаимодействия

Исследование приграничного взаимодействия возможно в рамках различных методологических парадигм, выбор которых определяется как спецификой объекта исследования, так и задачами, сформулированными его субъектом. Системный подход фактически стал научной базой управления, регулирования, реорганизации, реструктуризации, реформирования, развития, совершенствования социально-экономических систем, связанных с достижением целевых ориентиров. При этом главной задачей системного подхода является формирование необходимых условий системно организованной социальной и экономической среды с учетом внешнего окружения для осуществления определенных видов деятельности в конкретных сферах и реализации разработанных целевых программ¹.

Системный подход повлиял на эволюцию методологии региональных исследований. В частности, Л.А. Козлов выделяет следующие направления:

- расширение круга учитываемых факторов;
- смещение центра тяжести от общих территориальных проблем на региональный уровень;
- более полный учёт региональных особенностей и интересов населения;
- многокритериальный подход к оценке рациональности развития экономики регионов и размещения производительных сил².

В рамках сформулированных нами целевых установок значительным эмпирическим потенциалом обладает системный подход, в соответствие с которым социум состоит из иерархически организованных взаимосвязанных

---

¹ Яхутлова М.А., Маломусов З.Х. Особенности системного подхода к социально-экономическому развитию региона // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7. – № 3-2. – С. 202-206.

² Региональная экономика: новые подходы / отв. ред. Л.А. Козлов. – М.: Наука, 1993. – 127 с.

подсистем, функционирование которых обусловлено определенными принципами и законами.

Представляет интерес методология исследования трансграничных и приграничных регионов, предложенная в монографии под редакцией А.П. Голикова, которая основывается на экономико-математических, пространственных и экономических методах, оставляя из социологических только метод экспертных оценок³.

Приграничный регион, согласно методологии исследования трансграничных и приграничных регионов А.П. Голикова, имеет внутреннюю структуру и состоит из функциональных систем и системы расселения. Функциональные системы является проявлением общественного разделения труда в процессе общественного развития и проявляются в трёх типах систем:

- а) круговые системы (экономика, культура, политика);
- б) системы организации общественной деятельности;
- в) материально-технические системы.

Прежде всего представляет интерес выявление и систематизация основных причин, обусловивших углубление межрегиональных различий в стране в связи с переходом к рынку. Социально-экономическое положение большинства регионов оказалось под влиянием новых факторов, способствующих углублению межрегиональной дифференциации. Главными из этих факторов явились: включение механизма рыночной конкуренции, разделившего регионы по их конкурентным преимуществам и недостаткам; различные адаптационные возможности регионов к рынку; значительное ослабление регулирующей роли государства; усиление фактического неравенства различных регионов в экономических отношениях с Центром.

Вторым аспектом являются критерии проявления межрегиональных социально-экономических различий. В экономической литературе на этот счет имеются разночтения. По нашему мнению, такими критериями могут служить: различия в уровнях социально-экономического развития регионов, которые позволяют установить степень глубины и масштабы региональной дифференциации; степень вовлеченности отдельных частей совокупного

---

³ Українсько-російське транскордонне співробітництво: сучасний стан і перспективи : монографія / за ред. проф. А.П. Голикова. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2013. – 240 с.

потенциала региона в процессы общественного производства, определяющая характер, темпы и динамику регионального развития в целом; эффективность системы управления региональным развитием, обуславливающая результативное применение различных возможностей, в том числе конкурентных преимуществ региона. Указанные критерии неравномерности регионального развития служат основой для применения системы показателей, позволяющих судить о развитии, глубине и масштабе межрегиональных диспропорций.

На основе отмеченных принципов исследования выделим основные элементы приграничного взаимодействия как системы. Основными элементами, на наш взгляд, будут:

- социальное взаимодействие;
- экономическое взаимодействие;
- геополитическое взаимодействие;
- трансформационное взаимодействие.

Социальное взаимодействие состоит из следующих отношений, возникающих на приграничной территории:

- культурно-бытовых отношений;
- информационно-коммуникационных отношений;
- миграционно-демографических.

Экономическое взаимодействие состоит из отношений:

- отношения в получаемых благах и услугах;
- взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности;
- кооперацию производительных сил.

Геополитическое взаимодействие включает в себя:

- политическое взаимодействие;
- нормативно-правовое регулирование;
- взаимодействие «больших пространств» (цивилизаций) на узком участке границы.

Трансформационная взаимодействие охватывает:

- преобразование природной среды или создание более доступных или преобразованных материальных объектов или их состояний в объекты потребления (материальные блага) и их перемещение;

– преобразования человеческих знаний и создание культурных ценностей и благ, оказание услуг (обучение);

– управление, распоряжение, планирование, организация деятельности людей.

Таким образом, приграничную систему взаимодействия можно определить как не линейную, но эмерджентную, самоорганизующуюся, приобретающую новое качество и новые характеристики. Приграничная система взаимодействия не сводится только лишь к приграничным регионам или к суммированию социально-экономических показателей этих регионов, а приобретает новую сущность в социальном ландшафте граничащих стран.

Селезнёв И.А.
кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН
(Россия, г. Москва)

Опыт социальной интеграции Европы: уроки и перспективы для Евразийского экономического союза

В глобализирующемся мире макрорегиональную интеграцию можно рассматривать как метод повышения конкурентоспособности, когда конкурировать между собой станут уже не отдельные национальные экономики, а крупные региональные экономические союзы. Так, продолжается дальнейшая интеграция экономик в Евросоюзе, в Латинской Америке реализуются свои проекты (MERCASUR, «боливарианский альянс» ALBA–TCP), в Северной Америке NAFTA обретает качественно новые черты; можно наблюдать процессы по созданию зоны свободной торговли в Юго-Восточной Азии. Поэтому неудивительна потребность постсоветских стран в интеграционных процессах на евразийском пространстве, в создании такого «мощного наднационального объединения», которое бы стало одним из полюсов современного мира, при этом играя роль «эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [1].

С 1 января 2015 г. вступил в действие договор о создании международного интеграционного экономического объединения под названием Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии. Если СНГ было формой «цивилизованного развода» (В. Путин), то «сшить» разорванное постсоветское пространство и не допустить разбегания республик пробовали через учреждение Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС, 2000 г.) и соглашения о Зоне свободной торговли (ЗСТ, 2011 г.). С 2011 г. начал действовать Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России, а с 2012 г. – Единое экономическое пространство (ЕЭП) – общий рынок этих (и присоединившихся к ним) стран. И вот, с созданием ЕАЭС, заменяющим ЕврАзЭС, интеграция выходит на новый этап, обретая новые институциональные формы. При этом не стоит преувеличивать «судьбоносность» подписанного договора. По сути важные решения были

приняты с формированием Таможенного союза и ЕЭП. Тогда президенты Белоруссии, Казахстана и России приняли декларацию о евразийской экономической интеграции, которая стала своего рода «дорожной картой» развития интеграционного взаимодействия [2].

Примечательно, что при создании ЕАЭС неоднократно звучали заявления, что этот союз не предусматривает политической интеграции, не уделялось внимания при подготовке договора и интеграции социальной. По словам Н. Назарбаева, президента Казахстана, «политизация данного союза недопустима», «такие направления, как охрана границ, миграционная политика, система обороны, а также вопросы здравоохранения, образования, культуры, правовой помощи по гражданским, административным, уголовным делам не относятся к экономической интеграции и не могут быть перенесены в формат экономического союза» [3]. Таким образом, еще на уровне подготовки договора отвергались какие-либо интеграционные программы в социальной сфере в рамках ЕАЭС.

Однако, что касается социальной политики, то странами-участниками ЕАЭС в предыдущие годы уже были приняты и на настоящий момент реализуются межгосударственные и межправительственные акты, направленные на упрощение порядка принятия гражданства и пересечения границ; создание равных условий для получения медицинской помощи; взаимное признание документов о получении образования; создание льготных условий для занятия малым и средним бизнесом и др. [4]. Если в СССР социальная политика союзных республик носила унифицированный характер в силу общегосударственной собственности на средства производства и централизованной стандартизации законодательства, то теперь нашим странам приходится проводить активные меры по сближению в этой сфере.

Наиболее важным документом в сфере социальной интеграции стала «Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС» (КССП, 2007 г.). Согласно КССП, наиболее актуальными проблемами для стран ЕврАзЭС в социально-трудовой сфере остаются: неравномерность распределения доходов; ослабление стимулов к труду и безработица; несовершенство системы социальной защиты; относительно высокий уровень бедности; ухудшение в масштабах ЕврАзЭС демографической ситуации, рост нерегулируемой трудовой миграции.

Концепция обращает внимание, что решение указанных проблем осуществляется при различных уровнях социально-экономического развития и моделях социальной политики стран-участников, что обуславливает необходимость поэтапного продвижения по пути социальной интеграции [4].

В этой связи процесс социальной интеграции, согласно КССП, направлен на решение следующих задач: обеспечение достойного уровня и качества жизни населения; преодоление бедности; содействие продуктивной занятости; усиление социальной защиты и поддержки наиболее уязвимых слоев населения; использование возможностей институтов гражданского общества и повышение социальной ответственности бизнеса. Конечной целью реализации КССП должно стать формирование сообщества социальных государств путем ускоренного социально-экономического развития и интеграции государств ЕврАзЭС на базе правового обеспечения в соответствии с национальными конституциями стран-участников [4].

Провозглашая «поэтапную интеграцию» и создание «единого евразийского экономического и социального пространства» следует разобраться с очерёдностью форм межстрановой конвергенции. По оценкам специалистов в настоящее время существуют четыре степени межгосударственной интеграции: (1) зона свободной торговли – отсутствуют ограничения во взаимной торговле, снимаются таможенные барьеры на перемещение товаров между странами-членами ассоциации; (2) таможенный союз – свободное перемещение и товаров и услуг внутри стран ассоциации и единые таможенные тарифы по отношению к третьим странам; (3) «общий рынок» (международное экономическое сообщество) – свободное перемещение не только товаров и услуг, но и капиталов и рабочей силы; (4) экономический и валютный союз – общая система регулирования экономической политики, общая валютная система. Поэтапная реализация этих четырёх процессов означает полное осуществление экономической интеграции [5, с. 236-237, 246-247].

Таким образом, на данном этапе страны ЕАЭС вступили в третий этап интеграции (международное экономическое сообщество – «общий рынок»). Объединённая Европа прошла весь этот путь в прошедшие десятилетия, поэтому опыт интеграции европейских стран, в частности, опыт становления социальной системы в Евросоюзе может оказаться полезным. Поэтому рассмотрим основные этапы интеграции европейского пространства,

отдельно обращая внимание как на принципы интеграции, так и на социальную политику.

Сегодня Европейский союз (ЕС) представляет собой надгосударственное объединение 28 европейских стран, экономический и политический союз с единой валютой, парламентом, исполнительными органами (Европейской комиссией). Но такие формы он обрёл постепенно в процессе послевоенных десятилетий интеграции. Причем, окончательная модель уточнялась и формировалась на протяжении самого процесса. По словам Ж. Делора, бывшего председателя Еврокомиссии, процесс интеграции Европы носил беспрецедентный характер и не был ориентирован ни на какую модель [5, с. 263].

Процесс объединения Европы получил развитие после того, как Ж. Монне, генеральным комиссаром по вопросам планирования Франции, был разработан, а Р. Шуманом, министром иностранных дел Франции, обнародован план объединения франко-германской каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности под руководством единого наднационального органа. Помимо экономических, «план Шумана», затрагивал и вопросы коллективной безопасности: чтобы сделать невозможной подготовку новой войны в Европе, ключевые отрасли тяжелой промышленности переводятся под международный контроль с помощью договора, носящего обязательный характер с точки зрения международного права: «Продукция, выпущенная общими усилиями, станет гарантией того, что какая-либо война между Францией и Германией не только немыслима, но и невозможна по материальным соображениям» [6, с. 2].

«План Шумана» (или, точнее, Монне–Шумана) определял как ближайшую задачу – объединение угля и стали, так и стратегическую цель – создание европейской федерации, и, самое главное, метод интеграции: «Европа не возникнет сразу и в целостном виде, она появится на основе конкретных дел, создающих, в первую очередь, фактическую солидарность» [7, с. 90]. По словам Ж. Монне, «мы объединяем людей, не государства» и предсказывать, какую конечную форму обретёт европейское сообщество, значило бы вступить в противоречие с его пониманием, как процесса изменений [5, с. 263]. Метод интеграции по Монне-Шуману, не сразу, а поэтапно, путём перехода от более узких сфер интеграции к более широким впоследствии получил наименование «коммунитарного» [8, с. 8, 98].

Методологически такой подход «конкретных дел», когда внимание в первую очередь уделяется детальному обсуждению всех промежуточных шагов и решений при самом общем и весьма туманном обозначении конечной цели, восходит к концепции функционализма британского политолога Д. Митрани, претворяя идею функционализма о постепенном, поэтапном, умеренном отказе государств от части своего национального суверенитета в пользу общих надгосударственных структур, которые берут на себя функцию удовлетворения совместных политических и экономических интересов. Заметим, что и евразийская интеграция следует тем же принципам.

Первым шагом европейской интеграции, первым «конкретным делом», согласно «плану Шумана», стал Парижский договор (1951 г.) об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), подписанный Францией, ФРГ, Италией и странами Бенилюкса. Свое продолжение этот процесс получил с подписанием странами-участницами ЕОУС Римских договоров (1957 г.), учредивших еще два «европейских сообщества»: Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом), к которым впоследствии присоединились и другие страны.

Что касается социальной политики европейского сообщества, то её принципы были отмечены еще при создании ЕОУС, но более чётко обозначены с учреждением ЕЭС. К числу основных социальных целей были отнесены: обеспечение социального прогресса, ускоренный рост уровня жизни, высокий уровень занятости, улучшение условий жизни и труда, гармонизация социальных условий и социального законодательства стран участниц и содействие развитию остальных регионов. Конкретные задачи подразумевали: свободное перемещение рабочей силы внутри ЕЭС, устранение дискриминации в вопросах найма, оплаты и других условий труда; модернизация национальных систем подготовки рабочих кадров, разработка принципов общей политики в области профессионального обучения и с целью формирования единого рынка труда; финансирование в рамках ЕОУС программы по профессиональной переподготовке или перемещению рабочих, вытесненных из производства в результате последствий интеграции; реализация принципа равной оплаты за равный труд – мужского и женского [9, с. 19-20].

Однако, по оценкам специалистов, социальная программа евросообществ на этом первом этапе интеграции носила во многом декларативный характер и отличалась противоречивостью в целях (политические – социальный консенсус, практические – приспособление рынка рабочей силы к новым условиям хозяйствования). В то время страны-участницы европейских сообществ еще не были готовы к принятию единой согласованной социальной политики, более того, существовали мнения, что она может помешать конкурентоспособности национальных экономик и ущемлять национальные суверенитеты [9, с. 20-21].

Примечательным фактом на этом этапе евроинтеграции стало принятие закрепляющей социальные права человека Европейской социальной хартии (ЕСХ, 1961 г.), которая вступила в силу с 1965 г. В 1996 г. принята, а в 1999 г. вступила в силу Пересмотренная ЕСХ – конвенция, сосуществующая с ЕСХ-1961: некоторые страны ратифицировали только первый документ, а некоторые – только новый. (РФ ратифицировала Пересмотренную ЕСХ в октябре 2009 г., признав обязательными для себя из положений II части Хартии статьи 1, 3, 5-11, 14, 16, 17, 20-22, 24, 27-29 полностью, 2, 4, 12, 15, 18, 19 частично (всего 68 пунктов)). Но, по оценкам специалистов, даже после внесённых в ЕСХ дополнений и обновлений, она имеет общий декларативный характер, не предписывающий обязательств участникам договора [10, с. 16].

Постепенно, под давлением рабочего движения, социальная политика выдвигается в число более важных направлений деятельности евросообществ, что, в конечном счете, выразилось в увеличении финансирования и расширении сферы деятельности. В частности, пришло понимание необходимости активной наднациональной социальной политики и в качестве фактора, способствующего формированию экономического и валютного союза и как одного из главных звеньев будущей европейской системы регулирования экономики. Парижская встреча глав государств и правительств стран-участниц ЕЭС (1972 г.) стала первой встречей на высшем уровне, где социальные аспекты интеграции стояли на повестке дня в качестве одной из основных тем. На этом заседании был поставлен вопрос о разработке общеевропейской политики, которая охватывает наиболее важные социальные проблемы государств евросообществ и рассматривает их в комплексе с основными направлениями дальнейшей интеграции. Была

принята формулировка, согласно которой цель интеграции должна состоять в создании «социальной Европы», «Европейского социального союза». Так начался новый этап европейской социальной политики [9, с. 27-30]. И, начиная с этого времени, было разработано более 50 директив в области трудовых прав работников, регламентирующих уровень оплаты труда, продолжительность труда и отдыха, продолжительность оплачиваемого отпуска и др. [11, с. 125]. Представляется, что данный опыт важен и для государств-членов ЕАЭС.

В 1987 г. вступил в силу Единый европейский акт (ЕЕА), ориентировавший страны евросообществ на углубление экономической конвергенции и создание общего рынка к концу 1992 г., а следующий важный шаг интеграции был заявлен подписанием Маастрихтского договора (1992 г.) о Европейском союзе. Так, на фундаменте трёх европейских сообществ возник Евросоюз (ЕС), создание которого привело к экономическому и валютному союзу. Относительно же интеграции социальной политики ЕС можно отметить, что хотя решение социальных проблем остаётся в ведении каждого отдельного государства, продолжают поиски путей унификации социальных систем, гармонизации социальных отношений в ЕС. В совершенствовании социальной политики всё больше внимания уделяется социальной ответственности бизнеса, помимо основных субъектов социального партнёрства возрастает роль некоммерческих и неправительственных организаций (НПО). Выработке общей социальной модели в объединённой Европе способствует наличие следующих факторов: общее интегрированное экономическое пространство с единой валютой, способствующее экономической и социальной стабильности развития и усиления мировых позиций Европы; общие социально-демографические тенденции на всей территории ЕС (увеличение продолжительности жизни населения, снижения рождаемости, рост участия женщин в трудовой и общественной жизни, уменьшение средней численности семьи, увеличение численности безработных); развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы [11, с. 125-126].

Согласно Лиссабонской декларации развития ЕС предполагается формирование в XXI в., вслед за экономическим и валютным, и других единых европейских пространств: образовательного, научно-

технологического, информационного, социального [12, с. 173-174]. Так создана ли Европейская социальная модель (ЕСМ)? Тут мнения поляризовались: для одних такая модель не только существует, но и является образцом общественного устройства, для других существуют несколько различных моделей, имеющих между собой мало общего. Так, Г. Ферхойген, зам. председателя Еврокомиссии и еврокомиссар по вопросам предпринимательства и промышленности в 2004–2010 гг., утверждал, что единой ЕСМ не существует, поскольку у каждой страны свои традиции [12, с. 179]. Приводятся аргументы, что социальные системы в ЕС во многом несовместимы и наибольшее различие между странами ЕС наблюдается именно здесь. Основной проблемой ЕС в социальной сфере остаётся наличие межгосударственных разногласий в области согласования законодательств стран-участников в этой сфере [9, с. 95].

На сегодняшний день, специалисты выделяют, по меньшей мере, три модели, обнаруживающие различие в социальной политике европейских государств («нордическую», «континентальную» и «островную»), опирающиеся на социал-демократический, социал-консервативный и либеральный типы социальной политики, соответственно. (Существование четвертой модели – «средиземноморской», «южноевропейской» остаётся дискуссионным.) [13, с. 13-15; 14, с. 61-62, 63-65, 105-106]. Общая социальная политика ЕС носит скорее рекомендательный характер, и, таким образом, создание «социальной Европы» отстаёт от темпов экономической и валютной интеграции. Единое социальное пространство ЕС весьма далеко от реального воплощения. Да и в целом, несмотря на все декларации, социальная политика не является главным приоритетом Евросоюза. В таких странах, как ФРГ, Франция, Италия, Австрия, идёт реформирование социальной сферы. И, к примеру, реформы в ФРГ проводятся без учёта перспектив единого европейского социального пространства, поскольку в первую очередь правительство руководствуется интересами национальной экономики. Решения принимаются исходя из учёта ситуации, в которой находится хозяйство страны, и из возникающих вызовов, в том числе и вследствие интеграционных процессов [10, с. 8-9].

Если искать аргументы в пользу единой ЕСМ, то основные принципы, на которые опирается социальная политика в странах ЕС, в той или иной форме разделяются всеми национальными моделями. В «Платформе

предложений по реформе европейской социальной модели» были сформулированы принципы ЕСМ, присутствующие в локальных национальных моделях социальной политики и не оспариваемые никем: социальная справедливость, социальная безопасность, социальное сплочение (солидарность), конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство [12, с. 176, 180, 183]. Чешский политик В. Шпидла, европейский комиссар по вопросам занятости, социальной политики и равным возможностям в 2004–2010 гг., утверждает, что ЕСМ базируется на наборе общих ценностей, таких как приверженность демократии, отказ от любых форм дискриминации, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, гендерное равенство, солидарность и справедливость, признание роли социальных партнеров и социального диалога [12, с. 179]. Собственно, на декларативном уровне большинство этих положений нашло отражение и в документах по социальной политике стран-членов ЕАЭС.

Что касается факторов снижения эффективности имеющихся моделей социальной политики ЕС, то эксперты обращают внимание на нижеследующие:

1. Глобализация и обострение мирохозяйственной конкуренции создают угрозу европейской модели социального государства с помощью социального демпинга. В продаже появляется много конкурентоспособных дешёвых товаров из стран, где ниже оплата труда и ниже социальные расходы. Вследствие этого в условиях глобализации европейские капиталы стали перемещаться в такие страны (Юго-Восточная Азия, Центральная и Восточная Европа и др.).

2. Демографическая ситуация – долгая продолжительность жизни при низкой рождаемости в Европе приводит к тому, что число плательщиков в пенсионную систему становится меньше, а число получателей всё больше (к примеру, в США при той же продолжительности жизни больше молодёжи).

3. Высокая степень социальной защиты снижает стремление к более производительному труду. Таким образом, ставятся препятствия для роста эффективности европейской экономики [10, с. 14-16].

Можно добавить, что демографическая ситуация становится еще более угрожающей, поскольку усугубляется массовой иммиграцией из стран

«третьего мира», также претендующей на социальные пособия, что, несмотря на все программы толерантности, возбуждает в европейском обществе инстинкт национального самосохранения и, как результат, ведёт к росту шовинизма и ксенофобии.

Учёт этого европейского опыта, в том числе совершённых ошибок, становится важным и при выстраивании социальной политики в странах ЕАЭС. Ведь отечественная миграционная политика фактически направлена на привлечение рабочей силы для замещения невостребованных вакансий малоквалифицированного физического труда. Проблема в том, что такие трудовые мигранты способствуют консервации низкооплачиваемых рабочих мест, что отражается на всём рынке труда и, в конечном счете, препятствует модернизации экономики.

Но, говоря о достижениях в европейской социальной политике, стоит обратить внимание на существующую там систему социальных индикаторов и показателей. Так, шведскими специалистами было внесено в национальный, а затем и в широкий общеевропейский оборот ключевое для социальной политики понятие «социальная проблема», впервые предложенное экспертной группой ООН в 1961 г. как состояние «нужды в жизненном положении человека, которое может быть устранено действиями общественных институтов». Итак, к числу таких социальных проблем, актуальных в современном обществе и требующих вмешательства и разрешения, относят: проблемы, связанные с детьми и молодёжью (выбор профессии, молодёжная безработица, асоциальные, педагогически запущенные дети и др.); с материнством и семейной жизнью (семейные конфликты, одинокие матери, разводы, семьи с детьми с нарушениями развития и инвалидами и др.); со старостью (экономические проблемы стариков, адаптация к жизни пенсионера, изоляция от окружающих, уход за пожилыми людьми); с инвалидностью и болезнью (реабилитация инвалидов, уход и др.); с профессиональной жизнью (профессиональная адаптация, переквалификация, низкая зарплата, производственный травматизм и др.); с отклоняющимся поведением; с социальными и экономическими изменениями (миграция, урбанизация, локализация определённых социальных групп и др.); с природными и политическими потрясениями (наводнения, землетрясения, жертвы войн, беженцы и вынужденные переселенцы); с социальными меньшинствами (этнические и религиозные

группы) [14, с. 73-74]. Подобная классификация социальных проблем может быть инструментально востребована и в странах ЕАЭС при определении индикаторов и показателей эффективности социальной политики, выявлении адресатов социальной помощи и т.п.

Итак, подведём итоги. Европейская система социальной политики – плод длительной интеграции. До сих пор среди специалистов и политиков нет единого мнения, можно ли говорить об общеевропейской социальной модели или по крайней мере о трёх различных региональных моделях, связанных с социал-демократическим, консервативным и либеральным пониманием социальной политики. В пользу Европейской социальной модели говорит наличие общих принципов в той или иной форме разделяемых и всеми локальными моделями социальной политики: социальная справедливость, социальная безопасность, социальная солидарность, конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство.

В то же время объективные факторы (наличие общего экономического и валютного пространства; схожие социально-демографические тенденции; развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы) могут как способствовать выработке общей социальной модели в ЕС, так и содержать в себе потенциальные препятствия к эффективности европейской социальной политики. Что касается постепенной унификации национальных законодательств в этой области, то поскольку интегрированная социальная политика исходит из рекомендаций наднациональных органов, то такие решения могут игнорироваться. Таким образом, интеграция ЕС в области социальной политики отстаёт от экономической и даже политической конвергенции европейского пространства.

Это следует учитывать при построении интеграционной модели социальной политики в странах ЕАЭС, поскольку ситуация с формированием единой социальной политики стран ЕАЭС соответствует ранним этапам развития европейской интеграции, когда вопросам социальной политики уделялось недостаточное внимание. Если в Европе 1960-х гг. проблемы усиления социальной политики решались путём массовых выступлений

трудящихся, то в условиях неразвитости рабочего и профсоюзного движения в сегодняшней РФ, РБ и РК эффективность такого пути гораздо ниже.

В то же время в условиях внешнеэкономических санкций со стороны стран Запада (включая ЕС), с которыми столкнулась РФ в 2014–2015 гг. и с которыми сталкивается Республика Беларусь на протяжении ряда лет, переход на стандарты ЕС в социальной политике, включая положения «Европейской социальной хартии», представляется скорее химерическим. При этом в ситуации потенциальной изоляции наших стран со стороны Запада скорее будут проявляться те или иные мобилизационные формы, что, в конечном счете, повышает нормы эксплуатации труда. С другой стороны, сложная международная обстановка диктует потребность в повышении социальной солидарности и снижения социальной напряженности. И здесь вполне следует ожидать инициатив со стороны государства, обращающегося к активной социальной политике.

Литература

1. Путин, В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Известия. – 2011. – 3 окт.
2. В Астане подписан договор о создании ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2014/05/29/1274315.html>
3. Назарбаев раскритиковал политизацию ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.nur.kz/295894.html>
4. Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/67>
5. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М, Инфра-М, 2008.
6. Евробюллетень (Информационное издание представительства ЕС в Беларуси) [Электронный ресурс]. – 2010. – № 3 (8). – URL: http://ec.europa.eu/delegations/belarus/documents/press_corner/eurobulletin/eurobulletin_3_may2010_be.pdf
7. Шуман, Р. За Европу / Р. Шуман. – М., 2002.
8. Кошкин, С.Ю. Комментарии / С.Ю. Кошкин, А.О. Четвериков // Конституция Европейского союза: договор устанавливающий конституцию для Европы / отв. ред. С.Ю. Кошкин. – М.: Инфра-М, 2005.
9. Пашков, А.В. Европейская социальная политика / А.В. Пашков. – К.: Глобус, 1999.
10. Совместимы ли социальные модели России и ЕС? – М., 2005.
11. Церкасевич, Л.В. Современные тенденции социальной политики в странах Европейского союза / Л.В. Церкасевич. – СПб.: СПбГУЭФ, 2002.

12. Социальная Европа в XXI веке (Старый свет – новые времена) / под ред. М.В. Каргаловой. – М.: Весь мир, 2011.
13. Каргалова, М.В. Социальное измерение европейской интеграции / М.В. Каргалова, Е.Н. Егорова // Общие пространства России – ЕС: право, политика, экономика. – Вып. 7. – М.: Аксиом, 2010.
14. Церкасевич, Л.В. Социальная политика и стратегия её реализации в странах Европейского союза / Л.В. Церкасевич. – СПб: СПбГУЭФ, 2003.

Соловьева Т.С.
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Попов А.В.
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Россия, г. Вологда)

Демографический фактор в обеспеченности трудовыми ресурсами экономики России и Казахстана

В условиях усиления интеграционных процессов на постсоветском пространстве (образование Евразийского экономического союза, Таможенного союза, Единого экономического пространства и т.д.) формируются новые возможности для развития государств. Одним из важнейших направлений по реализации социально-экономических преобразований и созданию конкурентных преимуществ является обеспечение национальных экономик трудовыми ресурсами, которые представляют основной стратегический ресурс эффективного развития.

В формировании трудовых ресурсов определяющую роль играет демографический фактор. К основным характеристикам, оказывающим влияние на воспроизводство рабочей силы, относятся процессы естественного движения населения, его возрастно-половая структура, миграция и др. Рассмотрим демографические возможности обеспечения стран Евразийского экономического союза трудовыми ресурсами на примере Российской Федерации и Республики Казахстан.

Динамика численности населения России и Казахстана характеризуется разнонаправленными тенденциями (табл. 1). В период 1989–2014 гг. численность российского населения снизилась на 3% – с 147,0 до 143,3 млн. чел. Наибольшее влияние на этот процесс оказало снижение рождаемости и рост смертности в стране. В Казахстане, несмотря на спад численности населения к концу 90-х гг. XX в. относительно 1989 г., наметилась тенденция к росту: по состоянию на 2013 г. данный показатель составил 17,2 млн. чел. (против 16,5 млн. чел. в 1989 г. и 14,5 млн. чел. в 2002 г.). В первом случае

это принято связывать с выездом на постоянное место жительства на историческую родину части представителей этносов и падением уровня рождаемости, а во втором – с увеличением естественного прироста [1, с. 3]. Таким образом, при сохранении существующих тенденций положительной динамики можно говорить о том, что Казахстан, в отличие от России, в перспективе может иметь возможность удовлетворить потребности экономики в трудовых ресурсах.

Таблица 1. **Возрастная структура населения России и Казахстана (на 1 января)**

Год	Всего	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста	Всего	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста
Россия								
1989	147022	35995	83746	27196	100,0	24,5	57,0	18,5
2002	145167	26327	88942	29778	100,0	18,2	61,3	20,5
2005	143801	24349	90099	29353	100,0	16,9	62,7	20,4
2006	143236	23671	90157	29408	100,0	16,5	62,9	20,5
2007	142863	23073	90058	29732	100,0	16,2	63,0	20,8
2008	142748	22842	89745	30161	100,0	16,0	62,9	21,1
2009	142737	22854	89342	30541	100,0	16,0	62,6	21,4
2010	142857	23126	87983	31714	100,0	16,2	61,6	22,2
2011	142865	23209	87847	31809	100,0	16,2	61,5	22,3
2012	143056	23568	87055	32433	100,0	16,5	60,9	22,7
2013	143347	24110	86137	33100	100,0	16,8	60,1	23,1
Казахстан								
1989	16465	5551	9079	1823	100,0	33,7	55,1	11,1
2002	14851	4257	9000	1594	100,0	28,7	60,6	10,7
2005	15075	4013	9489	1573	100,0	26,6	62,9	10,4
2006	15219	3982	9652	1585	100,0	26,2	63,4	10,4
2007	15397	3985	9824	1588	100,0	25,9	63,8	10,3
2008	15572	4012	9967	1593	100,0	25,8	64,0	10,2
2009	15982	4134	10283	1566	100,0	25,9	64,3	9,8
2010	16203	4201	10406	1596	100,0	25,9	64,2	9,9
2011	16440	4289	10516	1635	100,0	26,1	64,0	9,9
2012	16673	4398	10603	1673	100,0	26,4	63,6	10,0
2013	17161	4683	10700	1778	100,0	27,3	62,4	10,4

Примечание. Сумма строк не равна соответствующему итогу в связи с наличием лиц, не указавших возраст.
Источник: данные Росстата и Агентства Республики Казахстан по статистике.

Возрастная структура общества рассматриваемых государств также имеет существенные различия. С 1989 по 2013 г. удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста в России сократился с 24 до 17%, а доля пожилых людей возросла с 18 до 23%. Улучшение демографической ситуации в стране, наблюдаемое в последние годы, обусловлено в основном повышением интенсивности рождаемости, где особую роль играет реализация ряда социально значимых проектов («Здоровье», «Доступное жилье» и т.д.) [8, с. 136].

В Казахстане же, при общей тенденции снижения с 1989 г., с 2008 г. отмечается увеличение доли молодых при одновременном росте доли лиц старше трудоспособного возраста. В соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета Россия, где доля людей старше 60 лет в 2013 г. составила 23%, относится к числу стран с очень высоким уровнем демографической старости, в то время как Казахстан находится на втором этапе, обозначенном как «собственно преддверие старости» (10% в 2013 г.).

Тип воспроизводства населения России, характеризуемый низкой рождаемостью и высокой смертностью, определил нарастание масштабов старения (в развитых странах, в отличие от государств постсоветского пространства, возникновение данного процесса принято связывать с увеличением продолжительности жизни [7, с. 83]). С 2000-х гг. Казахстан постепенно переходит к расширенному воспроизводству, формируется прогрессивный тип половозрастной структуры.

Относительно высокая рождаемость до конца 80-х гг. XX в. позволила сохранить долю лиц трудоспособного возраста в России на прежнем уровне (59% в 2014 г. против 57% в 1989 г.), в Казахстане – даже несколько увеличить, особенно благодаря компенсационному росту рождаемости вследствие реализации женщинами рождений, отложенных в 90-е гг. (62% в 2014 г. против 55% в 1989 г.) [5, с. 18-28]. С другой стороны, с 2007 г. в России, в отличие от Казахстана, происходит значительное снижение доли данной группы населения как в абсолютном, так и в относительном выражении. Согласно прогнозу Росстата, удельный вес лиц трудоспособного возраста в России к 2030 г. сократится на 5,7 п.п. по сравнению с 2014 г. и составит 54% (табл. 2).

Таблица 2. Прогноз численности населения Российской Федерации (средний вариант) и Республики Казахстан по возрастным группам (на начало года)

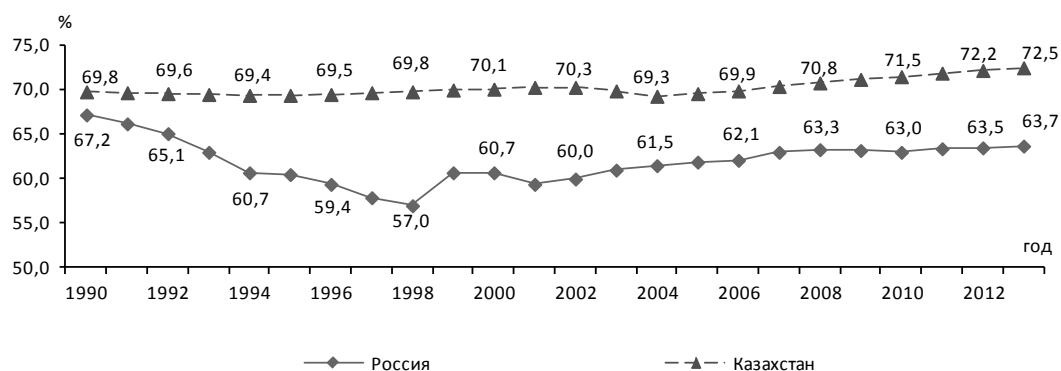
Год	Моложе трудоспособного возраста				Трудоспособного возраста				Старше трудоспособного возраста			
	Россия		Казахстан		Россия		Казахстан		Россия		Казахстан	
	Тыс. чел.	В %	Тыс. чел.	В %	Тыс. чел.	В %	Тыс. чел.	В %	Тыс. чел.	В %	Тыс. чел.	В %
2014 (факт)	24717,0	17,2	4756,8	27,5	85162,0	59,3	10708,0	62,0	33100,0	23,5	1802,4	10,4
2016	26313,6	18,0	5071,2	28,6	84296,2	57,4	10744,7	60,6	36144,5	24,6	1919,5	10,8
2020	27992,9	18,9	5601,7	30,1	80996,4	54,8	10791,1	58,0	38915,1	26,3	2203,8	11,9
2025	28348,2	19,1	5821,5	29,9	79137,5	53,4	11116,0	57,0	40855,9	27,5	2557,1	13,1
2030	26579,0	18,0	5718,4	28,2	79271,0	53,6	11759,5	57,9	41994,6	28,4	2836,1	14,0

Источники: данные Росстата; Демографический прогноз Республики Казахстан: основные тренды, вызовы, практические рекомендации [Эл. рес.] / Министерство экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан. – Реж. дост.: http://www.akorda.kz/upload/nac_komissiya_po_delam_zhenshin/Demograficheskaya%20политика/4.2%20рус.pdf

Согласно данным Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан, на 1000 человек, вступающих в трудоспособный возраст, к 2030 г. будет приходиться 496 человек, выходящих из трудоспособного возраста [1]. Доля трудоспособного населения к 2030 г. также снизится на 4 п.п. (58% против 62% в 2014 г.). Таким образом, в рамках прогноза и для Казахстана в ближайшем будущем возможно возникновение проблемы дефицита трудовых ресурсов.

Особую роль в сложившейся ситуации будет играть процесс вовлечения широких слоев граждан в трудовую деятельность, выражаемый в уровне экономической активности населения¹, характеризующемся как отношение численности экономически активного населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы.

В период с 1990 по 1998 г. экономическая активность населения России снизилась с 67 до 57% (рисунок). С 1999 г. по настоящее время отмечается умеренный рост трудовой активности, который в основном связан с вовлечением пожилых граждан в трудовую деятельность. В Казахстане же на протяжении рассматриваемого периода данный показатель находился примерно на одном и том же уровне и с 2006 г. имеет тенденцию к повышению.

**Динамика уровня экономической активности населения
России и Казахстана, %**

Источник: база данных Всемирного Банка.

¹ В соответствии с методологией Всемирного Банка под экономически активным населением понимаются лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными. Использование данной категории связано с тем, что ее количественные характеристики значительно в меньшей степени зависят от демографической обстановки в отличие от категории «лица трудоспособного возраста».

Экономическая активность населения в разрезе половозрастных групп характеризуется некоторыми особенностями (табл. 3). Трудовая активность лиц старших возрастов (старше 55 лет) в Казахстане значительно выше, чем в России (в среднем на 14 п.п.). Особенно высокие значения данного показателя отмечаются в группе 55–59-летних казахов. В целом уровень экономической активности как женщин, так и мужчин в Казахстане по всем возрастным группам выше, чем в России.

Таблица 3. Уровень экономической активности населения по возрастным группам в 2013 г. (в % от численности населения соответствующей половозрастной группы)

Возрастная когорта	Все население		Мужчины		Женщины	
	Россия	Казахстан	Россия	Казахстан	Россия	Казахстан
Экономически активное население, из него в возрасте, лет	67,6	71,7	73,4	77,3	62,5	66,7
15–19	13,4	8,2	15,6	9,0	11,2	7,4
20–24	64,4	65,4	69,5	71,0	59,3	59,9
25–29	86,8	92,7	93,4	95,9	80,2	89,4
30–34	88,8	94,5	93,7	97,6	84,1	91,4
35–39	91,3	94,3	93,9	96,6	88,9	92,2
40–44	91,9	95,4	93,1	97,3	90,8	93,6
45–49	90,7	93,9	91,6	95,6	89,8	92,4
50–54	84,4	92,6	86,7	94,7	82,5	90,7
55–59	62,1	80,5	76,2	90,8	51,2	73,1
60 лет и старше*	19,2	20,4	25,2	33,0	15,4	10,9

* В России данный интервал представлен населением в возрасте 60–72 лет.
 Источники: Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 23; Экономическая активность населения Казахстана 2009–2013: стат. сб. / под ред. А.А. Смаилова. – Астана: Статистика, 2014. – С. 11.

Помимо различий в половозрастной структуре существуют различия и в профессионально-квалификационной структуре рассматриваемых стран. В Казахстане все регионы являются трудоизбыточными, причем в основном за счет неквалифицированных работников, при явной нехватке специалистов высокой квалификации [3]. Россия же испытывает дефицит как низкоквалифицированной, так и высококвалифицированной рабочей силы.

Кроме того, на ситуацию в области трудовых ресурсов оказывает влияние миграция населения. На протяжении многих лет Казахстан являлся для России одним из основных доноров рабочей силы. Население, особенно из сельских районов с неразвитой инфраструктурой и низким уровнем жизни, вследствие различных социально-экономических причин мигрирует в регионы с более благоприятными для жизни условиями.

Демографической безопасности уделяется большое внимание как в России, так и в Казахстане. Основными направлениями являются стимулирование рождаемости, снижение смертности населения, увеличение продолжительности здоровой жизни, регулирование миграции и укрепление института семьи, регламентированные в таких главных программных документах, как Концепция демографической политики и укрепления семьи РК на 2010–2020 годы и Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Меры, предпринятые в рамках программных направлений, дали определённые положительные результаты, однако, по мнению С.В. Рязанцева, если интерес к демографическим вопросам снизится, то депопуляция снова будет углубляться [6]. Чтобы избежать этого, прежде всего необходимо устранить сопутствующие негативные социальные факторы: низкий уровень жизни, социальная незащищённость, недоступность качественных медицинских и образовательных услуг и т.д.

Меры демографической политики не способны полностью обеспечить потребности экономик России и Казахстана в трудовых ресурсах. Поэтому важным направлением становится расширение возможностей для вовлечения в трудовую деятельность экономически неактивного населения.

В то же время существует мнение, что повышение экономической активности отдельных категорий граждан (молодежи, женщин, пенсионеров, инвалидов и т.д.) в перспективе не сможет компенсировать падение предложения труда [2]. Хотя структура потребности в кадрах в России и Казахстане несколько отличается, в обеих странах при отсутствии барьеров для трудоустройства появляется возможность ликвидировать дефицит кадров по некоторым специальностям. Решением данной проблемы становится привлечение иностранной рабочей силы, особенно актуальное при формировании единого рынка труда в рамках Евразийского экономического союза. Кроме того, возможна активизация деятельности по содействию академической и учебной мобильности молодежи России и Казахстана путем повышения качества образовательных программ и расширения существующих квот на обучение студентов из других стран.

Литература

1. Демографический прогноз Республики Казахстан: основные тренды, вызовы, практические рекомендации [Электронный ресурс] / Министерство экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/upload/nac_komissiya_po_delam_zhenshin/Демографическая%20политика/4.2%20рус.pdf (дата обращения: 05.05.2015).
2. Капелюшников, Р.И. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития [Текст] : препринт / Р.И. Капелюшников, А.Ю. Ощепков. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 41 с.
3. Котляров, Н.Н. Состояние и тенденции развития общего рынка трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза / Н.Н. Котляров, Л.В. Левченко, Е.Б. Стародубцева // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 1. – С. 30-34.
4. Мырзалиев, Б. Показатели эффективности использования трудовых ресурсов [Текст] / Б. Мырзалиев, Д. Джасенов // Экономика. – 2009. – № 6. – С. 5-8.
5. Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области [Текст] / А.Н. Алексеенко, З.Н. Айтказина, Н.Л. Краснобаева, А.Б. Серекбаева, Е.В. Тарасова, С.К. Уалиева. – Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2006. – 256 с.
6. Рязанцев, С.В. Демографическое будущее России [Текст] / С.В. Рязанцев, К. Зоидов // Международные процессы. – 2013. – № 1. – С. 63-75.
7. Рязанцев, С.В. Проблемы старения населения России / С.В. Рязанцев, Н.П. Гусаков, Р.В. Маньшин // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2014. – № 1. – С. 83-87.
8. Шабунова, А.А. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 5. – С. 129-136.

Черномаз П.А.
кандидат географических наук, доцент,
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
(Украина, г. Харьков)

**Опыт и проблемы трансграничного сотрудничества на границах
Евразийского экономического союза (на примере еврорегиона
«Слобожанщина»)**

В 2015 году исполняется 12 лет с момента учреждения органами власти и местного самоуправления Харьковской и Белгородской областей еврорегиона «Слобожанщина», который выступил в роли своего рода катализатора процессов украинско-российского межрегионального трансграничного сотрудничества¹. По его примеру в приграничной полосе Украины и России сформировался каркас территориально компактных еврорегионов, в основе которых – соглашения между расположенными по обе стороны границы территориальными органами власти и самоуправления. В этот каркас, кроме «Слобожанщины», входят еврорегионы «Днепр», «Ярославна» и «Донбасс».

Хочется подчеркнуть, что еврорегион – это форма трансграничного сотрудничества, возникшая в послевоенной Европе, позволяющая реализовывать на практике улучшение взаимодействия органов управления приграничных регионов с целью повышения благосостояния населения за счет совместных действий во всех сферах жизнедеятельности (экономическая, социальная, экологическая и др.)². Именно развитие еврорегионов на просторах Европы позволило гармонизировать взаимоотношения населения стран в приграничных территориях и впоследствии – снять многие барьеры, созданные на границах. Причем часто граница разделяла один народ, имеющий общую историю и духовное единство.

---

¹ Черномаз П.А. Еврорегион «Слобожанщина» как катализатор украинско-российского межрегионального приграничного сотрудничества // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции. – Березники, 2012. – С. 35-38.

² Черномаз П.А. Содержание и формы трансграничного сотрудничества: учет европейского опыта в украинско-российском контексте // Українсько-російське порубіжжя: стан та перспективи співробітництва: матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції 15 грудня 2012 р. – Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2012. – С. 135-139.

Наглядным примером может служить регион Эльзас, лежащий на границе Германии и Франции. Долгие годы эти государства боролись за господство над данной территорией, что приводило для ее населения к трагическим последствиям вплоть до вовлечения в военные конфликты.

Это стало толчком к тому, чтобы в 1917 г. французский географ, профессор Сорбонны Поль Видаль де ла Блаш в работе «Восточная Франция», посвященной вопросу французской принадлежности Эльзаса и Лотарингии (которые в результате Франко-прусской войны 1870–1871 гг. были присоединены к Германии и возвращены Франции в 1919 г.), выдвинул идею преобразования пограничных земель двух государств в зону взаимного сотрудничества. Он предлагал совместное освоение этих земель немцами и французами, считая, что граница должна стать не разделяющей, а объединяющей линией.

Таким образом, была сформулирована суть трансграничного сотрудничества, которое четыре десятилетия спустя (в 1958 г.) было оформлено в виде первого еврорегиона «Euregio» на немецко-нидерландском пограничье с центром в немецком городе Гронау. Впоследствии появился еврорегион на территории французского Эльзаса и соседней немецкой земли Баден-Вюртемберг. Сейчас он трансформировался в новую форму – европейскую группу территориального сотрудничества (European grouping of territorial cooperation – EGTC) под названием «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau».

Группа территориального сотрудничества «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» создана 25 января 2010 г. на французско-немецком пограничье муниципалитетом французского Страсбурга (столица региона Эльзас) и администрацией немецкого района Ортенау (земля Баден-Вюртемберг), население которого традиционно являлось эльзасским. Население данной территории – 868 тыс. жителей, площадь – 2176 кв. км. Штаб-квартира EGTC – в Страсбурге (Франция), секретариат – в Келе (Германия). Создан Совет EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» (48 членов по 24 представителя с обеих сторон), заседания проводятся регулярно в открытом режиме, о чем заранее сообщается на сайте www.eurodistrict.eu.

Данная форма сотрудничества в виде территориальной группы (в терминах Совета Европы – «объединения еврорегионального

сотрудничества»³) позволяет сегодня реализовывать совместные немецко-французские проекты, усиливающие единство населения Эльзаса. Примерами таких проектов являются:

- экологический проект «Одна природа, два языка, одна сеть»;
- строительство трансграничного трамвайного сообщения между городами Страсбург и Кель;
- микропроекты фонда «Мой еврорайон» (50% софинансируются в рамках программы INTERREG Верхний Рейн, для участия в конкурсе на получение финансирования можно подавать заявки через сайт еврорайона «Strasbourg-Ortenau»). Общий бюджет проекта может составлять от 2000 до 80 000 евро. Направления – культура, спорт, образование, экология, социальное обеспечение и др.;
- проекты, направленные на сохранение эльзасского языка (алеманнская группа немецких диалектов) и поощрение двуязычия, в том числе через программы обмена учащимися (путем заполнения заявок на сайте), создание фонда трансграничных перемещений учащихся.

Успешная реализация проектов EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» объясняется следующими сформированными предпосылками:

1. Руководящей элитой сообщества создана и реализуется региональная государственная политика, основанная на реальном финансировании (в ЕС – политика сплочения, бюджет которой в 2014–2020 гг. составит 351,8 млрд. евро).
2. Созданы действующие инструменты финансирования (в ЕС – Европейский фонд регионального развития и программы INTERREG).
3. Инициатива местных органов власти (желание региональных политических элит развивать сотрудничество).
4. Прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов (на конкурсной основе).

---

³ Черномаз П.А. Институциональные перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества в контексте третьего протокола к Мадридской конвенции [Эл. рес.] // Українсько-російське порубіжжя: стан та перспективи співробітництва: Матеріали науково-практичної конференції 16 квітня 2011 р. – Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2010. – С. 111-114. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5249>; Черномаз П. Тенденции институционализации объединений еврорегионального сотрудничества и их влияние на трансграничное сотрудничество в Украине [Эл. рес.] // Формування мереж прикордонного співробітництва України: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, м. Чернівці, 12-13 травня 2011 р. – Чернівці: ЧТЕІ КНТЕУ, 2011. – С. 159-162. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5253>

5. Действующая институциональная структура органа трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы). Положительный опыт сплочения и единения населения приграничных территорий нами было предложено воплотить в жизнь приграничья России и Украины, используя форму еврорегиона «Слобожанщина»⁴.

В сложных организационно-финансовых условиях за десять лет существования еврорегиона «Слобожанщина» были налажены деловые отношения между Белгородской областной Думой и Харьковским облсоветом, в частности создана междепутатская группа, члены которой обменивались информацией, обсуждали вопросы улучшения взаимодействия регионов. К примеру, белгородцы активно продвигали льготный режим для предпринимателей, которые инвестировали в их регион. И некоторые харьковские предприятия открыли свои дочерние в Белгородской области, например, – подшипниковый завод. Были реализованы малобюджетные проекты в русле «политики малых дел»⁵. К ним относятся основанные на энтузиазме отдельных личностей научно-образовательные проекты, развивающие тематику еврорегиона «Слобожанщина», такие как:– Школа межрегионального приграничного сотрудничества с проведением трансграничных стратегических дебатов среди студентов и молодых ученых на базе Белгородского государственного университета (БелГУ) и Харьковского национального университета (ХНУ) имени В.Н. Каразина;

– научно-практическая конференция «Украинско-российское порубежье: состояние и перспективы сотрудничества» на базе кафедры международных экономических отношений ХНУ им. В.Н. Каразина;

---

⁴ Голиков А., Черномаз П. Еврорегион «Слобожанщина» как форма трансграничного сотрудничества сопредельных областей Украины и России [Эл. рес.] // Регион: Проблемы и перспективы. – 1997. – № 4. – С. 52-54. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5204>; Черномаз П.А. Еврорегион «Слобожанщина» – перспективы трансграничного сотрудничества Харьковской области // Вестник торговой палаты: Совместный выпуск Харьковской и Белгородской ТПП. – 2002. – № 11. – С. 15-16; Черномаз П. Еврорегион «Слобожанщина» и перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества [Эл. рес.] // Часопис соціально-економічної географії: 36. наук. праць. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – Вип. 7 (2). – С. 85-92. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5208>; Черномаз П.А. Украинско-российское трансграничное сотрудничество в рамках еврорегиона «Слобожанщина»: реалии и возможности [Эл. рес.] // Развитие частно-государственного партнерства в Республике Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13-14 дек. 2012 г. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – С. 241-252. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/7792>

⁵ Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв. ред. В.А. Колосов, О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 248-253.

– информационный портал межрегионального приграничного сотрудничества (www.euroregion.ru).

Для жителей приграничья начал действовать упрощенный режим пересечения границы через местные пункты пропуска без оформления миграционной карты.

Однако эта форма трансграничного сотрудничества не смогла заработать на полную силу и показать такую же эффективность, как в странах ЕС. Причин тому множество. Выделим основные препятствия, которые помешали наполнению формы еврорегиона содержанием в украинско-российском трансграничном сотрудничестве.

1. Отсутствие четкой государственной региональной политики, подкрепленной финансированием, с приоритетом приграничного сотрудничества.

2. Отсутствие механизма согласованного совместного украинско-российского стратегического планирования в трансграничном сотрудничестве. 3. Отсутствие специальных инструментов финансирования (не был создан российско-украинский фонд развития трансграничного сотрудничества по примеру Европейского фонда регионального развития).

4. Не была обеспечена конкурсность и прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов.

5. Не создана действенная (работающая, а не формальная) институциональная структура органов трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы). Обострение украинско-российских отношений, обоюдная информационная война и эскалация конфликта привели к тому, что приграничные с Россией территории Украины превратились в своеобразное «яблоко раздора». Апофеозом стал военный конфликт на юго-востоке Украины с его страшными и непоправимыми последствиями для людей, втянутых в противостояние.

Изменившиеся политические и экономические условия поставили украинско-российское сотрудничество перед новыми вызовами. Главный вызов связан с кризисом человеческих отношений, негативно повлиявшим на двустороннее сотрудничество.

Почему же подобное могло случиться между двумя духовно близкими христианскими народами? По нашему мнению, истоки современного общественно-политического кризиса лежат в духовной сфере. Главнейшая

его причина – приоритет материальных ценностей над духовными. Поэтому только духовное возрождение общества на основе повышения уровня духовности каждого человека путем личного совершенствования может стать основой выхода из социально-экономического и политического кризиса⁶. При этом важно, куда направляет свои силы и энергию каждый человек – на созидание или разрушение.

Духовный кризис в православной цивилизации состоит в отходе людей от истинной веры в Бога, и начался он не сегодня и даже не в годы «воинствующего атеизма», а ранее. Духовным стрежнем славяно-православного суперэтнуса, к которому принадлежат как украинский, так и русский народы, является православие. Общественным институтом, призванным сохранять православную духовность в народе, является православная Церковь. Поэтому источник современного духовного кризиса следует искать в кризисном состоянии (отразившемся в «обмирщении») Церкви в Российской Империи, где к XIX веку православная вера превратилась преимущественно в определенную форму с присущими обрядами, но с выхолащенным содержанием.

Подтверждение этому находим у выдающегося православного подвижника XIX века святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), который постоянно об этом свидетельствовал и в одном из своих писем сообщал: «Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ и все страны, в которых доселе держалось Православие»⁷.

Можно вполне согласиться с архиепископом Горловским и Славянским Митрофаном, который во время недавней проповеди в Успенской Святогорской Лавре произнес следующие слова: «...Если бы для всех нас, которые крещены в православной вере, христианство было на первом месте, никогда бы войны не было»⁸. Этот неутешительный вывод он обосновал

---

⁶ Черномаз П.А. Роль духовного возрождения в преодолении негативных тенденций развития мирового хозяйства [Эл. рес.] // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: Материалы III Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Москва, 11-12 ноября 2010 г. – М.: РУДН, 2010. – С. 149-157. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5252>

⁷ Игнатий (Брянчанинов), свт. Избранные письма [Эл. документ] / свт. Игнатий (Брянчанинов). – Реж. дост.: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/pisma

⁸ В день памяти 40 мучеников Севастийских архиепископ Митрофан принял участие в богослужении в Успенской Святогорской лавре [Эл. документ] // Горловская и Славянская епархия: Официальный сайт. – Реж. дост.: <http://gorlovka-eparhia.com.ua/v-den-40-muchenikov-sevastyiskih-arhiepiskop-mitrofan-prinyal-uchastie-v-bogoslužhenii-v-uspenskoy-svyatogorskoj-lavre/>

следующим образом: «Вопрос, который задают каждому священнослужителю: как может быть так, что единоверные христиане друг на друга подняли руку? Ведь, если вспомнить, ещё три года назад мы вместе праздновали Пасху и Рождество, причащались, исповедовались, вместе в храме молились. Но сегодня – друг другу враги. И все христиане. Что же произошло? Всё очень просто. Христиане – это не те, кто ходит на службу, не те, кто крестик на себе носит и не те, кто соблюдает обычаи и обряды. Христиане – это те, кто своё христианское звание ставит на первое место... Христиане никогда не откажутся от своего христианства, всегда будут следовать за своей совестью, смотреть на заповеди Божии и спрашивать себя: „А угодно ли Богу то, что я делаю? А как должен поступить христианин?“»⁹

Христианство – религия любви, война – концентрация ненависти. Угодна ли Богу война? Вопрос риторический. Тем не менее, есть много людей, которые обосновывают необходимость войны, называя себя православными христианами и приводя примеры из Библии и отечественной истории.

Именно к таким христианам относятся слова святителя Игнатия: «Плотские люди, привязанные всею душою к земной жизни, знакомые с Законом Божиим поверхностно, по букве..., чуждые Закону Божию по духу, по сердцу, по жизни, по делам своим...»¹⁰ Святитель Игнатий вслед за святыми отцами Церкви ставит четкое различие между человеком «духовным» и человеком «плотским». В духовном человеке, благодаря прикладываемым подвижническим усилиям для исполнения Божиих заповедей, действует Святой Дух, который руководствует человеком в его поступках. И это делает его христианином. Плотской же человек руководствуется прежде всего действующими в нем страстями, при этом может считать себя христианином, будучи далеким от Бога.

Утрачивается ли в связи с возникшим политическим кризисом значение сотрудничества в рамках еврорегиона «Слобожанщина»? Думаю, наоборот, оно должно усиливаться на основе понимания духовного единства населения Слобожанщины.

Другой вызов украинско-российскому трансграничному сотрудничеству связан с желанием властей ограничить трансграничные

---

⁹ Там же.

¹⁰ Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетическая проповедь [Эл. документ] / свт. Игнатий (Брянчанинов). – Реж. дост.: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/asketicheskaya_propoved/41#sel=14:1,14:32

потоки людей для недопущения экстремистских проявлений. Однако ужесточение правил пересечения границы, то есть усиление ее барьерной функции, может привести и уже приводит к нежелательным последствиям.

Барьерная функция позволяет задерживать на границе объекты, которые государство считает негативными, а их проникновение на свою территорию – крайне нежелательным. Однако барьерная функция границы, если она используется государством слишком жестко (вплоть до строительства стен и других укрепленных сооружений)¹¹, порождает негативные эффекты, являясь тормозом трансграничного сотрудничества.

Пограничные барьеры создают прямые или косвенные препятствия для трансграничных контактов, то есть затрудняют контактную функцию границы. С другой стороны, полная отмена пограничного и таможенного контроля в наибольшей степени способствует развитию трансграничных связей, однако может повлечь за собой их криминализацию. Возникает вопрос: возможна ли «золотая середина», соответствующая оптимальной реализации фильтрующей функции, – минимум эффективных барьеров на границе, которые бы отсекали наиболее неблагоприятные эффекты трансграничного потока людей и товаров из одного государства в другое, таких как трансграничная преступность, нелегальная миграция, контрабанда и т.п., и в то же время пропускали ту часть потока, которая пользуется доверием государства и необходима для его развития?

Ответом на данный вопрос стала «умная граница» (англ. Smart Border) – концепция построения сопредельными государствами совместного управления потоками людей и товаров на границе таким образом, чтобы способствовать оптимальной реализации ее фильтрующей функции¹². Впервые она была применена на американско-канадской границе.

«Умная граница» дает возможность наладить добрососедские отношения между граничащими государствами, избежать дублирования в пограничном и таможенном контроле и, как следствие, экономить время и средства, а также устранять ненужные барьеры на пути трансграничных потоков людей, товаров и транспорта.

---

¹¹ Всем известен символ «холодной войны» – Берлинская стена. Для предотвращения проникновения террористов стены были возведены на границах Израиля с Египтом и Палестинской автономией, а также Индии с Пакистаном.

¹² Українсько-російське транскордонне співробітництво: сучасний стан і перспективи: монографія / за ред. проф. А.П. Голікова. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – С. 215.

Нами еще в 2010 г. с целью повышения эффективности прохождения границы между Россией и Украиной было предложено реализовать концепцию «умной границы» на российско-украинском пограничье¹³. Необходимость внедрения ее на украинско-российском пограничье была очевидной, но напрямую зависела от политической воли руководства обеих стран. Однако если раньше Украина и Россия шаг за шагом шли к сокращению препон на границе, то сегодня движение идет в противоположном направлении.

В сложившейся политической ситуации Кабинет Министров Украины пошел на ужесточение режима пересечения границы, введя в одностороннем порядке с 1 марта 2015 г. въезд граждан РФ в Украину по заграничным паспортам своим постановлением от 30.01.2015 г. № 23 «О приостановлении действия отдельных положений Соглашения между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о безвизовых поездках граждан Украины и Российской Федерации», а с 16 марта 2015 г. произошло закрытие Украиной местных пунктов пропуска для въезда жителей пограничных регионов РФ (постановление КМУ от 04.03.2015 г. № 86). Последнее решение прекратило «малое приграничное движение» в соответствии с подписанным 18 октября 2011 г. «Соглашением между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями пограничных регионов Украины и Российской Федерации».

В 2014 г Харьковской областью планировалось обустройство местных пунктов пропуска на украинско-российской границе, на эти цели в областном бюджете было предусмотрено более 6 млн. грн. Но вместо обустройства пунктов пропуска решением сессии Харьковского областного совета от 2 октября 2014 г. эти средства были перенаправлены на оборудование государственной границы. Как объясняется в пояснительной записке к решению сессии, «необходимость в пунктах пропуска отпала»¹⁴.

---

¹³ Черномаз П.А. «Умная граница»: суть и необходимость применения на украинско-российском пограничье // Україна в системі світових економічних процесів. – Х.: МСУ, 2010. – С. 209-216. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5234>; Черномаз П.А. Построение «умной границы» между Россией и Украиной как механизм повышения эффективности ее пересечения // Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Белгород: БелГУ, 2011. – Т. 1. – С. 148-151. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/9385>

¹⁴ Грищенко А. Облсовет выделил миллионы на ров на границе и заграждения из колючей проволоки // STATUS QUO [Эл. pec.]. – Реж. дост.: http://www.sq.com.ua/rus/news/vlast/02.10.2014/oblsovets_vydilil_milliony_na_rov_na_granice_i_zagrazhdeniya_iz_kolyuchej_provoloiki/

Таким образом, возникшие украинско-российские политические противоречия ведут к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. И если не наладить двусторонний политический диалог, то это существенно усугубит кризис в Украине, особенно в приграничных с РФ регионах.

При этом создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового, в том числе европейского, опыта является чрезвычайно важной задачей как для внутреннего развития сопредельных пограничных регионов, так и для укрепления добрососедских отношений между Украиной и Россией.

Выводы

1. За последнее десятилетие в Украине и Российской Федерации была сформирована правовая база для развития трансграничного сотрудничества, в том числе в форме еврорегионов на основе положений Мадридской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве.

2. Еврорегион «Слобожанщина» выступил в роли катализатора процессов украинско-российского межрегионального трансграничного сотрудничества, направленных на улучшение жизни населения приграничных регионов. По его примеру в приграничном регионе Украины и России сформировался каркас территориально компактных еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между расположенными по обе стороны границы территориальными органами власти и самоуправления.

3. Украинско-российские политические противоречия привели к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. Для выхода из кризиса необходим двусторонний украинско-российский политический диалог, одной из важных частей содержания которого должно стать создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового опыта.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1 «Опыт, проблемы и перспективы межрегионального торгово-экономического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза»

<i>Иванов В.А.</i> Тенденции, возможности, проблемы и перспективы развития аграрного сектора северного региона	4
<i>Иванов С.Е.</i> Особенности и взаимосвязи структурного и факторного анализа в оценке экономического роста	19
<i>Кочетова Л.М.</i> Выставочная деятельность как отражение возможностей и перспектив международного торгового сотрудничества в рамках ЕАЭС	28
<i>Куратова Э.С.</i> Динамика и формирование товарообменных процессов северных территорий	34
<i>Лукин Е.В.</i> Межрегиональное торгово-экономическое сотрудничество России в рамках ЕАЭС как инструмент повышения экономической безопасности	44
<i>Межевич Н.М.</i> Некоторые факторы эволюции экономического пространства и их влияние на развитие агломерационных связей в российско-белорусском приграничье	50
<i>Микушева Т.Ю.</i> Состояние и перспективы межрегионального сотрудничества северного региона Российской Федерации в Евразийском экономическом пространстве	57
<i>Новоселов А.С., Маршалова А.С.</i> Приграничное положение как фактор повышения конкурентоспособности территории России и Казахстана	64
<i>Рослякова Н.</i> Оценка экономических эффектов от интеграции для городов российско-белорусского приграничья	68
<i>Сережкина К.И., Огнева В.В.</i> Приграничные связи субъектов как актуальное направление внешнеполитической деятельности Российской Федерации (на примере Брянской области)	77
<i>Шерова С.Х.</i> Анализ инвестиций в Россию и страны БРИКС на фоне изменяющихся глобальных инвестиционных тенденций	83

СЕКЦИЯ 2 «Взаимодействие в сфере науки и инноваций – фактор повышения конкурентоспособности регионов в рамках Евразийского экономического союза»

<i>Айшеева Г.А.</i> Потенциал и перспективы инновационного сотрудничества стран Евразийского экономического союза	94
<i>Алферьев Д.А.</i> Теоретико-методологические подходы к изучению инновационной деятельности промышленных предприятий	101

<i>Балюк С.С.</i> Формирование инновационных кластеров в промышленном комплексе региона (на примере Гродненской области Республики Беларусь)	111
<i>Иванова Е.В.</i> Аграрное консультирование как фактор инновационного развития сельского хозяйства	118
<i>Кузьмин И.В.</i> Оценка и основные направления развития международного сотрудничества регионов в сфере инновационной деятельности	125
<i>Усков В.С.</i> Региональный плодово-ягодный рынок как фактор развития экономики территорий европейского Севера России	136
<i>Шестакова Н.Н.</i> Межгосударственная миграция граждан стран ЕАЭС с учебными целями	149
 СЕКЦИЯ 3 «Гуманитарное сотрудничество, расширение условий для развития человеческого потенциала регионов в Евразийском экономическом пространстве»	
<i>Андреев Э.М.</i> Современные процессы евразийской интеграции: теоретико-методологические и практические аспекты реализации	169
<i>Головчин М.А.</i> Формирование механизмов частно-государственного партнерства в профессиональном образовании в рамках Евразийского экономического союза: опыт России и Казахстана	178
<i>Калашиников К.Н.</i> Здоровоохранение в странах СНГ в постсоветский период	186
<i>Ласточкина М.А.</i> Модернизация в России и странах Евразийского экономического союза	195
<i>Леонидова Г.В., Устинова К.А.</i> Тенденции образования в странах ЕврАзЭС	200
<i>Молодов О.Б.</i> Интеграционные и языковые процессы на постсоветском пространстве Центральной Азии	207
<i>Осадчая Г.И.</i> Возможности социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС в интересах повышения качества жизни населения	214
<i>Пономарева А.С., Мерзликин А.С.</i> Создание современной инфраструктуры периферийных районов Севера как необходимое условие устойчивого развития сельского хозяйства и сельской территории	227
<i>Сапрыка В.А.</i> Концептуальные подходы к исследованию регионального приграничного взаимодействия	239
<i>Селзнёв И.А.</i> Опыт социальной интеграции Европы: уроки и перспективы для Евразийского экономического союза	243
<i>Соловьева Т.С., Попов А.В.</i> Демографический фактор в обеспеченности трудовыми ресурсами экономики России и Казахстана	256
<i>Черномаз П.А.</i> Опыт и проблемы трансграничного сотрудничества на границах Евразийского экономического союза (на примере еврорегиона «Слобожанщина»)	263

Научное издание

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ЕВРАЗИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Материалы международной интернет-конференции
(16–20 июня 2015 года)*

Оригинал-макет
Технический корректор

Т.В. Попова
Н.С. Киселева

Подписано в печать 08.10.2015.
Формат 70×108/16. Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,2. Тираж 500 экз. Заказ № 265.

Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-279-1

9 785932 992791